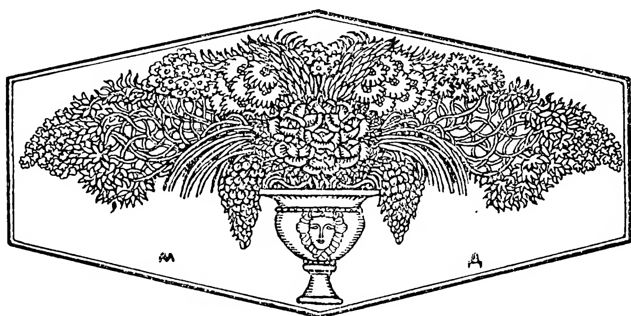
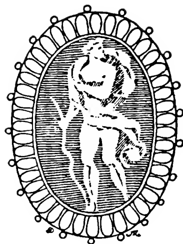
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ

ИЗДАНІЕ
"АПОЛЛОНА"

М·ДОБУЖИНСКІ

Литературный
АЛЬМАНАХЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„АПОЛЛОНЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912

СТИХОТВОРЕНІЯ

Анны Ахматовой, К. Бальмонта, Александра Блока, Андрея Бѣлаго, Н. Гумилева, М. Зенкевича, Incitatus, Сергѣя Клычкова, Николая Клюева, М. Кузмина, Бенедикта Лившица, О. Мандельштама, М. Моравской, Анри де Ренье (перев. Макс. Волошина).

А. де Ренье *

Кровь Марсія

Какъ голосъ водъ въ лѣсныхъ ключахъ различенъ,
Такъ у деревъ есть голосъ — долгій, смутный...
Прислушайся: у каждаго свой голосъ въ вѣтрѣ.
И стволъ нѣмой передаетъ листвѣ живой
Подземныя слова своихъ глухихъ корней:
Весь темный лѣсъ — одинъ широкошумный голосъ.
Прислушайся, какъ дубъ шумитъ, береза
Лепечетъ, замирая, глухо ропщутъ буки,
И стонутъ ясени, а бѣглый трепетъ ивы
Звучитъ почти какъ рѣчь невнятная,
И слышатся въ порывахъ
Морского вѣтра
Таинственныя жалобы сосны...
Ея кора и стволъ обагрены
Горячей кровью бѣднаго сатира...

Марсій!
Я зналъ и видѣлъ
Марсія,
Чьей дерзкой флейтою была побита Лира.
Я видѣлъ, какъ онъ былъ привязанъ
Руками и ногами
Къ стволу сосны;
И разсказать могу
Что было
Межъ Богомъ и Сатиромъ,
Ибо видѣлъ,
Какъ онъ привязанъ былъ, лишенный кожи,
Къ стволу сосны.

Онъ кротокъ былъ, задумчивъ, скрытенъ
И молчаливъ;

---

* Переводъ Максимиліана Волошина.

Маленькій и съ сильными ногами,
Съ ушами длинными, заостренными,
Съ темною бородкой,
Въ которой вились нити сѣдыхъ волосъ.
Зубы были
Ровны, бѣлы, и смѣхъ его короткій, рѣдкій
Въ глазахъ свѣтился
Какой то ясностью —
Печальной и внезапной —
Молчаливой...
Ступалъ онъ четко, сухо,
Ходилъ походкой быстрой и танцующей,
Какъ нѣкто, въ глубинѣ себя несущій
Какую то большую радость, но молчащій.
Онъ рѣдко улыбался, говорилъ немного,
Поглаживая темную бородку,
Съ серебряною просѣдью.

Въ дни осени,
Когда сатиры празднуютъ сборъ винограда
И пьютъ изъ бурдюковъ, и славятъ дивный плодъ,
И тамбуринъ
Гудитъ, грохочетъ, бьетъ;
Въ дни осени
Когда они танцуютъ,
Скача съ копыта на копыто, вкругъ
Большихъ амфоръ и краснаго точила,
Съ лозою межъ роговъ
И съ факеломъ въ рукахъ;
Въ дни осени
Когда всѣ пьяны, Марсій
За ихъ толпой
Шелъ легкими шажками, не мѣшаясь
Въ ихъ оргію;
И не алила
Струя вина его лохматой шерсти: онъ
Сорвавши гроздь, серіозный, сѣвъ на землю,
Ѣлъ осторожно ягоду за ягодой
И въ руку

Сплевывалъ пустыя шкурки.

Онъ жилъ одинъ у рощи гулкихъ сосенъ.

Была его пещера низка и глубока —
Въ плечѣ скалы у горнаго ключа.
Въ ней помѣщалась
Постель изъ мха,
Глиняная чаша,
Миска деревянная,
Скамейка
И связка тростниковъ въ углу.
А рядомъ
Въ защитѣ отъ вѣтровъ,
Онъ, будучи искусенъ въ плетеніи корзинъ
И лакомъ
До меда свѣжаго, поставилъ ульи.
И гулъ роевъ сливался съ гуломъ сосенъ...
Такъ жилъ Марсій-Сатиръ.

Днемъ
Бродилъ онъ по полямъ, повсюду гдѣ текутъ
Подземныя, таинственныя воды;
Онъ вѣдалъ всѣ ключи:
Тѣ, что изъ скалъ сочатся за каплей капля,
Тѣ,
Что изъ песковъ бѣгутъ, и бьютъ въ травѣ,
Тѣ, что жемчужатся,
Тѣ, что кипятъ,
Обильные, скупые,
Истоки рѣкъ, начала ручейковъ,
Тѣ, что въ лѣсахъ, и тѣ, что на равнинѣ,
Священные ключи и сельскіе колодцы —
Онъ зналъ всѣ воды
Окрестности.

Марсій былъ искусенъ

Изъ тростника вырѣзывать свирѣли:
Умѣлъ обрѣзать
Въ должномъ мѣстѣ стволъ,
Чтобъ сталъ онъ
Сиринксомъ или флейтой;
Сдѣлать дырки для пальцевъ
И одну большую для губъ,
Смиренное дыханіе которыхъ
Вдругъ наполняло лѣсъ таинственною пѣснью,
Нежданною и чистой,
И росло, смѣялось, плакало, роптало и шуршало.
Марсій былъ искусенъ и терпѣливъ.
Онъ иногда работалъ на зарѣ иль при лунѣ,
Поглаживая темную бородку,
Съ серебряною просѣдью.

Онъ зналъ прекрасно тысячи пріемовъ
Срѣзать тростникъ — короткій или длинный,
И о звукѣ:
Какъ слѣдуетъ приставить губы, сдѣлать,
Чтобъ брызнулъ звукъ пронзительный и чистый,
Иль нѣжный, иль глухой, короткій или тихій,
Какъ сохранять дыханье,
Какъ сидѣть,
Какъ ставить руки
Локтями внизъ,
И многое другое...

Онъ не любилъ играть, когда могли услышать.
Онъ никогда изъ грота не спускался,
Чтобъ вызывать на состязанье въ пѣньи
Окрестныхъ пастуховъ, какъ прочіе сатиры.
По вечерамъ, когда всѣ люди спали,
Беззвучно онъ скользилъ по влажнымъ травамъ
И уходилъ, порою до разсвѣта
На склоны горъ, и, сѣвши тамъ межъ сосенъ,
Глядѣлъ, въ молчаньи, въ безконечность, въ ночь...
И флейта лѣсъ дыханьемъ наполняла,

И чудо! — каждое казалось пѣло
Во мракѣ дерево. Его такимъ я слышалъ.
И былъ великъ, таинственен, прекрасенъ
Огромный лѣсъ, живущій въ малой флейтѣ,
Со всей своей душой, съ листвой, съ ключами,
И съ небомъ, и съ землей, и съ вѣтромъ.

Но тѣ, что слышали его,
Смѣялись, повторяя:
‚Этотъ Марсій сошелъ съ ума,
Его напѣвы плачутъ, потомъ смѣются,
Вдругъ смолкаютъ, возникаютъ...
И, Богъ вѣсть почему,
Умолкнувъ, плачутъ снова‘.
— ‚Онъ не умѣетъ пѣть по правиламъ,
И правъ, играя только для лѣсныхъ деревьевъ‘.
Такъ говорилъ фавнъ Агесъ, — знаменитый
Пѣвецъ, завистливый соперникъ.
Онъ былъ старъ, имѣлъ одинъ лишь рогъ,
И не любилъ онъ
Марсія.

Въ то время Аполлонъ
Остановился, проходя страною Аркадійской,
На нѣсколько часовъ у жителей Келены.
Былъ собранъ хлѣбъ и близки сборы
Винограда.
А такъ какъ грозди были тяжелы,
И полны житницы,
И всѣ довольны,
То съ радостью привѣтствовали Бога
Киѳареда.
Прекрасенъ былъ, стоявшій въ дискѣ солнца,
Касаясь струнъ великолѣпнымъ жестомъ,
Надменный Богъ, торжественный, довольный
И царственный. Порою отиралъ
Онъ потъ съ чела. И струны лиры пѣли,
И черепаха рокотала глухо.

И гимнъ вставалъ, размѣренный и строгій
Надъ мирною и пурпурной землею.
А лира пѣла подъ руками Бога,
Какъ бы охваченная пламенемъ...

Толпились всѣ кругомъ —
И пастухи, и пастыри,
Пастушки, рыболовы, дровосѣки
Сидѣли вкругъ него;
И я — старикъ — одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ,
Кто нѣкогда внимали звукамъ
Великой Лиры.
И фавны, и сильваны, и сатиры
Окрестныхъ рощъ, равнинъ и горъ
Сошлись, чтобы послушать Аполлона.
Одинъ лишь Марсій
Оставался на верху —
Въ пещерѣ,
И, лежа,
Слушалъ сосны, пчелъ и вѣтеръ.

О Марсій!
Туда они пришли искать тебя...
Когда умолкла лира, всѣ хотѣли,
Чтобы Пѣвецъ послушалъ нашихъ пѣсенъ.
И кто на дудочкѣ, а кто на флейтѣ,
Будили эхо.
По очереди каждый пѣлъ.
И доходили пѣсни до уха Бога —
Наивныя, глухія, грубыя.
Порою два пѣвца перекликались,
И пѣсни двухъ соперниковъ, смѣняясь,
Фальшивили, и ритмы ихъ хромали.
А Аполлонъ ихъ слушалъ благосклонный,
Безмолвный, стоя въ сіяньи солнечномъ,
Внимательный и къ пастухамъ, и къ фавнамъ,
Неутомимый, снисходительный,
Безстрастный...

Пока не появился Агесъ. Былъ онъ старъ,
Морщинистъ, безголосъ, страдалъ одышкой,
А когда то искусенъ былъ на флейтѣ,
Но съ годами лишились силы пальцы. И когда
Беззубымъ ртомъ онъ дунулъ —
Изъ флейты знаменитой родился звукъ
Такой пронзительный и рѣжущій,
Что Аполлонъ не могъ не улыбнуться,
И сдѣлалъ видъ, что поправляетъ струны лиры.
Но старый Агесъ
Замѣтилъ улыбку
И былъ разстроенъ.
‚Разъ онъ улыбнулся, услыхавъ меня,
Навѣрно разсмѣется, услышавъ Марсія‘,—
Подумалъ Агесъ,
И Богу о сатирѣ началъ говорить.
Какъ съѣвшій меда ужъ не помнитъ воска, —
Улыбку Лирника, когда онъ разсмѣется
Надъ Марсіемъ, —
Они забудутъ.

Онъ пришелъ.
Толпа раздалась,
Чтобъ пропустить его.
Онъ шелъ спѣша,
Сухими, быстрыми, короткими шагами,
Какъ нѣкто, кто торопится скорѣе кончить дѣло.
Онъ несъ съ собою флейту —
Маленькую,
Вѣрную,
Изъ одного куска.
Онъ сѣлъ на землю противъ Аполлона,
Скромный, опустивъ глаза
Предъ Богомъ ослѣпительнымъ,
Стоявшимъ въ дискѣ солнца съ золотою лирой!

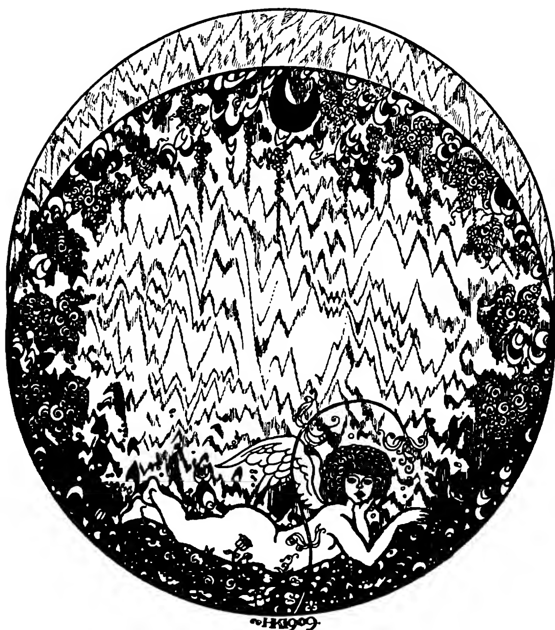
И онъ запѣлъ...
Сперва казалось

Какъ будто вѣтерокъ шуршитъ въ саду,
Какъ будто воды текутъ въ травѣ иль по пескамъ...
Потомъ, какъ будто дождь, потоки, ливень...
Потомъ, какъ будто, вѣтеръ или море, —
Потомъ онъ замолчалъ... И снова флейта
Запѣла ясно... Вдругъ мы услыхали
Жужжанье пчелъ, и ропотъ гулкихъ сосенъ...
Покамѣстъ пѣлъ онъ, обернувшись къ солнцу, —
Свѣтило медленно закатывалось.
И Аполлонъ теперь стоялъ въ тѣни,
Обеззолоченный и сразу ставшій темнымъ
Изъ свѣтлаго,
Какъ будто вдругъ вошедшій въ ночь.
А Марсій между тѣмъ,
Ласкаемый послѣдними лучами,
Алившими лицо, багрянившими шерсть,
Пѣлъ упоенный солнцемъ, и казалось,
Что къ флейтѣ золотой онъ прижималъ уста.
И слушали всѣ Марсія - Сатира.
И пріоткрывши рты, всѣ ждали смѣха Бога,
И смотрѣли на ликъ божественный,
Который теперь
Казался ликомъ мѣднымъ.
Вдругъ, ясными глазами на Бога глядя, Марсій,
На два куска сломалъ объ ногу флейту.
Тогда огромный вопль — звѣриный, долгій,
Вопль радости и гиканья восторга, топанье ногами
Внезапно поднялись, и смолкли сразу,
Потому что средь возгласовъ и смѣха
Аполлонъ
Стоялъ одинъ — жестокій и безмолвный
И не смѣялся, все понявъ.

Марсій говоритъ:

Пусть такъ! Онъ самъ хотѣлъ! Я побѣдитель Бога.
Привѣтъ тебѣ, земля, такъ долго и такъ много
Меня питавшая! Лѣса мои! Родникъ
Текучихъ водъ, гдѣ я срѣзалъ сухой тростникъ,
Въ которомъ трепетно смѣется и рыдаетъ

Мое дыханіе — растетъ и ропщетъ, таетъ,
То всхлипами ручья, то шумами листвы.
Лица, надъ водами склонившагося, — вы
Ужъ не увидите. Мнѣ не слѣдить глазами
Въ небесной синевѣ за стройными вѣтвями!
Накажетъ грозный Богъ Сатира. Взрѣжетъ ножъ,
Мой мягкій бурый мѣхъ, сдеретъ покровы кожъ,
Кровавя шерсть мою. Умру я. Но напрасно
Завистникъ царственный, соперникъ мой опасный,
Рукой неопытной наладивши свирѣль,
Мой голосъ отыскать захочетъ... А теперь
Вы тѣло Марсія, дрожащее отъ боли,
Изъ кожи вынете, зане, не все равно ли,
Что я уйду съ земли: мой голосъ не умретъ,
Покамѣстъ вѣтръ морской въ стволѣ сосны поетъ.

Сонъ

Я видѣлъ сонъ: мы въ древнемъ склепѣ
Схоронены; а жизнь идетъ
Вверху — все громче, все нелѣпѣй;
И день послѣдній настаетъ.

Чуть брезжитъ утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Надъ нами — красныя каменья
И мавзолей изъ чугуна.

И Онъ идетъ изъ дымной дали, —
И Ангелы съ мечами — съ Нимъ, —
Такой, какъ въ книгахъ мы читали,
Скучая и не вѣря имъ.

И слышу, мать мнѣ рядомъ шепчетъ:
— „Мой сынъ, ты въ жизни былъ силенъ:
— Нажми рукою сводъ покрѣпче,
— И камень будетъ отваленъ!“

Подъ аркою того же свода
Лежитъ спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочетъ воскресать она.

— Нѣтъ, мать. Я задохнулся въ гробѣ,
— И больше нѣтъ бывалыхъ силъ.
— Молитесь и просите обѣ,
— Чтобъ Ангелъ камень отвалилъ.

*

Все на землѣ умретъ — и мать, и младость,
Жена измѣнитъ и покинетъ другъ.
Но ты учись вкушать иную радость,
Глядясь въ холодный и полярный кругъ.

Бери свой челнъ, плыви на дальній полюсъ
Въ стѣнахъ изъ льда, — и тихо забывай,
Какъ здѣсь страдали, гибли и боролись.
И забывай страстей бывалыхъ край...

И къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада
Усталую ты душу пріучи,
Чтобъ было здѣсь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи!

Изъ поэмы ‚Новый Ролла‘

1

Снизу доносятся смутные шумы,
Крикъ продавцовъ и шумъ каретъ.
Тупо и тягостно тянутся думы,
Въ будущемъ счастья сердцу нѣтъ.
Какъ въ голубятнѣ, сижу я въ свѣтелкѣ,
Мимо бѣжитъ глухой Парижъ...
Что собираешь сосуда осколки,
Цѣлымъ разбитый вновь творишь?
Вѣтеръ въ окошко мнѣ пыль не доноситъ,
Смолкнутъ вдали колеса фуръ,
Блѣдное золото вечеръ наброситъ
На полъ, на столъ, на бѣлый шнуръ.
Все, что минулося, снова всплываетъ,
Въ этотъ прозрачный, свѣтлый часъ.
Часъ одиночества, тотъ тебя знаетъ,
Въ комъ навсегда огонь погасъ!

2

Какъ въ сердцѣ сумрачно и пусто!
Въ грядущемъ — дней пустынныхъ рядъ.
Судьба, — искусная Локуста, —
Какъ горекъ твой смертельный ядъ!
Не я ль, словамъ твоимъ послушенъ,
Стоялъ часами на мосту?
Но все жъ я не былъ малодушенъ,
Не бросилъ жизни въ темноту.
По небу пламеннымъ размахомъ
Закатъ взвихрился выше трубъ,
Но я не сталъ бездушнымъ прахомъ:

Дышу, живу, ходячій трупъ.
Кто грудь мою мечемъ разрѣжетъ?
Кто вспрыснетъ влагою живой?
Когда заря въ ночи забрезжитъ,
Затеплю гдѣ свѣтильникъ свой?

3

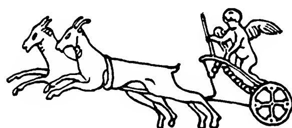
Чья таинственная воля
Мнѣ въ пути тебя послала,
Странно другомъ нарекла?
Какъ утоптанное поле,
Жизнь въ грядущемъ мнѣ предстала
И пустыней привлекла.
Такъ различны, такъ несхожи,
Сердца грустныя желанья,
Наши тайныя мечты, —
Но тѣмъ ближе, тѣмъ дороже
Мнѣ по улицамъ скитанья,
Гдѣ идешь со мною ты.
Вздохамъ горестнымъ помѣха
Чувствамъ сладостнымъ преграда,—
Сталъ сухой и горькій смѣхъ.
Какъ испорченное эхо,
Мнѣ на все твердитъ: ‚не надо:
Вздохи, чувства — смертный грѣхъ'.
Все, что мыслю, все, что знаю,
Я въ тебѣ ничтожнымъ вижу,
Будто въ вогнутомъ стеклѣ, —
Но очей не отвращаю
И судьбу свою приближу
Къ намагниченной иглѣ.
Словно злыми палачами
Къ трупу вражьему прикованъ,
Я влачуся, самъ какъ трупъ,
И беззвѣздными ночами
Я не буду расколдованъ
Ярымъ ревомъ новыхъ трубъ.

Салонъ шумѣлъ веселымъ ульемъ,
Въ дверяхъ мужчинъ тѣснился строй,
Манилъ глаза живой игрой
Рядъ пышныхъ дамъ по желтымъ стульямъ.
Къ камину опершись, поэтъ
Читалъ поэму томнымъ дѣвамъ;
Старушки думали: ‚ну гдѣ вамъ
Вздохнуть, какъ мы, ему въ отвѣтъ?‘
Въ длиннѣйшемъ сюртукѣ политикъ
Юнцовъ гражданскихъ поучалъ,
А въ креслѣ дѣдовскомъ скучалъ
Озлобленный и хмурый критикъ.
Сѣдой старикъ невдалекѣ
Велъ оживленную бесѣду,
То наклоняяся къ сосѣду,
То прикасаяся къ рукѣ,
А собесѣдникомъ послушнымъ
Былъ изъ провинціи аббатъ,
Въ рябинахъ, низокъ и горбатъ,
Съ лицомъ живымъ и простодушнымъ.
Ихъ разговоръ меня привлекъ
Какой-то странной остротою,—
Такъ, утомленный темнотою,
Влечется къ лампѣ мотылекъ.
Но вдругъ живой мотивъ ‚редовы‘
Задорно воздухъ пронизалъ,—
И дамы высыпали въ залъ:
Замужнія, дѣвицы, вдовы.
Шуршанье платьевъ, звяки шпоръ,
Жемчужныхъ плечъ и рукъ мельканье,
Эгретокъ бойкое блистанье,
И взгляды страстные въ упоръ...
Духовъ и тѣлъ томящій запахъ,
Какъ облакъ душный поднялся,
А разговоръ межъ тѣмъ велся
О власти Рима и о папахъ.
И старца пламенная рѣчь
Такимъ огнемъ была повита,

Что, мнилось, можетъ изъ гранита
Родникъ живительный изсѣчь.
И я, смущенье одолѣвъ,
Спросилъ у спутника: ‚кто это?‘
Сквозь стекла поглядѣвъ лорнета,
Онъ отвѣчалъ: ‚Де-Мэстръ, Жозефъ‘.

5

Письмо любви! о пальцы женскихъ рукъ,
Дрожали ль вы, кладя печать цвѣтную?
Какъ безъ участья тотъ конвертъ миную,
Гдѣ спятъ признанья, дѣвичій испугъ!
А можетъ быть, кокетка записная
Обдуманный, холодный приговоръ
Прислала мнѣ, и блещетъ зоркій взоръ,
Заранѣе свою побѣду зная?
Зовете вы любя, иль не любя, —
Что мнѣ до васъ: одна, другая, третья?
Ахъ, не могу огнемъ былымъ горѣть я
И не хочу обманывать себя.
Я не сорву заманчивой печати,
Гдѣ сердце со стрѣлой и голубки...
Слова любви, вы — сладки и гибки,
Но я — ужъ не боецъ любовной рати.

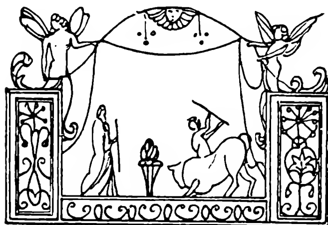
Пряжа сновъ

Пряжа сновъ, то нити длинныя
Переливчатыхъ цвѣтовъ,
Сочетанья безпричинныя,
Умъ ихъ прясть всегда готовъ.

Чуть коснешься мыслью ткущею
Этой пряжи, — и на ней
Вмигъ, минутою бѣгущею,
Встанетъ сказка старыхъ дней.

Тронетъ грезою усталою
Малый алый лепестокъ, —
Вдругъ, легендой запоздалою,
Всхлипнетъ лютня. Сонъ глубокъ.

Сонъ — узывчивость зеркальности,
Блѣдный теремъ въ глубинѣ,
Всѣ напѣвныя печальности
Въ радость тянутся во снѣ.

Андрей Бѣлый

Шутъ

I

Есть край, гдѣ бѣлый замокъ
Въ пучину бьющихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ башенъ
Глядитъ — который годъ!

Его сжигаетъ солнце,
Его дожди сѣкутъ...
Есть королевна въ замкѣ,
И есть горбатый шутъ.

Прищелкивая звонко
Трескучимъ бубенцомъ,
Докучно выростаетъ
На выступѣ сѣдомъ.

Струею красной въ вѣтеръ
Атласный плащъ летитъ:
На каменныхъ отвѣсахъ
Подолгу шутъ сидитъ.

И долго, долго смотритъ
На западъ огневой;
Въ вечерніе туманы
Колпакъ подкинетъ свой.

Изъ каменныхъ пробоинъ
Взлетаетъ стая совъ,
Когда несется съ башни
Трубы далекій ревъ.

II

Въ тяжелый, знойный полдень,
Таясь въ тѣни аркадъ,

Выходитъ королевна
Послушать трескъ цикадъ;

Изъ блещущихъ травинокъ,
Изъ росянистыхъ пней
Небесною коронкой
Цвѣтокъ смѣется ей.

Едва она сломала
Высокій стебелекъ —
‚О, королевна, вспомни‘,
Пролепеталъ цвѣтокъ;

Едва она сломала
Высокій стебелекъ —
Кипучею струею
Ей въ очи брызнулъ сокъ:

Блестя, запѣли воды,
Окрестность, лугъ, цвѣты;
Запѣлъ старинный вѣтеръ:
‚О вспомни, вспомни ты‘...

Прошелъ родимый замокъ,
Какъ облако, надъ ней
Зубцами сѣрыхъ башенъ:
Растаялъ въ безднѣ дней.

III

Изъ за цвѣтовъ лиловыхъ
Грозился старый шутъ;
Надъ ней, какъ адскій пламень,
Мелькнулъ его лоскутъ.

На солнечныя травы
Упала тѣнь горбомъ,
И тѣневыя руки
Качались надъ цвѣткомъ;

Беззвучно колыхалась
Хохочущая грудь;
Бубенчики запѣли:
„Забудь, забудь, забудь".

Какъ змѣи, шелестѣли
Въ тяжелый зной листки;
На башенныхъ оконцахъ
Блеснули огоньки;

Горбатый, сѣрый замокъ
Надъ лугомъ въ бѣлый день
Крыломъ нетопырьинымъ
Развѣялъ злую тѣнь.

Очнулась королевна.
Всему — конецъ, конецъ:
Разбейся же, о сердце,
Трескучій бубенецъ!

Ты, одуванчикъ-счастье,
Пушинкой облетай:
Пошла, роняя слезы,
На бѣлый горностай.

Отмахиваясь вѣткой
Отъ блещущихъ стрекозъ,
За ней сѣдой насмѣшникъ
Тяжелый шлейфъ понесъ:

Качались стебелечки
Плѣнительныхъ вербэнъ
Между атласныхъ, черныхъ
Обтянутыхъ колѣнъ.

IV

Потокъ рыдаетъ пѣной,
Клокочетъ бездной дней...

Въ рѣшетчатыя окна
Влетаетъ снопъ огней.

О, королевна, вспомни
Голубенькій цвѣтокъ. —
И надъ тобою дрогнетъ
Твердыней вставшій рокъ.

Расплачется въ воротахъ
Заржавленный засовъ:
Пернатый, ясный рыцарь
Летитъ изъ тьмы вѣковъ;

Конемъ кидаясь въ солнце
Надъ пѣнистымъ ручьемъ,
Гремитъ трубою въ вѣтеръ,
Блистаетъ въ даль копьемъ;

Дрожащій лучъ играетъ
Упавъ изъ за плеча
Голубоватой сталью
На остріѣ меча;

И бросило забрала
Литое серебро
Косматымъ, бѣлымъ дымомъ
Летящее перо:

И плещется попона
За гривистымъ конемъ
Малиновымъ, тяжелымъ
Протянутымъ крыломъ.

V

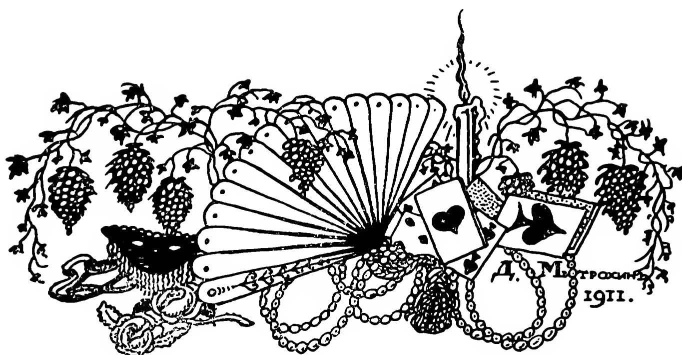
Есть край, гдѣ старый замокъ
Въ пучину бьющихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ башенъ
Глядитъ — который годъ.

Его сжигаетъ солнце
Его дожди сѣкутъ...
Есть королевна въ замкѣ;
И есть горбатый шутъ.

Съ вершины мшистой башни
Гремитъ въ закатъ труба,
И надъ мостомъ чугуннымъ
Мелькаетъ тѣнь горба.

И за стѣной зубчатой
Докучный бѣгъ минутъ
Трещеткой деревянной
Отсчитываетъ шутъ.

О, королевна, близко
Спасеніе твое:
Въ чугунныя ворота
Ударилось копье.

Сонъ

Вы сегодня такъ красивы,
Что вы видѣли во снѣ?
—,Берегъ, ивы
При лунѣ‘. —

А еще? Къ ночному склону
Не приходятъ, не любя.
—,Дездемону
И себя‘. —

Вы глядите такъ несмѣло,
Кто тамъ былъ за купой ивъ?
—,Былъ Отелло...
Онъ красивъ‘. —

Былъ ли онъ васъ двухъ достоинъ,
Былъ ли онъ какъ лунный свѣтъ?
—,Да, онъ воинъ
И поэтъ‘. —

О какой же спѣлъ онъ нынѣ
Неоткрытой красотѣ?
—,О пустынѣ
И мечтѣ‘. —

И вы слушали влюбленно,
Нѣжной грусти не тая?
—,Дездемона,
Но не я‘. —

*

Мнѣ не нравится томность
Вашихъ скрещенныхъ рукъ,
И спокойная скромность,
И стыдливый испугъ.

Героиня романовъ Тургенева,
Вы надменны, нѣжны и чисты,
Въ васъ такъ много безбурно-осенняго
Отъ аллеи, гдѣ кружатъ листы.

Никогда ничему не повѣрите,
Прежде чѣмъ не сочтете, не смѣрите;
Никогда никуда не пойдете,
Коль на картѣ путей не найдете!

И вамъ чуждъ тотъ безумный охотникъ,
Что, взойдя на нагую скалу,
Въ пьяномъ счастьѣ, въ тоскѣ безотчетной,
Прямо въ солнце пускаетъ стрѣлу.

*

Вечерній медленный паукъ
Въ травѣ сплетаетъ паутину, —
Надежды знакъ. Но, милый другъ,
Я взора на него не кину.

Всю обольстительность надеждъ,
Не жизнь, а только сонъ о жизни,
Я оставляю для невѣждъ,
Для сонныхъ евнуховъ и слизней.

Мое ‚сегодня‘ на мечту
Не промѣняю я и знаю,
Что муки ада предпочту
Лишь обѣщаемому раю, —

Чтобъ въ часъ, когда могильный мракъ
Вольется въ сомкнутыя вѣжды,
Не засмѣялся мнѣ червякъ,
Паучьи высосавъ надежды.

*

Я жду, исполненный укоровъ:
Но не веселую жену
Для задушевныхъ разговоровъ
О томъ, что было въ старину.

И не любовницу. — Мнѣ скученъ
Ихъ робкій шопотъ, томный взоръ,
Я къ упоеньямъ ихъ пріученъ,
Меня не дразнитъ ихъ позоръ.

Я жду товарища, отъ Бога
Въ вѣкахъ дарованнаго мнѣ,
За то, что я томился много
По вышинѣ и тишинѣ.

И какъ преступенъ онъ, суровый,
Коль вѣчность промѣнялъ на часъ,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующія насъ!

*

Какою музыкой мой слухъ взволнованъ?
Чьимъ страннымъ обликомъ я зачарованъ?

Душа прохладная, теперь опять
Ты мнѣ позволила желать и ждать.

Душа просторная, какъ утромъ даль,
Ты убаюкала мою печаль.

Ее, любившую дорогу въ храмъ,
Сложу молитвенно къ твоимъ ногамъ.

Все, все, что искрилось въ моей судьбѣ,
Все, все пропѣтое, тебѣ, тебѣ!

*

Вотъ я одинъ въ вечерній тихій часъ
Я буду думать лишь о васъ, о васъ.

Возьмусь за книгу, но прочту ‚она‘,
И вновь душа пьяна, обожжена.

Я брошусь на раскрытую кровать,
Подушка жжетъ, нѣтъ, мнѣ не спать, а ждать!

И, крадучись, я подойду къ окну,
На дымный лугъ взгляну и на луну.

Вотъ тамъ, у липъ, вы мнѣ сказали ‚да‘...
О, это ‚да‘, со мною навсегда.

. . . .

И вдругъ сознанье броситъ мнѣ въ отвѣтъ,
Что васъ, покорной, не было и нѣтъ.

Что ваше ‚да‘, вашъ трепетъ, у сосны
Вашъ поцѣлуй — лишь бредъ весны и сны.

*

Я въ коридорѣ дней сомкнутыхъ,
Гдѣ даже небо тяжкій гнетъ:
Смотрю въ вѣка, живу въ минутахъ,
Но жду Субботы изъ Субботъ,

— Конца тревогамъ и удачамъ,
Слѣпымъ блужданіямъ души...
О день, когда я буду зрячимъ
И странно-знающимъ, спѣши!

Все, что пугало, расколдуя,
Все, что дразнило, уловя,
Благословлю я золотую
Дорогу къ солнцу отъ червя.

И тотъ, кто шелъ со мною рядомъ
Въ громахъ и кроткой тишинѣ,
Кто былъ жестокъ къ моимъ усладамъ,
Но ясно-милостивъ къ винѣ,

Училъ молчать, хотѣть, бороться,
Всей древней мудрости земли,—
Положитъ посохъ, обернется
И звонко крикнетъ: ‚мы пришли!‘

М. Зенкевичъ

Походъ

Александра Македонскаго въ Индію

I

Не внявши прорицаньямъ маговъ,
Чрезъ камни и солончаки
Безумецъ Александръ отъ даговъ
Повелъ на Индію полки.

Достигнутъ Индъ. И всѣ разсказы,
И сказки превзошла она —
Тягучихъ ядовъ и заразы,
Огня и золота страна.

И Поръ бѣжалъ съ нестройнымъ скопомъ...
Но были греки смущены,
Когда вдругъ ринулись галопомъ,
Въ шеренгу выстроясь, слоны.

Все было странно — средь болота
Рабами запряженный плугъ,
И пестрыхъ тигровъ позолота,
Краснѣющая сквозь бамбукъ;

И дѣвушки — ихъ поступь строже
Медлительной походки жрицъ,
Но какъ у змѣй — отливы кожи,
И точно когти сгибъ рѣсницъ.

Зачѣмъ, какъ въ шумныя Аѳины
Ораторы и мудрецы,
Въ угрюмый лѣсъ бѣгутъ брамины,
Полубезумные жрецы?

И черезъ тинистыя рѣки
И желтый, какъ парча туманъ,
Съ веселымъ шумомъ плыли греки
Внизъ по теченью въ океанъ.

И часто призракъ прорицаній
Имъ виденъ былъ на берегу —
Браминъ Нирвану созерцаній
Пріявшій въ пламенномъ кругу.

Сгущался воздухъ испареньемъ,
Гудѣли древніе лѣса,
И греки туго, со смущеньемъ,
Натягивали паруса.

II

Походъ законченъ. И отъ устья
Съ добычей флотъ повелъ Неархъ,
Но страшенъ въ ярости и грусти
На буйныхъ оргіяхъ монархъ.

Отравленный страною чумной,
Ея дыханіемъ сожженъ,
Онъ ночью крикомъ, какъ безумный,
Все гонитъ прочь какой-то сонъ.

И на пирахъ стрѣлой звенящей, —
Нежданныхъ молній остріе —
Въ рукѣ царя сверкаетъ чаще
Окровавленное копье.

Онъ съ колесницы грознымъ взглядомъ
Еще влечетъ черезъ пески,
Отравленные скрытымъ ядомъ,
Свои тяжелые полки.

Но не ворота Геркулеса —
Предѣлы покоренныхъ странъ,

Ворота темнаго Аидеса
Ему откроетъ океанъ.

Уже измученный страстями
Безславно палъ Гефестіонъ
И просмоленными стѣнами
Вдали чернѣетъ Вавилонъ...

1909 г.

Мясные ряды

Скрипятъ желѣзные крюки и блоки,
И туши вверхъ и внизъ сползать должны.
Подъ блѣдною плевой кровоподтеки
И внутренности изсиня-черны.

Все просто такъ! Мы — люди, въ нашей власти —
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленныя части
Ножами рвать на красные куски.

И чудится, — что въ золотомъ эфирѣ
И насъ, какъ мясо, вѣшаютъ Вѣсы,
И такъ же чашки ржавы, тяжки гири,
И такъ же алчно крохи лижутъ псы.

И какъ и здѣсь, рѣшающимъ привѣскомъ
Такіе жъ жилистые мясники
Бросаютъ на желѣзо съ легкимъ трескомъ
Отъ сала свѣтлые золотники...

Прости, Господь! Ужель съ полдневнымъ жаромъ,
Когда отъ тушъ исходитъ тяжко духъ,
И тамъ, какъ здѣсь, надъ смолкнувшимъ базаромъ
Лишь засверкаютъ стаи липкихъ мухъ?

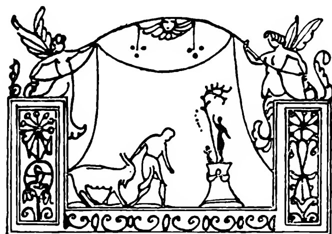
Бова на разсвѣтѣ

М. П. Чайковскому

Въ дальней, дальней сторонѣ,
Гдѣ свѣтаетъ синева,
Гдѣ синѣетъ Торова,
Въ красномъ, лисьемъ зипунѣ
Выѣзжаетъ на конѣ
Изъ грозовыхъ тучъ Бова...

Звѣздъ высокихъ полоса
Колосится подъ луной,
Подъ туманной пеленой
Близко у моря лѣса,
Надъ вспѣненною волной
Облака, какъ паруса...

И стучитъ студеный ключъ
Въ звонкомъ, горномъ хрусталѣ,
И сверкаетъ булава,
И, спускаясь по скалѣ,
Выѣзжаетъ изъ-за тучъ
Къ морю синему Бова...

Николай Клюевъ

Пѣсни

Дѣвичья

Вы бѣлила - румяны мои,
Дорогія, новокупленныя,

На меду - винѣ разволенныя,
На бѣло лицо положенныя,

Разгоритесь зарецвѣтомъ на щекахъ,
Алымъ макомъ на дѣвическихъ устахъ,

Чтобъ пригоже меня, краше не было
Супротивницамъ-подруженькамъ на зло.

Ужъ я выйду на широкую гульбу —
Про свою людямъ повѣдаю судьбу:

‚Вы не зарьтесь на жаръ-полымя румянъ,
Не глядите на парчевый сарафанъ‘.

‚Скоро дѣвушку въ полонъ заполонитъ
Во пустынѣ тихозвонный, бѣлый скитъ‘.

Скатной ягодѣ не скрыться при пути, —
Отъ любови дѣвкѣ сердца не спасти.

Теремная

Какъ во нашей ли деревнѣ —
Въ развеселой слободѣ,
Былъ дѣтина, какъ малина,
Тонкоплечъ и чернобровъ,

Онъ головушкой покоренъ,
Сердцемъ-полымемъ ретивъ,

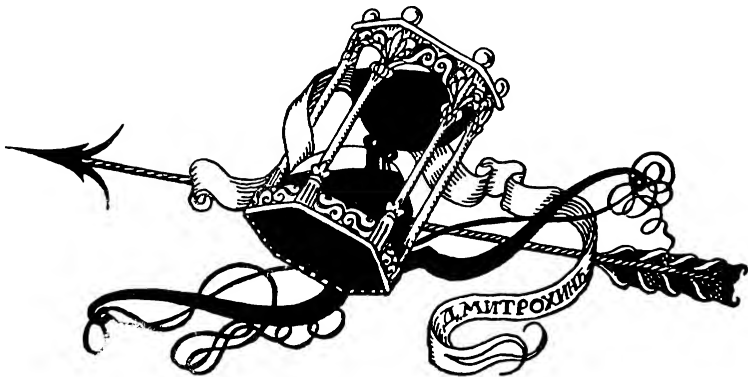
Дозволенья ожениться
У родителя просилъ.

На кручинное моленье
Не отвѣтствовалъ отецъ —
Тѣмъ на утреннемъ пролетѣ
Сиза голубя сгубилъ.

У студенаго поморья,
На пустынномъ берегу,
Сынъ подъ елью въ темной кельѣ
Поселился навсегда.

Иногда изъ кельи строгой
На уклонъ выходитъ онъ
Поглядѣть, какъ стелетъ море
По набережью туманъ.

Какъ плывутъ надъ моремъ тучи,
Волны буйныя шумятъ,
О любови, о кручинѣ,
О разлукѣ говорятъ.

Павлинье перо

Аллея тонкоствольныхъ зеленыхъ тополей,
Аллея, озаренная малиновой зарей;
А тамъ вдали — подножья отхлынувшихъ морей,
Пески ее встрѣчаютъ зловѣщей чешуей.

Пустыня золотисто-коричневыхъ песковъ;
Въ пустынѣ око озера — какъ синій лабрадоръ,
А тамъ, за сномъ пустыни, цвѣтенія луговъ
Кольцомъ росистой зелени замкнули кругозоръ.

И пальцы зорь малиновыхъ къ землѣ устремлены;
Звенитъ по струнамъ красокъ ихъ тихая игра,
И взоръ мой истомила, какъ причудливые сны,
Болѣзненная пышность павлиньяго пера.

*

Голубые лютики разсыпала луна
По ночному бархату рѣки.
Голубые лютики — я плѣнная — должна
Заплетать въ скользящіе вѣнки.

Я молила — блѣдная, съ мертвѣющей душой, —
Непреклонно - властную луну:
Пусть не манятъ лютики дорогой голубой,
Пусть не манятъ лютики ко дну!

Но палаты лунныя — глухи и далеки,
И кляня всесильную луну,
Собираю лютики по бархату рѣки,
Собирая лютики, тону...

*

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Сѣетъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрую,
Въ сердцѣ медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой,
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоитъ осиротѣлая,
И нѣмая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина.

Утро нѣжностью бездонное —
Полу-явь и полу-сонъ;
Забытье неутоленное,
Думъ туманный перезвонъ...

*

Осенній сумракъ — ржавое желѣзо —
Скрипитъ, поетъ и разъѣдаетъ плоть...
Что весь соблазнъ и всѣ богатства Креза,
Предъ лезвіемъ твоей тоски, Господь?

Я, какъ змѣей танцующей, измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу.
Я не хочу души своей излучинъ
И разума, и Музы не хочу.

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣтъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаній,
И кубокъ мой тяжелъ и не глубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ
Больной удавъ, свиваясь и клубясь;
Качается, и станъ свой опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И, безполезно, наканунѣ казни,
Видѣніемъ и пѣньемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ, безъ боязни
Желѣза визгъ и вѣтра темный стонъ.

*

Въ самомъ себѣ, какъ змѣй, таясь,
Вокругъ себя, какъ плющъ, віясь,
Я подымаюсь надъ собою, —

Себя хочу, къ себѣ лечу,
Крылами темными плещу,
Расширенными надъ водою;

И, какъ испуганный орелъ,
Вернувшись, больше не нашелъ
Гнѣзда, сорвавшагося въ бездну, —

Омоюсь молніи огнемъ,
И, заклиная тяжкій громъ,
Въ холодномъ облакѣ исчезну!

Въ Царскомъ Селѣ

I

По аллеѣ проводятъ лошадокъ...
Длинны волны расчесанныхъ гривъ.
О, плѣнительный городъ загадокъ,
Я печальна, тебя полюбивъ.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась въ предсмертномъ бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Какъ мой розовый другъ какаду.

Грудь предчувствіемъ боли не сжата,
Если хочешь, въ глаза погляди.
Не люблю только... часъ предъ закатомъ,
Вѣтеръ съ моря и слово ‚уйди‘.

II

...А тамъ мой мраморный двойникъ,
Поверженный подъ старымъ кленомъ,
Озернымъ водамъ отдалъ ликъ,
Внимаетъ шорохамъ зеленымъ.

И моютъ свѣтлые дожди
Его запекшуюся рану.
Холодный, бѣлый, подожди —
Я тоже мраморною стану.

*

О не вздыхайте обо мнѣ —
Печаль преступна и напрасна,
Я здѣсь на сѣромъ полотнѣ
Возникла странно и неясно.

Взлетѣвшихъ рукъ изломъ больной,
Въ глазахъ улыбка изступленья, —
Я не могла бы стать иной
Предъ горькимъ часомъ наслажденья.

Онъ такъ хотѣлъ, онъ такъ велѣлъ
Словами мертвыми и злыми.
Мой ротъ тревожно заалѣлъ
И щеки стали снѣговыми.

И нѣтъ грѣха въ его винѣ...
Ушелъ, глядитъ въ глаза другіе;
Но ничего не снится мнѣ
Въ моей предсмертной летаргіи.

Маскарадъ въ паркѣ

Луна освѣщаетъ карнизы,
Блуждаетъ по гребнямъ рѣки...
Холодныя руки маркизы
Такъ ароматно-легки.

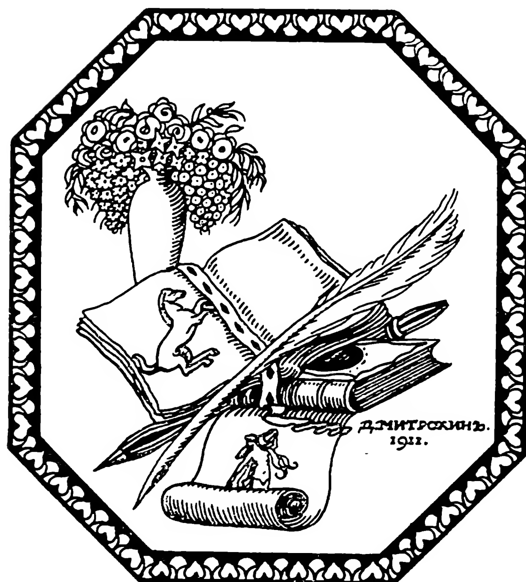
‚О, принцъ‘ — и жеманно присѣла —
‚Въ кадрили вы нашъ vis-à-vis!‘...
И томно подъ маской блѣднѣла
Отъ первыхъ предчувствій любви.

Входъ скрылъ серебрящійся тополь
И низко спадающій хмѣль.
‚Багдадъ или Константинополь
Я вамъ завоюю, ma belle‘.

‚Какъ вы улыбаетесь рѣдко,
Васъ страшно, маркиза, обнять!‘
Темно и прохладно въ бесѣдкѣ..
‚Ну что-же? Пора танцовать?‘

Выходятъ: на вязахъ, на кленахъ
Цвѣтные дрожатъ фонари.
Двѣ дамы въ одеждахъ зеленыхъ
Съ монахами держатъ пари.

И блѣдный, съ букетомъ азалій
Ихъ смѣхомъ встрѣчаетъ Пьеро:
‚Мой принцъ, о, не вы ли сломали
На шляпѣ маркизы перо?‘

Закатное рондо

О сердце вечера, осенняго, какъ я,
Пришедшее сказать, что умерли гобои
За сѣрою рѣкой, — нѣмого, какъ ладья,
Въ которой павшіе закатные герои
Уплыли медленно въ подземные края, —

Ты все изранено: стальныя лезвія —
Ахъ, слишкомъ раннія! — возникли надъ тобою
И мной — Офеліей — и кровь твоя — моя,
О сердце вечера!

Изнеможденное, темнѣешь ты, лія
Рубиновую смерть на гравій, на левкои,
За мною слѣдуешь въ безмолвные покои, —
И вспыхиваетъ въ нихъ кровавая семья
Забытыхъ призраковъ, зловѣще вопія,
О сердце вечера!...

Послѣдній фавнъ

Въ цилиндрѣ и пальто, онъ такъ неразговорчивъ,
Всегда веселый фавнъ... Я слѣдую за нимъ
По грязнымъ улицамъ, и оба мы хранимъ
Молчаніе... Но вдругъ — при свѣтѣ газа — скорчивъ

Смѣшную рожу, онъ напоминаетъ мнѣ:
‚Товарищъ, будь готовъ: послѣдній сынъ Эллады
Тебѣ откроетъ міръ, гдѣ древнія услады
Еще не умерли, гдѣ въ радостномъ огнѣ

Еще цвѣтетъ, цвѣтетъ божественное тѣло!‘
Я тороплю, и вотъ — у цѣли мы. Несмѣло
Толкаю дверь: — оркестръ, столы, сигарный дымъ,

И въ морѣ черныхъ спинъ — рубиновая пѣна —
Пылаютъ женщины видѣній Ванъ-Донгэна,
И бурый скачетъ въ залъ козленкомъ молодымъ!

Вечеръ

За тридцать лѣтъ, я плугомъ ветерана
Провелъ ряды неисчислимыхъ грядъ,
Но старыхъ ранъ рубцы еще горятъ
И умирать еще какъ будто рано.

Вотъ почему, въ поляхъ Медіолана
Люблю грозы воинственный раскатъ.
Въ тревогѣ облаковъ — я слушать радъ
Далекій гулъ небеснаго тарана.

Темнѣетъ день. Слышнѣе птичій грай,
Со всѣхъ сторонъ шумитъ дремучій край,
Гдѣ залегли зловѣщіе драконы...

Въ провалы тучъ, въ зіяющій изломъ
За медленнымъ и золотымъ орломъ
Пылающіе идутъ легіоны.

Августъ

Въ твоемъ холодномъ сердцѣ мудреца
Трибунъ и жрецъ и цензоръ — совмѣстится,
Ты Кассія заставилъ удавиться
И римлянамъ остался — за отца.

Но ты имѣлъ придворнаго льстеца
Горація — и многое простится...
И не надѣлъ, лукавая лисица,
Ни затканныхъ одеждъ, ни багреца.

Пасется волъ надъ прахомъ Мецената,
Растетъ трава. Но звонкая цитата
Порою вьетъ лавровые вѣнки.

Пусть глубока народная обида!
Какъ мѣрный плескъ серебряной рѣки —
Твой острый слухъ плѣняла Энеида.

Toga virilis

На площадяхъ одно лишь слово — „Даки"!
Самъ Цезарь — вождь. Заброшены вѣнки.
Среди дворовъ — военные рожки,
Сіяетъ мѣдь и ластятся собаки.

Я грежу на яву: идутъ рубаки,
И по колѣна тина и пески,
Горятъ костры на берегу рѣки,
Мы переходимъ бродъ въ вечернемъ мракѣ!

Но надо ждать. Еще Домиціанъ
Вершитъ свой судъ надъ горстью христіанъ,
Бунтующихъ народные кварталы.

Я никогда не пробовалъ меча,
Нетерпѣливый — чуялъ зудъ плеча,
И только вчужѣ сердце клокотало.

*

Изгнанники, изъ тьмы пещеръ
        Мы провожали жаднымъ взглядомъ
По морю яркому надменный бѣгъ галеръ,
        Перебѣгавшихъ къ Симплегадамъ.

Исчезли. Взоръ блуждаетъ, тупъ.
        Печаль поетъ свои литіи.
Но въ криптахъ памяти воскресла радость трубъ?
        Аргира въ бармахъ Византіи.

Подъ истязаньями веригъ
Зажглись языческія ласки.
Побѣды вспомнились разубранныхъ квадригъ,
Пировъ полуночныя пляски.

Какъ будто въ позабытый скитъ —
Въ пустыню каменнаго зноя,
Стопою легкою императрица Зоя,
Вошла — и сердце бередитъ.

Возрожденіе

Я обругалъ родную мать.
Спустилъ хозяйскіе опалы.
И приходилось удирать
Отъ взбѣшеннаго принципала.

Полураздѣтый, я заснулъ
Голодный, злой, въ абруцкой чащѣ,—
И молній блескъ, и бури гулъ,
Но сердцу — стало какъ то слаще.

И долго, шалый по горамъ
Скакалъ и прыгалъ я, какъ серна.
Но признаюсь, по вечерамъ
На сердцѣ становилось скверно.

Съ холодныхъ и сырыхъ вершинъ
Спущусь ли въ отчую долину?
Отдастъ ли розгамъ блудный сынъ
Свою озябнувшую спину?

Нѣтъ. Забывая эту ширь,
Гдѣ облака бѣгутъ такъ низко,
Стучись, смиренный, въ монастырь
Страннопріимнаго Франциска.

Довѣрье, ласка пришлецу.
Меня берутъ — сперва какъ служку.
Пасу овецъ, или отцу
Несу обѣденную кружку.

На все распредѣленный день:
Доятъ коровъ и ставятъ хлѣбы,
И для сосѣднихъ деревень
Вершатъ молитвенныя требы,

Или на сводчатой стѣнѣ
Рисуютъ ангельскія кудри...
А послѣ мессы, въ тишинѣ —
Дѣла еще смиренномудрѣй.

Постятся. Спаржа и шпинатъ,
Лишь изрѣдка крутыя яйца.
Изъ мяса же они ѣдятъ —
И тоже рѣдко — только зайца.

Послушенъ, кротокъ, умиленъ
Ищу стигматъ на грѣшномъ тѣлѣ.
Дни чисты. Разумъ усмиренъ,
И сновидѣнья просвѣтлѣли.

На пятый мѣсяцъ, наконецъ,
Дрожитъ рука — берусь за кисти.
Ее, гонявшую овецъ,
Господь — направи и очисти!

Ползкомъ вдоль монастырскихъ стѣнъ,
На ризахъ подновляю блики.
Счищаю плѣсень: ѣдкій тлѣнъ
Попортилъ праведные лики.

Мадонна въ гаснущей зарѣ.
Святой Францискъ, святой Лаврентій,
И надписи на серебрѣ
На извивающейся лентѣ.

Или съ востока короли
Въ одеждѣ празднично-убранной
Въ чалмахъ и перьяхъ — повезли
Христу подарокъ филигранный.

Или подъ самымъ потолкомъ,
Гдѣ ангелъ замыкаетъ фреску,
Рисую вечеромъ, тайкомъ,
Черноволосую Франческу.

Incitatus

SABINULA

Разсказъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Повѣсть эта, написанная языкомъ серебряной, я бы сказалъ — оловянной, латыни и найденная недавно въ библіотекѣ покойнаго Кардинала Бибіены, — очевидно, подделка. Авторъ, въ лицѣ цезаря, хотя и отдаетъ должное доблестямъ римскаго имени, но чудовищные анахронизмы, незнаніе основныхъ событій эпохи 12-ти императоровъ, дряблость, проглядывающая въ духѣ героевъ, также и легкомысленное отношеніе къ богамъ, — главнымъ же образомъ непонятный поступокъ Публія Агриколы, — изобличаютъ въ немъ современнаго римлянина, за мнимымъ презрѣніемъ къ Эллинамъ скрывающаго собственное безсиліе — а именно неудачнаго подражателя Лукіана.

Эразмъ Роттердамскій.

P. S. Я сказалъ бы, что повѣсть написана самимъ Бибіеной — если бы желалъ нанести тягчайшее оскорбленіе его памяти.

Рабы въ сѣверныхъ латифундіяхъ наконецъ возстали. Изъ Каппадокіи, съ Понта, изъ Панноніи и Мизіи скакали гонцы съ тревожными слухами. Ночныя засѣданія Сената были бурны. На улицахъ сновали занавѣшенныя носилки, окруженныя факельщиками. Конница ковала коней. Императоръ былъ спокоенъ и съ обычной тщательностью принималъ доклады, диктовалъ секретарю, совѣщался съ легатами. Его видѣли почти каждый день, идущаго черезъ форумъ и, по прежнему, безъ свиты. Въ храмѣ Весты огонь горѣлъ ясно и ровно — но зори были красны.

Первою мыслью Аппія была забота о матери и сестрѣ, жившихъ въ провинціальныхъ земляхъ около Каннъ. Мѣсто знаменитаго пораженія поросло виноградниками сосѣда-ветерана; матрона слыла отличной хозяйкой, рабы сыты, а потому надежны, но Аппій боялся общаго состоянія края, разореннаго буйнымъ передвиженіемъ легіоновъ изъ Галліи въ Галлію Цизальпинскую и обратно.

Онъ собрался въ тотъ же день и верхомъ, съ запасной лошадью, пустился въ путь, остерегаясь, дабы не портить копытъ, ѣхать по каменной дорогѣ и выбирая мягкую землю сосѣднихъ проторенныхъ тропинокъ, параллельныхъ римскому сооруженію. Навстрѣчу попадались всадники и пѣшеходы, телѣги и солдаты, но возбужденія не было замѣтно. Все это были люди, видимо, занятые своимъ дѣломъ, чуждые государственной тревоги. Одни везли припасы и овощи, другіе были торговцами шерсти. О возстаніи было извѣстно, главнымъ образомъ, въ Сенатѣ и черезъ Сенатъ. Оно вспыхнуло въ мѣстахъ, истощенныхъ засухой и правителями послѣдняго царствованія. Теперь они засѣдали въ Сенатѣ и первые забили тревогу.

Аппій недавно кончилъ школу и собирался въ Милетъ, дабы усовершенствоваться въ ораторскомъ искусствѣ, а оттуда въ Аѳины и Коринѳъ, — когда отецъ его внезапно умеръ. Это обстоятельство задержало его въ городѣ. Отецъ, старый всадникъ, имѣлъ несчастную страсть къ костямъ и другимъ азартнымъ играмъ, какъ зараза, занесеннымъ къ намъ съ востока и изъ Египта. Около 600 тысячъ сестерцій долга были результатомъ этого старческаго увлеченія. Нужно было платить и вычислять проценты, торговаться съ ростовщиками и ростовщицами. Друзья покойнаго приняли Аппія сухо. Послѣ перваго посѣщенія онъ къ нимъ болѣе не возвращался. Одинъ Тацитъ, старикъ, писавшій свои записки, оказался вѣрнымъ памяти друга. Онъ предложилъ Аппію сумму, необходимую для первыхъ же шаговъ. Этотъ Тацитъ жилъ одними воспоминаніями и въ деньгахъ нуждался только поскольку они обезпечивали ему свободу. Говорили, что за послѣднія царствованія онъ насмотрѣлся всякой всячины и спѣшилъ записать все, что видѣлъ и слышалъ; говорили также, что въ своихъ запискахъ онъ относится не-

милосердно къ памяти императрицы Агриппины и сваливаетъ на приверженцевъ Поппеи возстаніе испанскихъ легіоновъ и самую смерть императора Нерона.
Упавшіе съ неба, или скорѣе изъ тартара, долги отца совершенно измѣнили планы и надежды Аппія. Онъ рѣшился сдѣлаться купцомъ. Это не только давало ему возможность развязаться съ кредиторами, но и видѣть страны, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ нимъ жило семейство, нѣсколько поколѣній занимавшееся торговлей янтаремъ. Это были потомки карѳагенскихъ плѣнниковъ (или выходцевъ — какъ они себя называли), богатые и смѣлые люди. Цѣлый міръ морской, опасной торговли и морскихъ, диковинныхъ приключеній, выносливости и храбрости. Аппій нравился старому купцу своимъ честнымъ и мужественнымъ видомъ. Вотъ, думалъ онъ, кому поручить корабль, кто былъ бы отличнымъ морякомъ въ сѣверномъ морѣ. Но не смѣлъ предложить это молодому римлянину, гордо завернутому въ плащъ и также замкнуто переносившему свои невзгоды. Случай свелъ ихъ и они быстро сошлись: Аппію обѣщана была половина выручки — Проклъ снаряжалъ корабль.
Первое время Аппію, конечно, предстояло только плавать и учиться. Онъ былъ съ молоду привыченъ къ морю, и сложная наука паруса была ему отчасти извѣстна, но школьныя занятія давно отвлекли его отъ прогулокъ по морю, раннимъ утромъ, съ рыбаками-пріятелями. Теперь старый Проклъ самъ брался вести корабль и увозилъ его для начала — простымъ матросомъ.
Извѣстіе о бунтѣ услыхалъ Аппій за мѣсяцъ до отъѣзда и спѣшилъ перевести старуху-мать въ городъ — или на виллу Тацита.

II

Мѣняя попеременно шагъ лошади, заставляя ее то бѣжать рысью, то идти шагомъ, ночуя въ дымныхъ крестьянскихъ хижинахъ, на четвертый день, въ ясный зимній вечеръ, Аппій прискакалъ въ Лауданумъ, и стучался у родной двери. Запахъ сушеныхъ грушъ и стараго дерева охватилъ его, но ему было не до воспоминаній. Мать и сестра наперерывъ бросились ему на шею и тотчасъ разсказали ужасныя новости. Управителя сосѣдней латифундіи убили наканунѣ: залили горло оловомъ, чтобы выпытать спрятанныя деньги. Каждую ночь небо освѣщалось заревомъ — то на сѣверѣ, то на востокѣ. Аппій почувствовалъ себя избавителемъ и велѣлъ готовить повозки, слѣдующимъ же утромъ намѣреваясь возвращаться. Матронѣ Клавдіи тяжело было бросать насиженное гнѣздо. Амбары были полны пшеницы, прялки работали. Но взглянувъ на Сабину — она рѣшилась выбраться въ безопасное мѣсто. Несчастія всегда приходятъ сразу, и бѣдная вдова, истратившая свои слезы на оплакиваніе мужа, сурово молчала, укладывая Аппія и кутая его въ шерстяное одѣяло.

Обратное путешествіе было другого рода. Люди поспѣшно гнали стада по направленію къ югу, ругаясь и щелкая бичами. Повозки, наполненныя испуганными лицами, старались перегнать одна другую. Солдаты останавливали и спрашивали имена путешественниковъ. Наконецъ, на четвертый день, уже около Саены, послышался топотъ безчисленныхъ копытъ — это шелъ второй легіонъ, на караковыхъ коняхъ, блестя мѣдью и лязгая оружіемъ. Аппій былъ пораженъ блѣдными лицами молодыхъ начальниковъ, скакавшихъ по бокамъ отряда. Многіе изъ нихъ были его товарищи. Сыновья сенаторовъ и богатыхъ вольноотпущенниковъ, изнѣженные городской обстановкой — они любили кровь, которую видѣли въ циркѣ, и ненавидѣли войну, отвлекавшую ихъ отъ города. Женщины глядѣли на солдатъ, бородатыхъ и, въ самомъ дѣлѣ, страшныхъ. Трубы играли, чтобы заглушать мысли, противныя дисциплинѣ, и воодушевить всадниковъ, неохотно двигавшихся въ предпріятіе, не сулившее имъ ни добычи, ни тріумфа въ городѣ. Орлы блестѣли на короткихъ древкахъ передъ сухощавымъ легатомъ, родственникомъ новой династіи. Аппій думалъ, что живетъ въ скверное время, когда легіоны устремляются не на варваровъ, а противъ возставшей черни. Ему вспоминались священныя имена Сципіоновъ, Цезаря, Августа и онъ кусалъ губы, сознавая ничтожество своего поколѣнія.

Сабина думала о другомъ. Ей весело было увидѣть Капитолій, Циркъ, Пантеонъ Агриппы — все, о чемъ она наслышалась съ ранняго дѣтства. Сердце ея билось подъ коричневымъ платьемъ домашней пряжи. Она заглядывалась на солдатъ, на молодого легата, на голубыя очертанія Кампаньи, виллы, бѣлѣвшія въ облетѣлыхъ рощахъ, вдыхала въ себя свѣжій воздухъ и еловый запахъ италіанской зимы. Небо было сине и весело. На деревьяхъ бѣлыми полосами лежалъ снѣгъ, по дорогѣ уже обратившійся въ грязь. Бѣлки прыгали съ вѣтки на вѣтку. Снигири щелкали въ кустахъ. Иногда, когда путешественники подымались въ гору, проглядывало, какъ свѣтлый сафиръ, Тиренское море, блестя и радуясь мартовскому солнцу.

III

Пригородная вилла Тацита была стараго образца, какъ самъ Тацитъ — стараго закала. Она, тѣмъ не менѣе, поразила провинціалокъ своимъ великолѣпіемъ. Особенно восхищалъ ихъ фонтанъ, стоявшій посреди двора и не замерзавшій, въ то время какъ вода мерзла и въ Тибрѣ, и въ цистернахъ. Сабина вздумала умыться, но ледяныя капли, какъ острія — ранили ея щеки. Старикъ долго смѣялся, — онъ велѣлъ приготовить ей воды, уже стоявшей въ домѣ и которую въ городѣ называли ‚комнатной'. Патриціанки въ городѣ мылись не иначе, какъ водой, нѣсколько разогрѣтой въ котлахъ, но Тацитъ не любилъ этихъ новшествъ, хоронившихъ старый римскій духъ.

Тацитъ радъ былъ пріѣзду матроны Клавдіи, которой уже собирался читать отрывки изъ своихъ нескончаемыхъ воспоминаній. Онъ избѣгалъ читать ихъ въ городѣ, чтобы не нажить враговъ: тамъ часто упоминались родственники и друзья еще здравствующихъ гражданъ — и въ связи съ ужасными преступленіями. Онъ боялся также двора, ревниво охранявшаго свои тайны и грозившаго ссылкой на берега Дуная всякому, кто посягалъ на престижъ императорской власти. Еще недавно въ обществѣ говорили о нѣкоемъ Овидіи, — молодомъ повѣсѣ, кажется, написавшемъ пасквиль на Ливію, жену божественнаго Августа — и никогда имъ не прощеннаго. Потомъ, во времена послѣднихъ Юліевъ, когда Императоры Калигула, Клавдій и Неронъ послѣдовательно занимали тронъ и воображеніе римлянъ, — о немъ забыли. Но Тацитъ, принадлежавшій еще къ поколѣнію Овидія, и по сю пору хранилъ прелестныя его метаморфозы, сказки, которыми бѣдняга тѣшилъ себя во время ссылки.

Вечеромъ пришли къ Тациту нѣкто Ветулій, старый магистратъ, начавшій службу еще во времена Тиверія, и молодой Публій Агрикола; это были люди вѣрные. Ветулій сообщилъ новость: Маркъ Целій получалъ Африку. Тацитъ негодовалъ: государство, по его мнѣнію, было не обществомъ взаимнаго страхованія прожившихся спекулянтовъ, а божество, которому служатъ, умывъ руки. Целій запуталъ свои собственныя дѣла и запутаетъ государственныя, къ тому же жена его была изъ первыхъ щеголихъ Рима. Подобныя назначенія были еще понятны во времена Нерона и Вителія. Онъ удивлялся, какъ Веспасіанъ такъ быстро подпадалъ вліянію легкомысленной клики кутилъ и модницъ.

Молодой рабъ принесъ вино и воду, винныя ягоды и сушеный виноградъ. Удаливъ его, Тацитъ и гости усѣлись вокругъ бронзоваго столика. Чтеніе началось.

Сабина еле сдерживала смѣхъ. У Ветулія была волчанка, и носъ его походилъ на красную дулю. Но матрона Клавдія посмотрѣла на дочь — и та затихла.

Старикъ читалъ неясно и неразборчиво вещи довольно скучныя, правда, изложенныя языкомъ сжатымъ и точнымъ. Ветулій одобрительно качалъ головою и иногда вставлялъ замѣчанія. Дѣло шло о воспитаніи Нерона, о воспитателѣ его Сенекѣ, о Юніи Силанѣ и первыхъ, благихъ начинаніяхъ царствованія: Неронъ вернулъ Сенату права, попранныя его предшественниками, послалъ Корвулона консуломъ въ Арменію, обмѣнялся заложниками съ Вологезами (чѣмъ обезпечилъ благосостояніе этой далекой окраины), милосердно простилъ преступниковъ. Потомъ шло увлеченіе Актеей, вольноотпущенной....

Сабина слушала и дремала. Публій Агрикола слушалъ и смотрѣлъ на Сабину, деревенская свѣжесть которой была рѣдкостью въ городѣ, гдѣ даже дѣвушки проводили безъ сна цѣлыя ночи. Клавдія думала о бѣдахъ, могущихъ обрушиться на Лауданумъ, и всю свою надежду полагала на милосердіе боговъ и Юноны, ко-

торую особенно чтила, а также на преданность своей фамиліи. Аппій думалъ о морѣ и сиренахъ, голосомъ завлекающихъ моряковъ, совершенно забывая ихъ чешуйчатыя ребра. Наконецъ, глаза у всѣхъ начали слипаться. Тацитъ прекратилъ чтеніе.

Блаженна ласточка, послѣ перелета находящая свое прошлогоднее гнѣздо; козы, подъ охраной опытнаго пастуха. Трижды благословенъ путешественникъ, послѣ утомительнаго пути, градинъ и пронизывающаго вѣтра, толчковъ и дребезжанія колесъ — чувствующій теплоту одѣяла въ гостепріимной кровати. Гдѣ-то шумитъ городъ, — это жаровня, полная раскаленныхъ угольевъ, или скорѣе, фениксъ, постоянно воскресающій изъ пепла. Гдѣ-то слышны оклики вооруженнаго разъѣзда второй стражи — но Сабина спитъ. Сонъ ея ровенъ, какъ полетъ Меркурія, когда онъ, совершивъ удачную кражу — летитъ покупать серьги своей возлюбленной.

IV

Спокойствіе императора было наружнымъ. Въ сущности цезарь былъ встревоженъ. И не столько дурными извѣстіями съ сѣвера и послѣдними донесеніями съ Понта, и изъ Каппадокіи и Испаніи, не столько слухами о поспѣшномъ вооруженіи македонскаго Антіоха — всей этой, въ сущности, обычной тряской государственнаго корабля. Его безпокоили событія на пароянской границѣ. Легатъ Минуцій былъ, правда, человѣкомъ опытнымъ въ осадныхъ работахъ, но новичокъ въ войнѣ съ пароянами, гдѣ сомкнутый строй легіонеровъ долженъ былъ противустать быстротѣ и варварской назойливости азіатской конницы. Къ тому же, любовь Минуція къ нарядамъ, не покидавшая его въ лагеряхъ, бѣсила строгаго солдата. Онъ готовъ былъ свалить на замысловатую прическу вождя всю затяжку позорнаго похода, и даже возстаніе Италійскаго сѣвера.

Образъ жизни императора былъ самый простой. Его даже обвиняли въ скупости. Стоики признали бы его своимъ, хотя онъ и былъ чуждъ моднымъ теченіямъ философіи. Онъ вставалъ съ солнцемъ, брился ежедневно, стоя, и, по походной привычкѣ, безъ зеркала. Ѣлъ два блюда, изъ которыхъ одно было непремѣнно овсянкой. Диктовалъ. Наконецъ гулялъ въ садахъ, окружавшихъ дворецъ, въ настоящее время запущенныхъ въ видахъ государственной экономіи. Сонмище статуй, высѣченныхъ изъ обсидіана (прихоть императора Нерона), глядѣло изъ красноватыхъ кустарниковъ, унизанныхъ бѣлыми ягодами. Ибисы, поднесенные Калигулѣ александрійскими жидами еще въ посольство Филона, зябко прохаживались у выложенныхъ плитами прудовъ. Но многія просѣки лѣтомъ заростали подорожникомъ. Поля, багровѣвшія красными розами, перемѣшались съ шиповникомъ. Грубый полевой макъ душилъ рѣдчайшіе цвѣты — сирійскіе нарциссы и голубыя лиліи. Сельское эхо своевольно поселилось въ рощахъ, недавно оглашавшихся криками.

Пиніи торжественно качались въ умолкнувшемъ, влажномъ воздухѣ, но пруды каждою осенью были полны ржавыхъ, огненныхъ и коричневыхъ листьевъ, мѣшавшихся съ бѣлыми отраженіями облаковъ; плющъ съ одинаковою поспѣшностью обвивался и вокругъ стана Венеры Наклоненной, и вокругъ Палицы Θессалійскаго героя. Императора, какъ технически удачно разрѣшенная задача, занимали воды, заполнявшія протоки, прыгавшія со ступени на ступень, дробившіяся водометами, извергавшіяся изъ каменныхъ расщелинъ и разинутыхъ пастей тусклой кованной мѣди, попеременно то темныя и молчаливыя, то свѣтлыя и звонкія,—затѣя, стоившая неимовѣрныхъ трудовъ, такъ какъ трубы ведены были на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ стадій, изъ горнаго озера.
Ежедневно отправлялся онъ въ Сенатъ, засѣданія котораго длились довольно долго. Сегодня только что назначенный Целій, еще наканунѣ проигравшій порядочную сумму какому-то знатному греку, по торговымъ дѣламъ пріѣхавшему въ городъ, съ серіозностью, свойственною римлянамъ и столь изумляющею грековъ и варваровъ, разспрашивалъ сенаторовъ, уже побывавшихъ въ Африкѣ. Целій входилъ во всѣ подробности. Тѣ совѣтовали не довѣряться мѣстнымъ поставщикамъ, кляузникамъ и доносчикамъ, по возможности забрать все необходимое въ городѣ. Но Целій оставлялъ жену и отправлялся налегкѣ. Говорили, что это временное вдовство и было причиной, что онъ принялъ назначеніе, въ сущности не особенно выгодное.
При входѣ цезаря встали. Неронъ, и особенно Калигула, пріучили Сенатъ къ подобострастнымъ знакамъ почтительности. Императоръ, правда, не принадлежалъ къ демагогамъ, унижающимъ высшіе классы, но привычка, какъ однажды проложенныя на тогѣ складки, дѣлала свое дѣло.
Краткимъ движеніемъ императоръ просилъ продолжать засѣданіе, сѣлъ и слушалъ. Здоровье его рѣшительно расшатывалось. Ему пора было ѣхать въ Байи, сидѣть на солнцѣ и лечиться ваннами и массажемъ, недавно изобрѣтеннымъ въ Сибарисѣ. Большимъ пальцемъ и различными движеніями ладони, шутники брались за исцѣленіе болѣзней и самой старости. Но въ ранніе весенніе дни ванны были невозможностью. Taedium vitae — проклятый спутникъ римскаго одряхлѣнія, съ каждымъ днемъ, какъ ржавчина, охватывало императора, пережившаго за послѣдніе годы крайнее напряженіе воли. Кромѣ дѣлъ, входившихъ въ прямую компетенцію его власти, теперь слѣдилъ онъ за кладкой новаго амфитеатра, громадныхъ размѣровъ, также за постройкой тибуляріума на форумѣ. Очистка Остіи отъ песка, затрудняющаго подвозъ сицилійской пшеницы, кодификація эдиктовъ прошлыхъ царствованій и согласованіе ихъ, выучка и наборъ молодыхъ легіонеровъ, доставка лошадей изъ Паноніи, новыя катапульты, такъ незамѣнимо усиливающія дѣйствіе римской пѣхоты, наконецъ воспитаніе молодежи — будучи пристальными трудами порознь — были только малыми звеньями его державной заботливости. Въ програмы школъ въ царствованіе Нероново вкралось много лишняго. Будущихъ

рубакъ заставляли учить Одиссею, греческіе стихи. Правила реторики, конечно необходимыя оратору, должны были, по мнѣнію императора, быть достояніемъ меньшинства, предназначеннаго для власти. Реторика, какъ и всякое философствованіе, вносила въ народныя массы раздраженіе, отучая отъ повиновенія.
Но императоръ чувствовалъ, что вниманіе его и память, когда-то столь цѣпкія, ослабѣвали. Сынъ его не радовалъ. Онъ считалъ его недостойнымъ занять отцовское кресло, доставшееся съ боя. Жена — умерла отъ водянки, вслѣдствіе ушиба, много лѣтъ назадъ, и онъ неоднократно думалъ о ней, когда сну мѣшали припадки хворости. Охота была недоступна, какъ требующая свободнаго времени. Два друга заходили играть въ шахматы — единственная игра, которую цезарь выносилъ. По вечерамъ смотрѣлъ фокусниковъ или слушалъ арфистовъ, игравшихъ поперемѣнно и до тѣхъ поръ, пока онъ не засыпалъ.

V

Римская любовь не походитъ на любовь греческую, гдѣ-нибудь на Критѣ или въ изнѣженной Александріи. Это не воркованіе горлинокъ, гомозящихся въ дуплѣ стараго тополя, въ тепломъ сіяніи мѣсяца, ласкающихъ другъ дружку прикосновеніями крылышекъ. Любовь въ городѣ — скорѣе внезапный голодъ барса, который, уставъ послѣ зимнихъ набѣговъ, ложится на молодую траву, спитъ, и вдругъ, раскрывъ глаза, замѣчаетъ золотую шею и лѣнивую походку подруги, скользящую вдоль опушки.
Публій Агрикола началъ каждый день ходить къ Тациту, даже предлагалъ писать подъ диктовку. Разговаривалъ съ матроной Клавдіей о различныхъ сортахъ яблонь, которыя та насадила въ Лауданумѣ, а съ Аппіемъ — о снаряженіи корабля. Но себѣ не признавался въ родившемся чувствѣ. Имя Сабины, однако, какъ серебряный браслетъ, брошенный на дно источника, блестѣлъ на днѣ души. Молодость его промелькнула въ походахъ и онъ почти не зналъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, боялся быть обманутымъ. Вечеромъ онъ ходилъ по форуму, какъ шалый, страшась встрѣтить милое ея лицо; ночью, какъ полагается влюбленному, ворочался въ постели; утромъ ходилъ мимо занавѣшенныхъ оконъ дома Тацитова. Въ полдень, глядя на солнце, молился Юпитеру и Венерѣ, испрашивая единой милости. Наконецъ, рѣшился и признался первому встрѣчному.
Дидулъ, бывалый римлянинъ, началъ давать совѣты, расчитанные на низкую душу женщины, алчную до нарядовъ и побрякушекъ. Совѣтовалъ одарить и матрону Клавдію, не заглядывать къ Тациту ежеминутно, а промежуточными и расчитанными отсутствіями завладѣть воображеніемъ намѣченной жертвы. Совѣтовалъ также быть гладко выбритымъ и слѣдить за чистотой ногтей.
Эти совѣты были противны Агриколѣ.

Аппій, весь погруженный въ подготовленіе плаванія, ничего не видѣлъ. Проклъ посылалъ его покупать металлическія зеркала, красныя и синія бусы, куски цвѣтныхъ и недорогихъ матерій, также гвозди и топоры. Самъ смолилъ судно. Корабль стоялъ въ Остіи, куда патронъ окончательно переселился, поручивъ Аппію дѣлать закупки въ городѣ. Прочность корабельнаго дна казалась ему важнѣе доброкачественности предметовъ, предназначавшихся для дикарей — Бриттовъ и Батавовъ. Янтарь получалъ онъ изъ третьихъ рукъ у устьевъ Ренуса, куда привозили его мѣстные промышленники изъ странъ — уже гиперборейскихъ.

Но старики переглядывались между собою и были довольны. Матрона Клавдія, утомленная горемъ — ждала счастливаго событія. Почтенное прошлое семьи Агриколы и его почтительная обходительность со старшими, обѣщала въ немъ семьянина, строгаго къ своимъ обязанностямъ. Два имѣнія его лежали въ плодородной области.

Сама Сабина была загадочна, какъ египтянка. Молчала и не выдавала своихъ чувствъ. Таила ихъ отъ матери и отъ брата. Сидѣла съ Тацитомъ и помогала ему, поправляя подушку кресла, подымая упавшіе свитки. Но замѣтно хорошѣла съ каждымъ новымъ днемъ.

Наконецъ, однажды, одобряемый ласковой улыбкой Тацита, Публій просилъ его переговорить съ матроной, умолить ее — вручить ему судьбу дочери, взамѣнъ чего сталъ-бы у ея порога, на стражѣ — и на всю жизнь.

Всѣ оракулы были благопріятны, и Сабина, съ тайною радостью, подчинилась желанію матери и новому игу.

VI

Целій уѣхалъ въ Африку, но Нигрина была еще совершенно одинока. Сгибли шумныя времена Калигулы, промелькнули великолѣпные дни Агрипины. Нигрину не любила скучная и добродѣтельная Октавія и любила Поппея, ударомъ ноги въ животъ убитая покойнымъ Цезаремъ. Незамѣтно для себя дѣлала она долги при божественномъ Клавдіи — и хохотала его глупости, при божественномъ Неронѣ — и рукоплескала его пѣнію. Нигрина дѣлала долги и при божественномъ Гальбѣ, и при божественномъ Вителіи. Маркъ Целій уѣхалъ въ Африку, а кредиторы — эти римскіе волки (и страшнѣе деревенскихъ) — остались въ городѣ. Надо было выбросить имъ кость и продать трехъ жеребцовъ Целія и всѣ статуи и статуетки, сдѣланныя въ Коринѳѣ и изъ коринѳской мѣди, и опалы, которыми она особливо гордилась, когда вино разрумянитъ лица пирующихъ. Нигринѣ надо было продать и литыя блюда, съ вычеканенными на нихъ знаками зодіака, черезъ бабку доставшіяся ей отъ пресловутаго Сеяна, и синіе стеклянные сосуды, украшенные цѣпями персидскаго металла, — хотя безъ нихъ почти нельзя было дать ужина.

Совершенно прозрачные — наполненные краснымъ виномъ они становились грознаго темнаго цвѣта. И Нигринѣ надо было начать съ продажи жеребцовъ и пересмотрѣть всѣхъ легатовъ, находящихся въ городѣ, и молодыхъ сенаторовъ, и иногороднихъ купцовъ, и азіатскихъ царей, гостящихъ въ Римѣ, и богатыхъ всадниковъ, и наѣздниковъ изъ цирка, которые всѣ будутъ пріѣзжать смотрѣть трехъ жеребцовъ Целія: чалаго, золотистаго и вороного, правда, знаменитыхъ по всему городу.

И Нигрина скучала. Капля по каплѣ вливалась въ ея жилы бѣлая вода, каменѣло сердце, а глаза дѣлались тусклыми и впалыми. Грусть эта зовется иногда приближеніемъ старости — но бѣлокурые волосы Нигрины по прежнему бѣлокуры, глаза иногда блестятъ, какъ Близнецы. Такъ стоитъ лѣто, передъ тѣмъ какъ потерять и осыпать тусклыя свои космы; только внимательное око разглядитъ въ этой торжественной спѣлости мелькающія мертвыя листья; къ нимъ прикасается незримая струя осенняго воздуха. Медленный жрецъ, осень, уже вошла въ темный и прохладный притворъ, колеблетъ желтыя ризы, готовится къ жертвоприношенію.

Съ кѣмъ это, однако, Дидулъ ходитъ по форуму и всѣмъ закоулкамъ города? Мускулистъ, ловокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопытенъ, какъ молодой германецъ. Кажется, Нигрина всѣхъ знаетъ въ городѣ? Кто нибудь, служившій въ отдаленномъ легіонѣ, въ Цезареѣ или Бетикѣ. Смотритъ, какъ шалый, и прямо въ глаза проходящихъ дамъ. Говоритъ Дидулу и не слушаетъ Дидула... И все это необходимо узнать у Дидула. Нигрина каждый день видитъ Дидула, и Дидулъ лучшій изъ ея друзей, если конечно не считать Корнеліана и Понтія, и Катулла, и Презента, и Бебія, и Тусцилія (не того Тусцилія, колченогаго, а его двоюроднаго брата — маленькаго Тусцилія). Злая — она скучаетъ въ стѣнахъ, испещренныхъ излучинами желтаго и сѣраго мрамора, колетъ длинной, заостренной иглой неловкихъ прислужницъ, бросаетъ зерна прыгающимъ въ громадной клѣткѣ соловьямъ, дразнитъ сѣрыхъ какаду, въ бронзовыхъ кольцахъ висящихъ въ перистилѣ, гдѣ гуляютъ и трещатъ цесарки, сѣрыя какъ мартовское небо.

Что же дѣлать въ Мартѣ, когда весны еще нѣтъ, а зима уже плачетъ мутными слезами! Что же дѣлать съ Бебіемъ и Презентомъ, которые пріѣдутъ только вечеромъ, когда надо у Дидула, и нельзя иначе, узнать, кто же римлянинъ, котораго она раньше не видѣла въ городѣ и увидала первая, о чемъ не разскажетъ никому изъ римскихъ дамъ?

Такъ богиня, въ то время, какъ добрякъ-мужъ возится съ угольями, — съ волосами заплетенными въ восемь косъ и въ одномъ только поясѣ, или садится за пяльцы, или глядитъ въ окно, или перебираетъ рубины и бирюзу, или поливаетъ горошекъ, или гадаетъ, или поетъ въ полъ-голоса, или готовитъ огуречный салатъ, или щиплетъ струны киѳары, или учитъ читать своего урода-сына.

А богъ войны, сидя на порогѣ дома и ничего не предвкушая, чиститъ мѣломъ старыя поножи.

Вечеромъ пріѣхали Бебій и Презентъ, и совершенно случайно — Дидулъ. Римляниномъ оказался Публій Агрикола, молодой всадникъ, недавно пріѣхавшій, но успѣвшій уже влюбиться въ какую-то дѣвчонку-провинціалку. Обрученіе ихъ уже состоялось, но и ему Нигрина поручила сказать о трехъ жеребцахъ, которые продавались въ загородномъ домѣ. Дидулъ смѣялся.

VII

Целій, какъ и Тацитъ, угрюмо искавшій уединенной работы, жили за городомъ, но по другой причинѣ. Они были почти раззорены и полюбили деревенскій воздухъ, въ которомъ такъ весело раздается утреннее пѣніе пѣтуха и вечернее мычаніе стада. Публій Агрикола, не желавшій упустить случая видѣть знаменитыхъ жеребцевъ, уже скакалъ по загородной дорогѣ, указанной Дидуломъ, исполнившимъ порученіе.

Нигрина встрѣтила его совершенно спокойно, скрывши за мнимымъ равнодушіемъ веселость удающагося замысла. Въ фіолетовомъ пеплумѣ она походила на уже свѣтлый Апрѣль, собирающій первыя фіалки, или вѣрнѣе — на вечерѣющій Августъ, роняющій яблоки. Голосомъ повелительнымъ и звонкимъ велѣла она вывести жеребцовъ и сама вышла съ Публіемъ къ маленькой аренѣ, лежавшей за паркомъ.

Жеребцы, застоявшіеся безъ Целія, съ трудомъ выводились изъ конюшни. Чалый, подъ тяжелое вооруженіе, былъ приведенъ Целіемъ изъ Сѣверной Галліи. Самъ Цезарь гордился-бы подобной лошадью. Золотистый, еще очень молодой, развѣвалъ гриву, роя копытами весеннюю землю. Ржаніемъ оглашалъ воздухъ и моталъ головой. И имя его было мѣткое: — ‚Огонь'.

Публій смотрѣлъ молча на великолѣпныхъ. А Нигрина смотрѣла на Публія и думала: вотъ всадникъ. Когда вороной, — косматое животное, предназначавшееся для жестокостей войны, — бросился въ ихъ сторону, таща за собою рабовъ, державшихъ его подъ уздцы, Нигрина схватила руку Публія и повлекла его.

Она шла долго, пока не успокоилась. Они подошли къ озеру, дышавшему свѣтлымъ дымомъ. Плавнымъ движеніемъ Нигрина вошла въ лодку, чернымъ клювомъ раздвигавшую сухіе прошлогодніе камыши и только нѣсколько дней глядѣвшуюся въ воду.

Геркулесъ на распутьи — Публій прыгнулъ тоже.

Островъ весь полнился шумомъ безчисленныхъ крыльевъ. Лебеди, дикіе гуси, цапли — обитали его. Весь онъ сквозилъ деревьями пепельнаго цвѣта, и тонкими стеблями кустарника, пахнувшаго сладко. Крокусы высовывали головки, молодые дятлы перебѣгали отъ дерева къ дереву и карабкались. Большія бабочки еще не летали, но улитки уже выпустили рога, привѣтствуя обильныя воды. Зимородокъ чистилъ лазурныя перья, съ одного конца на другой перелетала иволга и куковала кукушка.

Весна, стремившаяся покорить землю, устроила на немъ свой укрѣпленный лагерь, чтобы было куда укрыться, когда сѣверные вѣтры бросятся за ней вдогонку.
Тучи, какъ дельфины, плескались въ закатѣ. Богъ уже облекался въ пурпуръ, предваряющій ночь, а Публій не возвращался изъ за города. Ему мерещилось, что онъ собираетъ фіалки, ненарокомъ разсыпанныя Апрѣлемъ — хотя только подбиралъ перезрѣлыя яблоки, оброненныя осенью.

VIII

Корабль Прокла качался въ Остіи, надувалъ солнечные паруса свои, колебался и напрягалъ новыя, пахнущія коноплею, снасти. Море усыновило его и баюкало пока материнскими ласками. Корабельщики вбивали блестящіе гвозди, пѣли, но морщины не сходили съ лица Проклова. Съ первымъ же вѣтромъ надо было двинуться, такъ какъ потомъ — это хорошо знали моряки — наступало долгое безвѣтріе. Но въ семьѣ Аппія было двойное горе. Публій Агрикола исчезъ и не возвращался много дней. Безъ вѣсти пропалъ, хотя рабы его сказывали, какъ однажды утромъ онъ уѣхалъ верхомъ и съ тѣхъ поръ не видали его.
Убійство было возможно и не въ столь безпокойное время. Неожиданный припадокъ смертельной болѣзни — тоже. Очаги убійства и черной смерти никогда не прекращались въ нѣкоторыхъ кварталахъ города. Сабина уже ходила съ заплаканными глазами. Аппій бросился искать Агриколу, пользуясь послѣдними днями, — послѣ чего въ свою очередь, долженъ былъ огорчить мать и сестру долгимъ отсутствіемъ, равносильнымъ временной смерти. Къ семейному горю примѣшались зловѣщія вѣсти о болѣзни великаго императора. Тацитъ съ внимательностью прислушивался ко всѣмъ слухамъ, взвѣшивая и сличая противорѣчивые. Считалъ себя отвѣтственнымъ передъ потомствомъ въ точной передачѣ возможнаго событія. Повторяли слова цезаря, сказанныя имъ съ улыбкой, — будто онъ чувствуетъ, что скоро будетъ богомъ...

IX

Тѣнь божественнаго больного и въ самомъ дѣлѣ пріобщилась бы къ сонму боговъ и героевъ, когда бы не радость, внезапно наполнившая сердце и измѣнившая теченіе болѣзни. Пришло извѣстіе о блестящей побѣдѣ. Впрочемъ, молва безъ устали вплетала новые и мирные лавры въ вѣнокъ императора, уже великаго въ ряду нелѣпыхъ тирановъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Разсказывали, какъ нѣкій мегарецъ изобрѣлъ машину для перевозки колоннъ на громадное растояніе, какъ императоръ разсмотрѣлъ и одобрилъ ее, щедро наградилъ изобрѣтателя, но запретилъ пользоваться ею, сказавъ: ‚Подумай, сколько бѣдняковъ лишатся заработка‘. Несмотря

на то, что нѣкоторые упрекали его въ скупости, городъ украшался сооруженіями. Одна только строгость, недавно выказанная въ дѣлѣ Сабина и Епонина, нѣсколько омрачала его славу.

Аппій все продолжалъ поиски, остававшіеся безуспѣшными. Сабина чахла. Старческое лицо матроны Клавдіи сдѣлалось еще морщинистѣе. Меньше всѣхъ сокрушался Тацитъ, поглощенный характеристикой Цезаря Нерона, котораго клеймилъ безъ пощады то раскаленнымъ желѣзомъ сарказма, то змѣиною ядовитостью ироніи.

Гулкіе крики извѣстили однажды о тріумфѣ, и Аппій смѣшался съ толпами. Весело шли когорты, бѣлые, какъ сметана, быки, везли золоченыя повозки, полныя пареянскихъ стрѣлъ, конечно, варварски изукрашенныхъ. Молодая гроза примѣшала нѣсколько капель къ брызнувшимъ отовсюду лучамъ, апрѣльское солнце заблестѣло краснымъ огнемъ на тяжеловѣсной тіарѣ пареянскаго царя, посѣдѣвшаго отъ позора, еще величаваго, въ полосатой шелковой хламидѣ. Пѣсни и крики толпы сливались въ одно стозвучное цѣлое, раздавались громче и громче, извѣщая приближеніе.

Гордая радость невольно охватила и Аппія. Онъ напрегъ зрѣніе, дабы взглянуть на героя, и вдругъ, по ту сторону пути, увидѣлъ скучающее лицо Публія. Рядомъ съ нимъ стояла высокая женщина — рукою обвивая его шею.

М. Кузминъ

ВАНИНА РОДИНКА

Разсказъ

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что у Вани Разсудина на правой рукѣ, тамъ, гдѣ она закругляется, переходя въ плечо, — была родинка въ видѣ треугольника, или въ видѣ сердца, если читателю такъ кажется поэтичнѣе. Не было ничего удивительнаго, потому что у кого же ихъ нѣтъ, хоть и не на плечѣ и не въ видѣ сердца? — не было ничего удивительнаго и въ томъ, что эту родинку никто не видѣлъ, а кто и видѣлъ, то не обращалъ особеннаго вниманія. Нѣсколько удивительно было то, что въ это утро, стоя у раскрытаго, но занавѣшаннаго кисеею окна, самъ Ваня смотрѣлъ не на дворъ и цвѣтущія сирени за нимъ, не на синее лѣтнее небо, не на бѣгающаго Нерона, — а на свою руку, скосивъ глаза и спустивъ рукавъ рубашки. Положимъ, рука была очень милая, по отрочески почти тонкая, но круглая, отъ ранняго солнца и родинки казавшаяся бѣлой и розоватой, — но что же смотрѣть четверть часа на свою собственную руку? Тѣмъ не менѣе это созерцаніе, очевидно, очень занимало мальчика, такъ какъ на стукъ въ дверь онъ лѣниво и неохотно надѣлъ спущенный рукавъ и, изобразивъ на своемъ кругломъ, нѣсколько курносомъ, лицѣ неудовольствіе, неспѣшно пошелъ умываться.

Стукъ въ дверь означалъ, что дядя Эсперъ Петровичъ уже вышелъ въ столовую и принялся за ‚Новое Время', что пробило половина девятаго и что въ этомъ домѣ никакія мечтанія и созерцанія, хотя бы самыя невинныя, не должны были нарушать разъ установленнаго порядка.

Вѣроятно, у Вани былъ болѣе томный видъ, чѣмъ полагалось укладомъ дядинаго житья, потому что Эсперъ Петровичъ, глянувъ изъ за газеты своими сѣрыми, нѣсколько мутными глазами, спросилъ у племянника:

— Ты хорошо спалъ, мальчикъ? ты что-то блѣденъ.

Будто въ опроверженіе словъ говорящаго до ушей покраснѣвъ, Ваня отвѣтилъ:

— Хорошо, тебѣ такъ показалось.

— Если тебя что безпокоитъ, откройся: ты знаешь, я не имѣю предразсудковъ.

— Я это знаю, но мнѣ нечего особеннаго сообщать тебѣ.

— Тѣмъ лучше — отвѣтилъ дядя — нужно избѣгать экстренностей.

Мальчикъ промолчалъ, но не могъ дождаться конца чаепитія и ухода дяди въ кабинетъ: ему казалось, что и Петръ мѣшкаетъ съ булками, и казачекъ Андрюша не достаточно проворно наливаетъ и разноситъ чай, и что онъ стучитъ сапогами и задѣваетъ за стулья больше, нежели всегда, и что газета заключаетъ въ себѣ двойное количество телеграммъ, хроникъ, покойниковъ и фельетоновъ, и что жуетъ Эсперъ Петровичъ медленнѣе обычнаго, — хотя все происходило въ этой свѣтлой столовой, похожей на каютъ-компанію, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ недѣлю назадъ. Не зналъ онъ, какъ пробыть за книгами, какъ просидѣть завтракъ (о длинный, несносный, постылый завтракъ!), пока стрѣлка не покажетъ, наконецъ, желанные три часа.

Мы по привычкѣ и для скорости называемъ своего героя мальчикомъ, на самомъ же дѣлѣ это былъ уже молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ, нѣсколько тонкій, бѣлокурый и розовый, — но когда онъ, смотря въ зеркало, прошепталъ: ‚она меня любитъ', улыбнулся и поцѣловалъ собственное отраженіе, — конечно, это былъ мальчикъ, только мальчикъ. Онъ прошепталъ: ‚она меня любитъ' и снова, скосивъ глаза, посмотрѣлъ на плечо, будто подъ тканью бѣлой блузы была видна та родинка, отъ которой рука кажется еще бѣлѣе и розовѣе.

Глава вторая

На циферблатъ другихъ часовъ, но гдѣ стрѣлка медленно подползала къ тѣмъ же тремъ, внимательно смотрѣли, обнявшись, три дѣвушки. Онѣ были въ одинаковыхъ платьяхъ, схожи одна съ другою, румяны и свѣжи, такъ что старинный поэтъ или любящій поэтическія традиціи писарь успѣшно сравнилъ бы ихъ съ розами. Онѣ всѣ улыбались, и когда стрѣлка сравнялась съ жирной римской цифрой, всѣ три какъ то разомъ бросились къ окну и съ крикомъ — ‚вотъ онъ идетъ', выбѣжали изъ комнаты.

Мать этихъ грацій, Анна Павловна Комарова, имѣла не только устойчивое, но нѣсколько даже оригинальное міропостиженіе. Впрочемъ, это было не столько міропостиженіе, сколько взглядъ на отношеніе половъ. Сама — вдова, не чаявшая души въ Сонечкѣ, Варенькѣ и Катенькѣ, она была убѣждена, что міръ существуетъ только для женщинъ и даже въ частности для ея дѣвочекъ, сильный же полъ терпѣлся, и то съ большими притѣсненіями, только какъ антуражъ для милыхъ розъ. Все молодое населеніе вселенной дѣлилось на ея дѣвочекъ, подругъ, кавалеровъ и ‚мальчишекъ', остальные были ‚старики', къ которымъ примѣнялась уже нѣсколько другая мѣрка и къ нимъ смиренно причисляла Анна Павловна и себя. ‚Мальчишки' искоренялись всячески и даже лица ихъ не замѣчались, кавалеры привѣчались и сообразно преданности ласкались, подруги хвалились и прославлялись, но ‚розы' — розы были божество. И даже кавалеры холились какъ жертвы на закланіе — не болѣе, ‚мальчишкамъ' же, безликимъ и безсчетнымъ, была объявлена вѣчная, священная война.

Лишенныя чрезмѣрнаго фанатизма матери и дочери смутно раздѣляли эти амазонскіе взгляды, и въ домѣ Комаровыхъ и прославлялось, и воспѣвалось, и утверждалось лишь вѣчно - женское, какъ перлъ единственный созданія. Мужчины могли только получать жалованіе, хорошо грести и править, когда катаются барышни, охотиться и танцовать, но вы бы несказанно удивили и оскорбили этихъ милыхъ дамъ, спросивъ, напримѣръ: ‚красивъ ли сосѣдній реалистъ?' Это было бы неслыхано. Такой вопросъ, когда есть сонмъ подругъ и, наконецъ, три розы!?

Три розы спустились въ садъ навстрѣчу Ванѣ, но двѣ, пощебетавъ и притворно что-то вспомнивъ, убѣжали, оставивъ Ваню съ Варей посереди лужайки, открытой

со всѣхъ сторонъ. Не приглашая дамы въ тѣнь и не выпуская ея руки изъ своей, онъ проговорилъ:
— Какъ я люблю васъ, Варя, если бы вы знали...
— Я знаю, — сказала та, потупясь.
— Но вы, вы... любите ли вы меня?
— Меня не было бы здѣсь сейчасъ иначе.
— Но какъ она мила, плутовка! расцѣловать! — мечтала мать, смотря изъ окна черезъ лорнетъ на эту сцену.
— Ахъ прелесть, прелесть, — прошелестѣли Сонечка и Катенька, обнявшись.
А на лужайкѣ межъ тѣмъ разговоръ продолжался.
— Я не могу повѣрить: неужели вы меня любите, милая Варя? Неужели вы меня поцѣлуете?
Въ отвѣтъ барышня безъ словъ подставила свою щеку, которую, почти не приближаясь, но вытянувъ шею и губы, поцѣловалъ мальчикъ.
Площадка была совсѣмъ открыта, свѣтило солнце, а за спущенными шторами блестѣли удовольствіемъ три пары глазъ.
Варя, поправивъ волосы, сказала: ‚идемте въ домъ, мы собирались гулять‘.
А на встрѣчу имъ выходили уже Анна Павловна, Соня и Катя. Барышни многозначительно улыбались и переглядывались, а дама ласково сказала красному какъ ракъ кавалеру: ‚можетъ быть, Ваня, вы выпьете чаю раньше: самоваръ еще горячій‘. Ваня покраснѣлъ еще больше, не привыкши къ ласковому обращенію и не зная, что онъ съ этой минуты переходитъ изъ ряда ненавистныхъ ‚мальчишекъ‘ въ почетный разрядъ кавалеровъ.

Глава третья

Странно нерадостнымъ вернулся Ваня домой, что не ускользнуло даже отъ не весьма примѣтливаго взгляда Эспера Петровича. Дядя, не имѣвшій обыкновенія безъ спроса входить въ чужія дѣла, не разспрашивалъ племянника о причинѣ его разстройства, но что оно не осталось незамѣченнымъ явствовало изъ того, что Эсперъ Петровичъ тонкимъ голосомъ запѣлъ арію Далилы. Когда же смутное Ванино состояніе не прошло и черезъ десять дней, дядя спросилъ его самъ:
— Что, Ваня? тебѣ будто не совсѣмъ по себѣ?
Тотъ вздохнулъ въ отвѣтъ, ничего не говоря. Тогда дядя снова завелъ:
— Я не навязываюсь въ конфиденты, ты понимаешь? Но, можетъ быть, тебѣ самому будетъ полезно и желательно получить совѣтъ отъ человѣка, къ сожалѣнію, болѣе опытнаго, нежели ты. Тогда тебѣ необходимо будетъ открыть мнѣ, въ чемъ дѣло. Я не могу ничего сказать безъ этого. А между тѣмъ, ты самъ на себя не похожъ, не ѣшь, плохо спишь, повидимому, и очень не важно выглядишь. Ты

знаешь, я человѣкъ безъ предразсудковъ, но здоровье это главный базисъ нашего счастья.

Здоровье было дядинымъ конькомъ и онъ любилъ при случаѣ, или даже безъ случая, распространяться о сохранности своей относительной молодости и свѣжести, упуская тѣмъ не менѣе изъ виду свои опасенія простудъ, поздняго ложенія, свои режимы, діэты, корсеты и синапизмы.

Ваня и на второе предложеніе Эспера Петровича лишь провздыхалъ, и только когда они дошли уже до скамейки на холму — второе обычное мѣсто остановокъ ихъ рѣдкихъ уединенныхъ прогулокъ — онъ началъ свое признаніе, прерываясь то вздохами, то даже скупыми, не частыми слезами.

— Эсперъ Петровичъ, я полюбилъ...

— Что жъ удивительнаго въ этомъ, другъ мой? я такъ и думалъ... Ну и что же, тебѣ не отвѣчаютъ?

— Я не знаю, какъ вамъ объяснить... мнѣ кажется, что да, но понимаете, что это дѣлается какъ бы въ награду за мою преданность и любовь, а не по своему почину, и при томъ мнѣ именно отвѣчаютъ на любовь, а не любятъ, какъ я люблю и какъ хотѣлъ бы, чтобы меня любили.

— Объясни. Это не глупо, что ты говоришь.

Помолчавъ, Ваня снова началъ болѣе взволнованнымъ, но и еще болѣе плачевнымъ тономъ:

— Ну, напримѣръ, я люблю кого нибудь, его душу, его тѣло, я любуюсь имъ и цѣлую его и жду того же самаго отъ него по отношенію ко мнѣ. Вы понимаете? мнѣ мало, что меня только такъ любятъ, какъ Варя Комарова...

— Ахъ, это — Варя Комарова?

Будто не слыша вставки и несясь въ своихъ изліяніяхъ, Ваня продолжалъ теперь зазвенѣвшимъ голосомъ:

— Мнѣ нужно, чтобы тотъ, кто меня любитъ, такъ же меня цѣловалъ, такъ же нѣжно перебиралъ мнѣ волосы, ласкалъ меня, любилъ мои глаза, руки, плечи, шею, какъ и я, какъ и я...

— Въ твоемъ возрастѣ это, конечно, вполнѣ законное желаніе, — промолвилъ дядя и помолчавъ, добавилъ: — Пойдемъ какъ нибудь къ Аглаѣ Николаевнѣ, хочешь?

— Пожалуй, — беззвучно отвѣтилъ Ваня, какъ то повисая на рукѣ Эспера Петровича, съ которымъ шелъ подъ руку.

Глава четвертая

Аглая Николаевна Шрейберъ, несмотря на лѣто жившая въ каменномъ домѣ, имѣла изящныя вещи, книги и первый цвѣтникъ въ окрестности. Тому, кто проходилъ черезъ обвитый хмѣлемъ и настурціями балконъ въ узкія сѣни, увѣшанныя англійскими

литографіями, и въ крошечныя, но двѣ гостиныя, синюю и розовую, и такъ дальше — по ряду маленькихъ, но какъ то разнокалиберно убранныхъ комнатъ — до новаго, уже ничѣмъ не увитаго балкона, выходящаго на чистый мощеный дворъ, — не приходило въ голову, что онъ находится на петербургской дачѣ, а не во Фіезолѣ, пріютѣ какой-нибудь международной эстетки. Это впечатлѣніе не прошло бы, пожалуй, у невнимательнаго наблюдателя, при видѣ и самой хозяйки дома, тонкой, средняго роста рыжей дамы съ большимъ ртомъ, въ узкомъ, всегда почти сѣромъ платьѣ. Жила она очень замкнуто и среди немногочисленныхъ ея посѣтителей видное мѣсто занималъ Эсперъ Петровичъ, такъ что ничего не было удивительнаго въ томъ, что Ванѣ было предложено дядей посѣтить этотъ салонъ, гдѣ онъ доселѣ не бывалъ. Впрочемъ, едва ли посѣтителей Аглаи Николаевны можно было назвать ‚салономъ', такъ какъ ея гости собирались вразбродъ, не образуя никакого кружка, и мало дружили между собою.

Ваню Эсперъ Петровичъ повелъ къ сосѣдкѣ не въ первый свой визитъ, но предварительно отправился одинъ и выждавъ, когда уйдутъ другіе посѣтители, долго бесѣдовалъ о чемъ то съ хозяйкою, измѣнивъ даже своему режиму ложиться въ одиннадцать часовъ, а на прощаніе, цѣлуя маленькую ручку, проговорилъ:

— И такъ, если вы позволите, я приведу къ вамъ его.

— Пожалуйста, я буду очень рада. Все, что вы говорите, меня крайне интересуетъ.

Когда, черезъ нѣсколько дней, дядя послѣ обѣда будто мелькомъ сказалъ племяннику: ‚ты сегодня что дѣлаешь? пойдемъ къ Аглаѣ Николаевнѣ, а то такъ за лѣто и не соберемся,' — Ваня не былъ нисколько ни удивленъ, ни обрадованъ. Все равно онъ вотъ уже двѣ недѣли никуда не выходилъ, не отдергивалъ кисейныхъ занавѣсокъ, не притрагивался къ книгамъ, а все время почти лежалъ, закинувъ руки за голову и ничего не говоря.

Онъ даже къ Шрейберъ пошелъ, какъ былъ дома, въ нѣсколько смятой бѣлой курткѣ, съ ромашкой въ петлицѣ. Солнце еще не зашло, дробясь ровно въ верхней половинѣ рамы и освѣщая нѣсколько театральнымъ розовымъ свѣтомъ улыбавшуюся изъ окна Аглаю.

Она такъ и осталась у окна, только обернувшись къ нему спиною, ждать, когда гости до нея дойдутъ; она взглянула на Ваню, на котораго теперь падалъ алый лучъ изъ окна, и сказала смѣющимся голосомъ:

— Я и не знала, мой другъ, что у васъ такой большой и такой милый племянникъ; отчего вы его такъ тщательно скрывали? Вы находили, что онъ васъ старитъ? Моя дружба къ вамъ еще болѣе упрочится отъ этого новаго знакомства. Только онъ не умѣетъ причесываться, это нужно совсѣмъ не такъ дѣлать. Хотите, на сегодня я буду вашимъ куаферомъ? Не думайте: я дѣлаю это для себя, только для себя, потому что мнѣ больно видѣть, какъ вы себя безобразите вихрами.

Ваня былъ очень благодаренъ вечернему солнцу за то, что оно, заливая комнату розовымъ свѣтомъ, лишало возможности замѣтить яркій румянецъ, въ который

вогнали мальчика быстрыя слова Аглаи. Онъ не успѣлъ опомниться, какъ его увели въ сосѣдній покойчикъ и, сидя на неудобномъ, низкомъ пуфѣ, не зная куда дѣвать высоко-поднявшіяся колѣнки, онъ равнодушно (вдругъ — смертельно равнодушно), будто за кѣмъ чужимъ, слѣдилъ въ зеркалѣ при свѣчахъ, какъ невидныя въ отраженіи руки измѣняли его лицо. И только, когда изъ глубины стекла на него глянуло новое лицо, которое ему понравилось и не показалось своимъ обычнымъ, онъ всталъ, обернулся и поцѣловалъ руку Аглаи Николаевны. Та же беззвучно смѣялась: и глаза, и ротъ, и маленькая ручка въ перстняхъ, и сѣрое съ зелеными полосками платье — все, казалось, трепетало отъ тихаго смѣха.

Глава пятая

Эсперъ Петровичъ не пѣлъ арію Далилы, но съ какимъ то тайнымъ довольствомъ ходилъ по столовой, не разспрашивая Ваню, а будто ожидая его признанія. Онъ, очевидно, хорошо зналъ своего племянника, потому что не прошло и двухъ минутъ, какъ Ваня заговорилъ отъ окна.

— Вотъ видишь, дядя, ты безпокоился о моемъ здоровьѣ, теперь все прошло. Я тебѣ очень благодаренъ.

— За что, мой другъ?

— За то, что ты меня познакомилъ съ Аглаей Николаевной!

— Ахъ такъ! Не стоитъ благодарности; я самъ очень радъ. Не правда ли, милая женщина?

— Ахъ, очень. Такая тонкая, образованная, съ такимъ вкусомъ.

Дядя похлопалъ его по плечу, молча, и позвонилъ, чтобы давали полотенца, такъ какъ наступилъ часъ купанія. Отъ прозрачной пронизанной солнцемъ зеленоватой воды вся купальня казалась зеленой, — зеленымъ казался и узкій заливъ озера, гдѣ отражалась зелень густыхъ березъ. Зайчики бѣгали по досчатымъ стѣнамъ, попадая иногда на ногу, спину, грудь купальщиковъ. Замѣтивъ, что Ваня смотритъ, скосивъ глазъ, себѣ на плечо, Эсперъ Петровичъ спросилъ:

— Что ты смотришь такъ?

— Ничего, — отвѣтилъ Ваня, покраснѣвъ и видя, что молчаніемъ другой какъ бы продолжаетъ свой вопросъ, добавилъ:

— У меня тутъ родинка.

— Ну и что же?

— Больше ничего.

Дядя тоже посмотрѣлъ и, вдругъ распустившись въ улыбку, спросилъ:

— Аглая ея не видала?

— Что вы дядя! Вѣдь для того, что бы ее было видно, мнѣ нужно снять рубашку.

— Ты правъ: я не сообразилъ, — какъ то странно промолвилъ Эсперъ Петровичъ, будто про себя.
Съ купанья нужно было возвращаться мимо Комаровыхъ. Ваня теперь всегда спѣшилъ скорѣй миновать это мѣсто, опасаясь случайныхъ встрѣчъ. Но если можно избѣжать случайностей, трудно, безъ ненужной грубости, избавиться отъ намѣреннаго свиданія. А между тѣмъ было очевидно, что Соня Комарова, стоя у калитки, въ это утро кого то ждала, и, когда Разсудины поравнялись съ мелкими акаціями, окаймлявшими садъ трехъ розъ, стало ясно, что это былъ Ваня, кого ожидала дѣвушка. Дядя, поклонившись, прослѣдовалъ впередъ, мальчикъ же, съ полотенцемъ на плечѣ, остановился на мосткахъ, не зная, съ чего начать разговоръ. Соня пришла къ нему на помощь, сказавъ:
— Войдите, вы насъ совсѣмъ забыли. Караулю зеленщика, да онъ ужъ, видно, прошелъ.
— А что Варя, Варвара Николаевна, какъ поживаетъ?
— Ничего, живемъ, что намъ дѣлается?—сухо отвѣтила дѣвушка, улыбаясь вкось.
Такъ, въ молчаніи, они поднялись по лѣсенкѣ, потомъ прошли по дорожкѣ до балкона, гдѣ Соня громко сказала, обращаясь къ находившимся въ домѣ: ‚вотъ я привела къ вамъ бѣглеца!‘ — и прошла внутрь.
За нею слѣдомъ бросилась Варенька, вся красная, что то шепча и тормоша сестру за руку. Ваня все стоялъ у крыльца, пока не раздался голосъ Анны Павловны:
— Входите, входите, молодой человѣкъ. Мои дѣвицы, конечно, убѣжали причесываться, вы ихъ знаете, вѣчно такъ.
Ваня это зналъ, хотя всегда удивлялся, почему дядя Эсперъ и онъ, не будучи дѣвицами, съ утра уже были болѣе или менѣе готовы и доступны обозрѣнію; притомъ прежде, когда онъ часто бывалъ у Комаровыхъ, ему доводилось видѣть трехъ розъ въ различныхъ достаточно домашнихъ видахъ. Такъ онъ думалъ, вертя въ рукахъ сорванную травинку, межъ тѣмъ какъ дама уже послала за дочерьми и тутъ же при Ванѣ стала имъ доказывать нелюбезность такихъ исчезновеній при появленіи кавалеровъ.
— Что дѣлать, — прошептала она, — дѣвочки всегда дики и стыдливы.
Одна изъ дикихъ дѣвочекъ сказала Ванѣ:
— Пойдемте гулять на полотно, сегодня не жарко, — и скрылась отыскивать шляпу.
Всю дорогу вдоль зеленыхъ покатыхъ холмовъ, открытымъ лугомъ, гдѣ вдали на голубомъ съ барашками небѣ сквозилъ, какъ сѣрая прошивка, желѣзнодорожный мостъ, вдоль плоскаго съ тростникомъ и кочками озера, — всю дорогу Ваня не говорилъ со смущенной и какъ то фальшиво веселой Варенькой. Только когда они взошли на мостъ и стали глядѣть на прямую, какъ линейка, линію, уходящую безъ своротовъ черезъ болота, лѣса, холмы на сѣверъ, — онъ сказалъ, не поворачивая головы, тихо и раздѣльно:

— Соня, мнѣ нужно поговорить съ вами, устройте это.
Кивнувъ головой утвердительно, та громко заговорила съ сестрами.
Когда онѣ отстали, Соня первая начала.
— Какъ наши желанія совпали. Мнѣ самой нужно поговорить съ вами.
— О чемъ же?
— Конечно, о Варѣ, вы же сами знаете.
Мальчикъ кивнулъ головою, молвивъ: ‚ну и что же?‘
— Да то же, что развѣ такъ поступаютъ? Вы говорили, что ее любите.
— Это правда.
— Ну?
— Но она меня не любитъ.
— Какъ вамъ не грѣхъ?! Развѣ она не отличала васъ на прогулкахъ, вездѣ... Развѣ вы ее не цѣловали, наконецъ?
— Я самъ подходилъ къ ней на прогулкахъ, вездѣ, я ее цѣловалъ, потому что я любилъ ее, былъ влюбленъ въ нее. Она позволяла только это дѣлать.
— Но чего же вамъ больше нужно, глупый вы человѣкъ?
— Чтобы она сама меня любила.
— Но что же для этого нужно дѣлать: вѣшаться вамъ на шею, бѣгать за вами и цѣловать руки? Этого, пожалуй, вы не дождетесь.
— Я не знаю.
— Поймите же, это смѣшно, вы не барышня. Чего вы хотите?
— Я не знаю, — съ тоскою промолвилъ Ваня.
— Варя — чистая дѣвушка и любитъ васъ.
— Я — тоже чистый, — тихо прошепталъ мальчикъ.
Соня быстро взглянула на него, усмѣхнувшись, и замѣтила:
— Это совсѣмъ другое дѣло. — Потомъ, вдругъ, будто озаренная мыслью, на весь лугъ воскликнула: — Вы влюбились въ Аглаю? да? да?
— Я не знаю, оставьте меня въ покоѣ! — весь вспыхнувъ, отвѣтилъ тотъ и бросился бѣжать впередъ.
— Что случилось? — спрашивали подоспѣвшія сестры.
Сидя на травѣ, Соня громко смѣялась, повторяя:
— Онъ сошелъ съ ума: влюбился въ Аглаю!
— Какъ тебѣ не стыдно, Соня! — проговорилаВаренька, надувая губки.

Глава шестая

Такъ тихо, такъ успокоительно, такъ безмятежно было, бросивъ весла, стоять въ челнокѣ на гладкомъ, спокойномъ, бѣлесовато-голубомъ озерѣ. Аглая Николаевна,

распустивъ бѣлый зонтикъ, молчала, молчалъ и Ваня, снявъ бѣлую фуражку, такъ что причесанные теперь на проборъ волосы казались золотыми на солнцѣ.
— Вы очень хорошенькій, Ваня, вы знаете? у васъ зеленые глаза и отлично очерченный ротъ, у васъ нѣжныя руки и длинныя ноги. Покажите вашу шею: по шеѣ можно судить о цвѣтѣ кожи на тѣлѣ. Ничего, розовата и нѣжна.
Ваня хотѣлъ добавить: ‚а на плечѣ у меня родинка', но воздержался. Аглая, межъ тѣмъ, продолжала.
— Вы знаете, что вы недурны?
— Да, знаю.
Аглая нѣсколько недовольная спросила:
— Кто же вамъ это говорилъ?
— Никто, я самъ знаю.
Дома, разливая чай, дама спросила:
— У васъ, Ваня, много знакомыхъ молодыхъ людей, товарищей?
— Почти совсѣмъ нѣтъ.
— Это жалко! — протянула Аглая.
Чтобы поправиться, Ваня быстро произнесъ:
— Вотъ я хожу къ Комаровымъ; тамъ бываютъ кавалеры.
— Когда вы отучитесь отъ этого ужаснаго слова? Но это совсѣмъ не то. Какъ вы не понимаете?
— У меня есть дядя, есть вы, — прибавилъ онъ робко.
— Да, это, конечно; но это опять не то.
Ваня робко взялъ Аглаину руку, молвивъ:
— Чего жъ мнѣ больше желать? Если вы позволите быть всегда около васъ, если и вамъ это будетъ пріятно, чего жъ мнѣ больше желать?
— Конечно, мнѣ это будетъ пріятно: вы такой милый мальчикъ, на васъ пріятно смотрѣть, хочется васъ погладить, приласкать, — но не боитесь ли вы такой дружбы? она легко можетъ перейти въ другое чувство.
— Съ моей стороны? — спросилъ Ваня, какъ то задыхаясь.
— И съ вашей, и съ моей, — отвѣтила Аглая серьезно. Ваня вдругъ перешелъ къ мѣсту, гдѣ сидѣла Аглая, опустился у ея стула на полъ и прошепталъ: ‚Аглая Николаевна, вотъ я люблю васъ'. Она же, наклонясь и какъ то некстати разсмѣявшись, стала покрывать быстрыми и острыми поцѣлуями волосы, лобъ, глаза, щеки и губы мальчика. — ‚И вы, и вы?' — будто ошеломленный шепталъ Ваня, обнимая ея колѣни.
Аглая, словно вспомнивъ что-то важное, взяла тонкую китайскую чашку и, обнявъ Ваню одною рукою, водила пальцемъ по нѣжному рисунку, говоря:
— Смотрите, Ваня, какое сочетаніе красокъ, и что тутъ изображено! Вотъ видите: сидитъ семья на маленькой террасѣ и пьетъ чай, вотъ рыбаки идутъ на ловлю, козелъ стоитъ на холмикѣ, возлюбленный спитъ, а дѣвушка вѣеромъ от-

гоняетъ мухъ, а только что они оба играли въ шашки и рвали смородину, по небу летитъ птица и розовый цвѣтъ его отъ темнаго пятнышка кажется еще розовѣе. Отъ маленькаго пятнышка какъ усиливается тонъ и яркость.
И будто задумалась. Ваня приподнялся на колѣняхъ и прошепталъ ей въ ухо:
— У меня на плечѣ есть родинка!
— Да? — полуспросила женщина, не соображая въ чемъ дѣло, но на всякій случай улыбаясь.
Постучавъ у дверей, вошла горничная и подала на подносѣ письмо. Аглая, сказавъ ‚простите‘, быстро разорвала конвертъ и нѣсколько разъ прочла немногія строчки на толстой сѣрой бумагѣ. Потомъ задумалась, будто позабывъ о Ванѣ. Тотъ всталъ съ подавленнымъ вздохомъ и сказалъ: ‚я пойду, Аглая Николаевна‘.
— Идите, другъ, мы скоро увидимся, — нѣжно, но разсѣянно проговорила она и поцѣловала мальчика.

Глава седьмая

Должно быть, это былъ дѣйствительно экстренный случай, которыхъ такъ избѣгалъ Эсперъ Петровичъ, что Ваня пришелъ къ нему въ спальню послѣ одиннадцати вечера, что дядя разговаривалъ сидя на кровати въ ночномъ бѣльѣ, что Ваня ходилъ по комнатѣ, раздувая пламя свѣчи, которая, вѣроятно по случаю такой экстренности была зажжена вмѣсто электричества.
Эсперъ Петровичъ молчалъ, опершись руками о постель и свѣсивъ ноги, Ваня же то говорилъ, то умолкалъ и снова принимался за монологъ, никѣмъ не прерываемый.
— Ты понимаешь, это все не то, не то, она меня любитъ такъ же, какъ рѣдкую чашку, какъ переплетъ отъ книги, но я же живой человѣкъ, во мнѣ течетъ кровь, если меня уколятъ, мнѣ будетъ больно. Я люблю и хочу, чтобы меня любили, а не любовались только мною, какъ шкапомъ Louis XVI. Тамъ, у Комаровыхъ, и этого даже не понимаютъ, тамъ я просто кавалеръ при барышняхъ, а здѣсь — игрушка. А я, я вотъ съ руками, ногами, грудью — Ваня Разсудинъ, вотъ что я. И такъ какъ я люблю, то хочу чтобы любили именно м е н я, какъ я есть. Если же этого нельзя, то что же тогда?! что же тогда!?
И Ваня сѣлъ, будто все досказалъ. Эсперъ Петровичъ потеръ за ухомъ и началъ:
— Утромъ я все сообразилъ бы гораздо лучше, но и теперь понимаю, въ чемъ твое желаніе. Это дѣйствительно трудно, разъ даже Аглая Николаевна тебя не удовлетворила. Рѣдко имѣютъ такія чувства... обыкновенно просто влюбляются въ барышенъ Комаровыхъ, имъ же нѣсть числа. Это не глупо и правильно, что ты говоришь. Но встрѣчается это позднѣе, когда просыпается любовь. Теперь же я подумаю, до города едва ли что можно сдѣлать. Только ты обѣщай не дѣлать глупостей: тамъ стрѣляться, топиться и т. п. Аглая права, у тебя нѣтъ подходящихъ

товарищей; это развлекаетъ, понимаешь? Ты знаешь, какъ я хорошо тебя знаю, я ничего не упущу изъ виду, даже твоей родинки, если тебѣ угодно. Повѣрь мнѣ, все устроится и экстренности, подобныя сегодняшней, не скоро повторятся. Спи спокойно.

Ваня поцѣловалъ Эспера Петровича, промолвивъ:

— Я не знаю, почему, но я вамъ вѣрю.

— Конечно, надо быть безъ предразсудковъ, но благоразумнымъ и не впадать въ крайности.

— Я знаю.

Владимiръ Эльснеръ

САМСОНЪ и ДАЛИЛА

Разсказъ

Былъ вечерній, уже поздній часъ. Тишина и сумракъ, простертые надъ Шефельской долиной, легли на окраины Газы филистимской, вошли въ сады, большіе дома города, заронили сонъ въ шумныя улицы. Подъ чернымъ пологомъ трепетали послѣдніе огни утихавшей жизни, гасли и снова вспыхивали, какъ въ мягкой золѣ безпокойные угли.

Кедешот'а * Далила, провинціалка по рожденію, когда-то бѣгавшая босикомъ за водою къ Сорекскому ручью, но сумѣвшая за немного лѣтъ здѣсь хорошо устроиться, перенять новые вкусы и дорогія привычки, — возвращалась изъ гостей. Четверо рабовъ, подобранныхъ по росту и шагу, поддерживали гибкіе упоры, выгнутые, какъ длинные клыки. Впереди шли огненосцы; за носилками на короткогривомъ мулѣ ѣхалъ евнухъ-домоправитель. Далила имѣла свое хозяйство и домъ: половину она занимала сама, другая служила гостинницей купцамъ и путникамъ. Въ Газѣ большинство женщинъ легкаго поведенія соединяли свое занятіе съ этимъ промысломъ, предлагая не только ложе, но и ночлегъ и трапезу. Обычно онѣ селились вмѣстѣ, по нѣскольку. Такъ легче было нести расходы и больпій выборъ имѣли посѣтители. Далила, разбогатѣвъ, жила одна. Была она хороша лицомъ, небольшая ростомъ, но стройная, гибкая какъ серебристая ива. Ровный, тонкій румянецъ, лаская ея ланиты, яркимъ пурпуромъ расцвѣталъ на устахъ; она искусно сурьмила брови и рѣсницы, на розовый жемчугъ походили ея овальные ногти. Подруги, обитавшія съ нею раньше подъ общей кровлей, одна за другою ушли, чувствуя невыгоду неравнаго соперничества. Далила наняла весь домъ, потомъ купила его. Своимъ расположеніемъ она теперь дарила немногихъ: иногда изъ любопытства, если то былъ чужестранецъ издалека, или когда знала, что щедрость гостя равной будетъ ея жадности. Странная таилась черта въ характерѣ Далилы, управляла выборомъ любовниковъ: никто, юный и вмѣстѣ съ тѣмъ красотою ярче ея отмѣченный — не обладалъ ею; но если желавшій былъ не молодъ и неумолимые годы спѣшили унести все, чѣмъ нѣкогда богаче другихъ дарила его могучая юность, Далила не отклоняла встрѣчи... И потому выходило такъ, что ласки ея цѣнились какъ-то особо, словно неповторяемыя, дивно случайныя, и никогда испытавшій не вспоминалъ о нихъ грубо.

Этотъ разъ Далила засидѣлась у своего знакомаго торговца драгоцѣнностями; занятая ими, она не замѣчала, какъ бѣжало время; потомъ задержали споры и расчеты Кеми домоправителя, который во всемъ былъ отъявленнымъ скрягой уже по природѣ, а судьба помогла ему быть скупымъ и въ любви.

Далила выбрала жемчужныя серьги, и когда онѣ были вдѣты — хитрый старый купецъ, осклабясь, сказалъ: ,слыхалъ я, что жемчугъ находятъ въ раковинахъ; если это правда, то этотъ жемчугъ нашелъ наконецъ достойную себя раковину... Кля-

* Блудница.

нусь богиней Деркето — когда мой товаръ переходитъ къ такимъ знатокамъ, какъ ты, госпожа, я стыжусь на немъ наживать!‘

Страсть къ самоцвѣтнымъ камнямъ, ихъ сверкающимъ вѣчнымъ, но холоднымъ огнемъ сочетаніямъ, была единственной, чаровавшей Далилу. Къ нарядамъ она хранила не женское равнодушіе: избѣгала тяжелой пышности въ одеждѣ и носила ткани не затмевавшія, а лишь сильнѣе оттѣнявшія красоту ея тѣла. Музыка и пѣніе развлекали ее, но не будили душевныхъ тревогъ.

Любовныя наслажденія всегда такъ же мало влекли Далилу, какъ продавца сластей надоѣвшій товаръ... и тому, кто это могъ почувствовать — странными показались бы ея искусныя ласки. Возможно, — такія онѣ у существъ, лишенныхъ теплой крови, у которыхъ она бѣлая, медленная. Въ тѣ минуты въ синихъ влажныхъ глазахъ Далилы былъ разлитъ ровный, спокойный свѣтъ, какой рождаетъ далекое зимнее солнце въ неподвижной стынущей водѣ.

Встрѣчныхъ было мало. Не провожала пыль, теперь припавшая, вся пронизанная росою. Свернули съ людныхъ улицъ. Не такъ тѣсно сосѣдили дома, казались глубже вросшими въ землю, ихъ каменную цѣпь мѣстами обрывали плетни. Мѣрно колыхали тишину шаги носильщиковъ. Откидывалось, удлинняясь на скоромъ ходу, пламя факеловъ, красные бичи разсѣкали сумракъ. Взлетали искры, нѣкоторыя мерцали подолгу, какъ свѣтляки. Временами поднимался собачій лай: недолгій и разноголосый; слитно и непрерывно верещали кузнечики.

Впереди, гдѣ шли свѣтившіе, вдругъ шумно зазвучали голоса.

Носилки, еще разъ качнувшись, — остановились. Далила откинула занавѣсъ, позвала ближайшаго факельщика узнать, что случилось. Отсюда съ высоты она видѣла, что кто-то незнакомый, рослый, чернобородый стоитъ среди дороги; огненосцы тѣснили его, одинъ грозилъ ему свѣточемъ, какъ палицей. Не поворачивая шеи, по волчьи, осматривался незнакомецъ, потомъ внезапно вырвалъ факелъ у кого-то изъ близъ стоявшихъ, ударилъ наступавшаго; молніей бросилъ пылавшій смолякъ въ толпившихся, мелькнулъ длинною тѣнью въ багровомъ струистомъ потокѣ, — и пропалъ безслѣдно, словно камень, пущенный къ темному дну.
Далила вздрогнула; слѣдя за нею обернулся, оборвавъ на полусловѣ, говорившій.

Поднимали оглушеннаго... другіе, наклоняясь въ темноту, кричали изо всей силы, но не сходя съ мѣста: ‚ловите его... ловите разбойника!‘ Гдѣ-то въ сторонѣ зарокотала труба дозорнаго обхода, словно разсыпался снопъ пѣвучихъ стрѣлъ: тѣ, что были длиннѣе, взлетали выше — и постепенно, одинъ за другимъ, растаяли мѣдные, звонкіе звуки, медленно стертые пространствомъ.

Къ носилкамъ подъѣхалъ евнухъ, отъ него Далила узнала, что тотъ — бродяга, встрѣтивъ процессію, медлилъ свернуть съ пути, одинъ изъ ея людей махнулъ факеломъ въ его сторону: ему прожгло плащъ; началась ссора... — ‚Госпожа сама видѣла, чѣмъ все кончилось‘.

На смуглое, умытое красными отблесками, лицо евнуха легло таинственное выраженіе; онъ продолжалъ на Сидонскомъ нарѣчіи, котораго не понимали спутники: ‚знаетъ ли хозяйка, кто былъ убѣжавшій?..‘ И нагнувшись къ ея уху, шепнулъ: ‚Самсонъ изъ Цараа — вождь іудейскихъ разбойниковъ... Мнѣ показали его однажды на базарѣ въ Аскалонѣ, тогда онъ былъ еще безбородымъ мальчишкой; торгуясь съ корзинщикомъ, онъ порвалъ плетенку изъ свѣжей лозы, какъ нить шелкопряда; ему нипочемъ кулакомъ убить буйвола... онъ не убилъ раба, чтобы не догадались, чьихъ рукъ это могло быть дѣло и не пустились въ поиски‘. По дорогѣ Кеми еще разсказалъ, что нецибами * всѣхъ пяти городовъ благодатныхъ ** назначена куча золота за голову Самсона; только напрасно въ обѣщаніи не упомянуто о наслѣдникахъ счастливца, который съумѣетъ добыть ее... Развѣ тотъ, кому надоѣла жизнь, будетъ пытаться одолѣть Самсона, въ открытомъ бою. И всякій разъ безуспѣшно посылали отряды истребить шайку, съ которой онъ скрывается въ Этомскихъ ущельяхъ: евреи обо всемъ заранѣе ему доносили.

Далилѣ и до того не разъ приходилось слышать о Самсонѣ, его безумной отвагѣ и силѣ. Ей стало досадно, что она не успѣла разсмотрѣть его ближе.

Отворяли ворота, подъ ногами стучали знакомые камни.

Оставшись одна, Далила еще разъ примѣрила серьги передъ большимъ, изъ полированной мѣди, зеркаломъ и тутъ же подумала: замѣтилъ ли ее Самсонъ, вѣдь слуга, спрошенный ею, освѣщалъ носилки. Полюбовавшись, спрятала жемчугъ въ хранилище.

Уже на ложѣ она вспомнила, какъ Самсона чуть не поймала стража у какой-то пеллекс'ы *** на городской окраинѣ. Его заперли и стали окружать домъ; Самсонъ едва спасся, сорвавъ съ петель дверь, закрываясь ею, какъ щитомъ. И вдругъ мелькнула шальная мысль: ‚а что если онъ вздумаетъ прійти сюда?..‘ И недовольная, что она не спитъ, а ей приходятъ на умъ такія несообразныя предположенія, Далила повернулась къ стѣнѣ, закрыла глаза; но все же медлилъ ласковый сонъ.

II

Отбѣжавъ немного и замѣтивъ, что погони нѣтъ, — Самсонъ измѣнилъ шагъ, прислушался: тревожный шумъ замеръ, въ его горящее лицо обычно, нетрепетно дышала ночь. Безшумно и быстро, какъ при бѣгствѣ, — вернулся. Въ концѣ улицы за поворотъ уходили носилки; отъ невидимыхъ факеловъ скользнули, скрещиваясь, длинныя полосы свѣта и опять выросла темная стѣна. Самсонъ издали слѣдилъ за уходившими. Съ досадой думалось ему: ‚узнали или нѣтъ... ско-

* Правитель.
** Газа, Аскалонъ, Гефъ, Азотъ, Аскаронъ.
*** Продажная женщина.

рѣе всего — нѣтъ, иначе докричались бы, пока не пришелъ ночной обходъ и подѣлились важной новостью:
— ‚Самсонъ въ Газѣ!‘
Что-то безотчетное, почти дерзкое, манило его слѣдовать. Съ бережнымъ любованіемъ несла его память красивый обликъ Далилы... смотрѣвшая изъ-за отслоненной занавѣски, она была какъ невѣста, откинувшая фату. Онъ хотѣлъ знать, кто она, кто ей мужемъ? Двое, встрѣчные, поровнялись съ нимъ. И словно праздный, любопытный, онъ ихъ спросилъ: чьи это были рабы и носилки. ‚Далилы пелекс'ы‘ отвѣчалъ одинъ. ‚Ты вѣрно не здѣшній?‘ И подумавъ — прибавилъ: ‚она разборчива, какъ сама добродѣтель, хотя золото любитъ и разбогатѣть съумѣла‘. Далекая, невидимая, какъ поющій жаворонокъ, въ душу Самсона вошла надежда. Онъ крался и видѣлъ, какъ отворились ворота, приняли входившихъ: задохнулись огни, рѣдкими, неясными стали звуки. Остались звѣзды и синеватый сумракъ, который струили ночныя облака: широкія, медленныя, какъ большія, слѣпыя рыбы.
Отъ дома тянулась невысокая стѣна, за нею поодаль густѣли деревья.

Перелѣзши ограду, Самсонъ сталъ пробираться огородомъ. Ступни его погружались въ мягкую развороченную землю, лишенную своей воли, дикой, одухотворенной, ставшей отъ насилій и рукъ ея касавшихся, рабски угодливой, почти распутной.
— ‚Что я затѣялъ‘, — думалъ Самсонъ: — ‚совсѣмъ какъ глупый бѣднякъ, вѣрящій, что за одну ночь можетъ найти гдѣ-то зарытый кладъ и сразу разбогатѣть‘ — и все-таки, ощупавъ мечъ за поясомъ, рѣшилъ, что именно теперь увидитъ Далилу. И она узнаетъ, какъ сильно онъ пожелалъ ее. Страсть и дерзость силы топили страхъ и раздумье и все, что было за нимъ въ жизни, и все враждебное здѣсь рядомъ, кругомъ него. Шелестѣлъ садъ, младшія вѣтки просыпались чаще, какъ въ темнотѣ боязливыя дѣти. Было много плодовыхъ деревьевъ, быть можетъ гдѣ-нибудь забыли лѣстницу... и вдругъ, дохнувшая холодомъ и отвратительная, какъ внезапно скользнувшая по тѣлу змѣйка, — скользнула мысль: когда будешь убѣгать, лѣстницу могутъ оттолкнуть съ тобою вмѣстѣ... Медлить, ждать стало невыносимо, какъ бываетъ, если настигаютъ разомъ: тѣлесная пытка и нежданное глубокое душевное оскорбленіе. Зоркими, привыкшими къ дали и полуночамъ глазами онъ окинулъ постройку. Высокая, вѣтвистая маслина упиралась въ нее, почти переростала. Самсонъ зналъ, что на кровлю всегда есть выходъ изъ лучшихъ хозяйскихъ комнатъ. Затрещали, прошумѣли вѣтви, тяжело сорвалась вспугнутая сонная птица; безсильная избѣжать его, изгибалась и трепетала, какъ связанная плѣнница, тонкая древесная вершина. По кровлѣ, устланной цыновками, ноги ступали беззвучно; стояли нѣсколько сидѣній, на ночь — безъ ковровъ. Самсонъ подошелъ къ зіявшему подъ навѣсомъ сходу, пришлось нагнуть голову. Онъ началъ спускаться медленно, ступень за ступенью, вытянувъ руки, словно отстраняя

неосязаемую густую паутину сумрака, запавшаго между стѣнъ. Бодрымъ былъ духъ Самсона; онъ ощущалъ только досаду, какъ пловецъ, когда въ глубину надо идти по мелкому, колкому дну, въ холодящей водѣ.
Осторожно, одной тяжестью руки тронулъ дверь — она отворилась податливо, беззвучно. За порогомъ гнѣздилась тьма.
Войдя, втянувъ воздухъ, онъ почувствовалъ, что комната тѣсная; еле видимыя намѣчались у близкихъ стѣнъ полки, въ углахъ громоздилась какая-то утварь. Дальше къ новой двери приникъ Самсонъ, та не тронулась, осталась вкованной въ стѣну. Прижавъ плечо, онъ собрался тихо выдавить засовъ, но не глубоко вложенный — тотъ съ лязгомъ отпалъ, и Самсонъ, едва устоявъ на ногахъ, съ размаху вскочилъ за порогъ. Вздрогнувъ отъ испуга, еще не понимая, что ее разбудило — проснулась Далила и, отбросивъ спальное покрывало, сѣла на краю ложа, вся нагая, съ плечами опутанными свѣтлыми прядями волосъ, выбившихся изъ не крѣпко заплетенныхъ косъ.
Самсона она узнала сразу, только теперь онъ былъ словно громаднѣе, выше, и скудныхъ лучей свѣтильника не хватило согнать съ него тѣнь. Недвижно, съ нѣмымъ восхищеніемъ смотрѣлъ Самсонъ на Далилу.
‚Онъ пришелъ грабить... бѣжать, крикнуть...‘ — мгновеніе колебалась она, и пристально взглянувъ, рѣшила: ‚нѣтъ‘.
Были опущены, разжаты, словно выронивъ что-то, руки пришельца; въ лицѣ и глазахъ выступали изумленіе, почти мольба.
Подъ чужой кровлей, одинъ, оторванный отъ всего съ нимъ общаго, онъ былъ словно обломокъ скалы, упавшій въ море, гдѣ вокругъ не вихрь и угрюмыя птицы, а спокойныя струи и странныя, чудесныхъ формъ, созданія моря. „Закрой дверь‘ — рѣзко, какъ бы нечаянно, произнесла Далила.
Онъ повиновался, слѣдя скорѣе за взглядомъ, чѣмъ понимая слова. Когда онъ обернулся, Далила по грудь закуталась въ покрывало.
Хотѣла солгать, что не узнала Самсона, но передумала и сказала сердито и вмѣстѣ лукаво: ‚Ты что жъ пришелъ требовать наказаніе рабу, который прожегъ твой плащъ?‘
Самсонъ молчалъ; не глядя на Далилу, казалось отвѣчая только своимъ мыслямъ — отрицательно покачалъ головою.
— ‚Ты такъ красива...‘, погодя прибавилъ онъ. Далила улыбнулась... Онъ почувствовалъ эту улыбку, какъ чутко спящій — призывные первые лучи. Некрасивое лицо Самсона повторило ее, словно грубое зеркало. Глухимъ сдавленнымъ голосомъ онъ сказалъ: ‚никому худого я не хотѣлъ просить тебя сдѣлать и противъ тебя ничего дурного не замышляю... я увидалъ тебя въ носилкахъ и пошелъ вслѣдъ и рѣшилъ узнать тебя, хотя бы мнѣ пришлось за это поплатиться ранами, даже большимъ‘. Онъ замолкъ и, глубоко вздохнувъ, кулакомъ стукнулъ себя въ грудь.
‚Я знаю, кто ты‘... — тихо отвѣтила Далила: — ‚ты Самсонъ, самый сильный изъ іу-

деевъ; и если тебя схватятъ, то казнятъ; а если я сейчасъ крикну, — громче прибавила она: — ты задушишь меня?‘

Въ упоръ глядя на нее, Самсонъ отстегнулъ мечъ и положилъ на ложе, и когда Самсонъ ступалъ, тихій, тяжелый, какъ левъ, она любовалась движеніемъ его упругихъ, мощныхъ плечъ и грудью, широкой, выпуклой, какъ боевой щитъ.

‚Возьми твое оружіе; о, какое тяжелое‘, прибавила она, потрогавъ рукоятку.

И продолжала задумчиво: ‚Супруга у меня нѣтъ, а до вражды другихъ мужей мнѣ нѣтъ дѣла... этотъ разъ будь гостемъ; но какъ ты попалъ сюда, какой дорогой уйдешь? Я не хочу, чтобы знали, что ты былъ у меня, ты долженъ выйти до разсвѣта. И такъ уже я тебѣ подарила свой сонъ‘.

‚Вотъ уже гонишь меня, — горько сказалъ Самсонъ: — еще не близокъ разсвѣтъ‘. — ‚Нѣтъ я не тороплю тебя, но и не хочу быть для тебя причиной бѣдъ‘. Онъ ей разсказалъ, какимъ путемъ сюда пробрался. Древеснымъ сокомъ пахли ладони, ему оцарапало щеку.

‚Ты не сломалъ дерева?‘ — Пошутила Далила. — ‚Правда ли, что сила у тебя такая, что съ нею не можетъ мѣряться ни одинъ звѣрь, ни человѣкъ?‘

Она пытливо взглянула на обнаженные до локтей руки Самсона. Грубыя, съ темными знаками отъ рубцовъ, оплетенныя буграми мускуловъ, онѣ чувствовались тяжелыми какъ бронза, были того же цвѣта отъ загара и вѣтра.

‚Ты на одной рукѣ поднимешь меня съ земли?‘ — спросила она почти съ завистью. ‚У тебя тѣло должно быть такое твердое, что не можетъ бояться ранъ... И одежду ты изнашиваешь скорѣе, чѣмъ всѣ люди‘... Она весело взглянула на прожженный плащъ. Довѣрчиво, радостно, какъ весною горный потокъ, брошенный въ новое русло, онъ засмѣялся, протянулъ ей руку. Нагнувшись Далила тронула, ощутила ее, твердую, горячую, словно камень, купаемый зноемъ. Близкое дыханіе коснулось Самсона и жадно насторожились ноздри, сердце забилось прерывисто... быстрѣе. Въ зрачкахъ его рѣзко, какъ молніи — зажигались желанія, дальними бѣглыми зарницами отвѣчали глаза Далилы. И властно влекла ее страсть, прежде ей незнакомая, какъ мудрому томленіе игрока, ненужная, какъ невѣрующему таинства. Странно болѣли сосцы, словно стала она матерью и готова отдать грудь свою первенцу. Далила пыталась бороться, что-то удержать... и не удавалось ей, какъ виноградарю, правящему точиломъ, не вдыхать пряного запаха молодого вина, не быть имъ обрызганнымъ, не искуситься отвѣдать его. Словно къ самымъ губамъ подступалъ пѣнный разливъ... еще мигъ — она закинетъ голову, захлебнется.

‚Подними меня‘ — сказала она Самсону; и такъ, что это онъ узналъ не черезъ уши, а всѣмъ тѣломъ: ‚возьми меня‘!..

Почувствовала, что тяжелѣютъ вѣки и перестала отличать себя и то сладкое неодолимое, въ чемъ таяла ея воля. Хотѣлось быть жестокой и безсильной, и снова жестокой, и опять безсильной... и въ эту минуту она сказала: ‚Ты вернешься?‘... А потомъ, когда Самсонъ отвѣтилъ: ‚когда ты пожелаешь‘, мучила молчаніемъ, пока назначила время.

Едва настало трудовое утро, Самсонъ покинулъ Газу, смѣшавшись съ пестрой толпой торговцевъ и поденщиковъ, тѣснившихся въ отворенныхъ воротахъ. Онъ ушелъ изъ города, не посѣтивъ никого изъ своихъ пріятелей. И въ предмѣстьи не зашелъ, вопреки обѣщанью, къ дубильщику Гадару, изъ колѣна Данова, земляку Самсона, знавшему его еще ребенкомъ. Іагвэ, богу Израиля ревностно служилъ Гадаръ, въ домѣ его стоялъ т е р а ф и м ъ * изъ литого серебра и каждое новолуніе приносились жертвы. Жить за городской стѣною принуждала Гадара особенность его ремесла: тошный запахъ подсыхающихъ шкуръ и мездры ѣдкой тучей стлался вокругъ его дома. Старикъ любилъ Самсона, дѣлился съ нимъ многодневнымъ опытомъ, а въ душѣ его съумѣлъ выростить и укрѣпить неизбывную вѣру въ Іагвэ — бога народа избраннаго.

Приходя отъ Этома въ Газу, Самсонъ отдыхалъ у Гадара, узнавалъ новости, потомъ шелъ въ городъ устроить дѣла, повидаться съ пріятелями. Всѣхъ кузнецовъ и оружейниковъ переселили къ себѣ филистимляне, а дѣтей семействъ богатыхъ и чтимыхъ взяли заложниками. Не мало іудеевъ посѣщало Газу и держась своихъ единоплеменниковъ Самсонъ не боялся быть узнаннымъ, лицо его было, какъ у многихъ, а подъ широкой одеждой, скрывавшей его тѣло, трудно было разобрать, одарено ли оно необычайной силой, или только тучное.

Провожалъ Самсона тихій вѣтеръ полей, пахнущій травами и медомъ, въ тотъ часъ благословлявшій злаки. Съ голубѣющаго, не ярко солнечнаго неба, молитвенными кимвалами звенѣли пѣсни жаворонковъ. Пепельная дымка таяла надъ очертаньями дальнихъ Іудейскихъ горъ: тамъ отдыхали облака, словно стая большихъ бѣлыхъ птицъ, еще не покинувшихъ ночевья. Изъ каждаго комочка сущаго — били ключи тепла и свѣта, ликовало утро, начиналось половодье жизни. Вплетенные въ зеленое руно посѣвовъ мелькали бѣлые и желтые цвѣты. По краямъ дороги задумавшимися путниками стояли одинокія деревья. Самсонъ свернулъ и пошелъ межою. Многотравный дернъ мягкимъ ковромъ стлался подъ ступнями. Шелестѣли нивы, стрекотали цикады. На грудь ему склонялись довѣрчивые колосья.

И съ каждымъ вздохомъ, съ каждымъ шагомъ, отдалявшимъ его отъ города, спадала и медленно разсѣивалась странная тяжесть, въ которой онъ не могъ себѣ дать отчета. И когда за холмами скрылись башни Газы, словно пришло оправданіе нарушенному обѣщанію Гадару и тому одиночеству, куда влекли мысли о Далилѣ,

---

* Изображеніе бога.

неясныя, нѣжныя и все же неотступныя. Лишь къ вечеру пришелъ онъ въ селеніе — свое убѣжище. И съ того дня берегло сердце Самсона тревожную и вмѣстѣ радостную тайну.
Передъ ночью, назначенной Далилой, раньше чѣмъ всегда зашелъ онъ къ Гадару, какъ бы желая искупить прошлую вину. Но неправдой отговорился Самсонъ, обойдя поученіе, не разъ имъ слышанное отъ старца: ‚что уста солгавшаго другу будутъ передъ взоромъ Іагвэ, какъ у поѣвшаго спѣлые плоды тутовые‘.
Задолго до того, какъ идти въ городъ, мысли Самсона оторвались отъ окружавшаго... и сѣтовалъ на себя Самсонъ, но упреки жалили безбольно, какъ неузнаннаго вора — горе обкраденнаго. Словно ядовитыя травы, зрѣющія въ тѣни, оберегаемая тайна крѣпла въ сердцѣ его, и любовь къ Далилѣ все сильнѣе владѣла имъ, оттѣсняя всѣхъ раньше нужныхъ, близкихъ, подобно птенцу кукушки, растущему въ чужомъ гнѣздѣ. Рѣдко подъ кровлей Гадара сталъ ночевать Самсонъ. И какъ-то случилось, расхворавшись, не сдержался старикъ и скрѣпя сердце началъ пенять Самсону, что безпутно проводитъ онъ время: ‚клинокъ испытанный, рядомъ съ желѣзомъ ржавымъ тускнѣетъ, пятнаясь ржавчиной... Человѣкъ не слабѣе ли желѣза?‘... И хотѣлось Гадару, чтобы этотъ разъ у одра его остался Самсонъ. До вечера жило смущеніе Самсона, потомъ все-таки онъ ушелъ въ Газу.

Въ другой разъ засталъ онъ своего друга въ горѣ и гнѣвѣ: филистимляне забрали лезвія рабочихъ скребковъ, оказавшихся длиннѣе полулоктя. Старикъ призывалъ Іагвэ карающаго на обидчиковъ, жаловался на слабѣющія силы, что не сможетъ стать онъ въ ряды воиновъ, когда подымется Израиль и потечетъ кровь нечестивыхъ и роса увлажнитъ сухіе пески и камни * отъ моря до Іордана. Словно тервинеъ ** упругій — человѣкъ смолоду, но безпощадны годы и, дряхлѣя, грузнетъ онъ, осѣдаетъ, какъ тяжелый мѣшокъ въ прорѣхахъ, какъ земляная куча. Вспомнилъ Самсонъ, что Далила и язычница, и дочь народа вражьяго, но не могъ себя заставить зло думать о ней, испытать раскаянье. Съ жадностью, ей раньше невѣдомой, отдавалась Далила этимъ новымъ встрѣчамъ... и не могла рѣшить — оттого ли, что не изсякала страсть къ Самсону, или потому, что и въ остальномъ былъ онъ другимъ, чѣмъ тѣ, кого раньше знала она. Иногда внезапно между заботами дня ласково, льстиво подступали воспоминанія о Самсонѣ; его застѣнчивость забавляла, грубости остро влекли, подчиняли. Она распрашивала Самсона о его жизни, добивалась узнать, какъ одолѣвалъ онъ опасности, такъ часто ему грозившія.
‚Правда, что гдѣ-то у себя въ горахъ, ты сражался одинъ противъ отряда нашихъ воиновъ, и многихъ убилъ, и бѣгствомъ спаслись остальные‘... Самсонъ, смѣясь, разсказалъ, что все происходило по иному: филистимляне застигли его въ лѣсномъ

---

* Божье благоволеніе за месть.
** Порода дуба.

ушельи у Эглона, изъ него одинъ выходъ... и спастись можно было только пробившись черезъ ихъ ряды. Напалъ онъ первый, для нихъ нежданно... и думая, что съ нимъ товарищи, филистимляне отступили, открывъ дорогу, чѣмъ онъ поспѣшилъ воспользоваться; убилъ двухъ, трехъ... едва ли больше?

Погодя вспомнила Далила о другомъ подвигѣ Самсона, какъ руками онъ задушилъ льва. О чемъ-то чудесномъ ждала она повѣсти.

'Я подвязывалъ лозы и вдругъ замѣтилъ, что въ виноградникѣ отдыхаетъ молодой левъ. Вытянувъ шестъ покрѣпче, я пошелъ на звѣря и пока онъ собрался прыгнуть, ударомъ оглушилъ его; со мною была веревка, затянувъ петлю я задушилъ его, а потомъ для шутки разорвалъ пасть. Когда я принесъ льва въ Ѳимнафу, никому не пришло въ голову, что сначала я удавилъ его... люди такъ же легковѣрны, какъ и лживы' — прибавилъ онъ.

Далилѣ стало почти досадно, что Самсонъ не захотѣлъ обмануть ее. И словно защищая то, чему раньше вѣрила, она сказала: ,пусть такъ, но съ тобой всегда счастье, и почему тебѣ служитъ оно такъ неизмѣнно?...'

— ,Это моя тайна' — вырвалось у Самсона.

Жгучее любопытство, радость передъ воплощаемымъ въявѣ сномъ — охватила Далилу. ,Ты не откроешь тайны мнѣ, кто всѣмъ съ тобой дѣлится... о, если ты меня любишь, то повѣришь ее; и такъ ты уже виноватъ, что до сихъ поръ о ней не обмолвился'.

Наступило молчаніе. Самсонъ закрылъ глаза, ему стало казаться, что Далилы съ нимъ больше нѣтъ... Тихая грусть пролилась въ его сердце; тягость искуса таяла въ этой горькой волнѣ, становилась меньшей, незначущей. И покорился Самсонъ, и отдалъ выкупъ за счастье, за безумство своей любви.

,Когда онъ былъ еще отрокомъ, родители поручили силу его покровительству Іагвэ... въ знакъ вѣрности ему, я не долженъ былъ обрѣзывать своихъ волосъ, и если завѣтъ будетъ нарушенъ, расторгнется союзъ съ Іагвэ, въ путяхъ жизни покинетъ меня удача, кто знаетъ, быть можетъ убудетъ и сила?..' Тотъ разъ съ какой-то безграничной щедростью расточала Далила ласки, словно боялась, что онѣ послѣднія, прощальныя, что при новой встрѣчѣ перестанетъ ощущать эти порывы и ничѣмъ нельзя будетъ ихъ снова вызвать.

И въ чередѣ дней изжитыхъ благостно — по прежнему, зоркая мысль, далекая, но уже настойчивая стала тревожить Далилу: посягнуть на тайну Самсона... обрѣзать ему волосы. Стойкой волей обладала Далила, предугадывая несбыточное, умѣла заставить себя никогда о томъ не думать. Впервые овладѣла ею прихоть, которой не смѣла исполнить, не могла побороть, томившая ее, словно порочнаго супруга — желаніе заставить принять цѣломудренную жену нечистыя, извращенныя ласки и знающаго, что можетъ она не принять ихъ, возненавидѣть, какъ за оскорбленіе. Быть можетъ гордость ея, свободная, равнодушная ко всѣмъ, искала мести за плѣнъ, за невольное подчиненіе Самсону. Какъ съ заключеннымъ неразлучна мечта о побѣгѣ — опасный замыселъ преслѣдовалъ Далилу.

Это случилось послѣ праздника трубъ, начала жатвы, когда ночи стали тяжелыя, душныя. Друзья задержали Самсона, онъ пришелъ много позже обычнаго; утомленный зноемъ и долгимъ путемъ, послѣ первыхъ ласкъ прилегъ уснуть. Сидя у изголовья, Далила сплетала его свѣсившіяся тяжелыя космы, перебирая ихъ, словно скупецъ сокровища. Какъ птицы къ пожарищу — гибели, — тянулись руки ея къ преступленію. Она отвернулась; ушла въ глубь комнаты, вернулась снова. Взглядъ ея нечаянно упалъ на короткій мечъ Самсона, подвѣшенный въ ногахъ ложа. Когда оружіе уже лежало на ея колѣняхъ — дрожь охватила Далилу, словно холодный металлъ безкровно проникъ глубоко ей въ тѣло. Она не знала, сколько длилось жуткое оцѣпенѣніе... какъ въ бреду, внезапно для самой себя, кинулась и рѣзкимъ, свистящимъ взмахомъ срѣзала упруго выгнутыя, свитыя пряди. Клинокъ впился въ дерево, пробужденный Самсонъ стремительно поднялся. Далила не успѣла опомниться, ступить шага... Онъ схватилъ ее, опрокинулъ на ложе и, тяжело дыша, сѣлъ рядомъ. ‚Зачѣмъ ты это сдѣлала‘, — спросилъ наконецъ, произнося слова медленно, словно сдвигая тяжести. Въ пастяхъ огнедышащихъ горъ вспыхиваетъ то, чего не въ силахъ зажечь люди, — передъ ужасомъ смерти неизбѣжной, ясной, за мгновенье у Далилы возникло оправданіе, надъ которымъ въ другое время, она могла бы тщетно задуматься.

‚Я ревновала тебя къ Іагвэ... хотѣла чтобы ты хотя недолго, пусть недолго, но былъ моимъ больше, чѣмъ его‘ — и сама не различала лжетъ ли, или вѣритъ своимъ словамъ.

‚Пощади меня... чтобы не ошибся судья, какъ преступникъ, не долженъ быть онъ такъ же поспѣшенъ въ осужденіи, какъ тотъ въ проступкѣ. Вѣдь волосы твои опять вырастутъ... Самсонъ, слышишь: играетъ пастухъ, уже скотъ гонятъ къ пастбищамъ, торопись уйти, иначе погубишь себя, приходи вечеромъ и какъ рѣшишь поступить со мной, пусть такъ будетъ — слышишь?‘

Какъ подрубленному дереву малаго толчка довольно, чтобы рухнуть въ сторону, гдѣ вѣтви гуще — Самсонъ оставилъ ее, торопливо вышелъ, и оба забыли сказать другъ другу слова прощальной ласки. Жестокая усмѣшка свела побѣлѣвшія губы Далилы, едва она увѣрилась, что опасность минула. Страхъ смерти безслѣдно затушилъ въ ея жилахъ пламя страсти къ Самсону. Въ омраченной гнѣвомъ душѣ, какъ во тьмѣ зеницы хищника, ярко вспыхнули: злоба, месть... Отшвырнувъ ногой разметанные, мертвые волосы, она легла и стала обдумывать, какъ всего удобнѣе избавиться отъ ненужнаго, опаснаго любовника. Вспомнила, что онъ пришелъ усталый и потный; презрительно подумала: ‚пахло, какъ отъ муравьиной кучи‘... Потомъ позвала Кеми. ‚Золото, назначенное за поимку — дарю тебѣ, съ тѣмъ, чтобы ты все устроилъ и подтвердилъ, что онъ посѣщалъ какую-нибудь изъ рабынь‘...

Низко на затылкѣ опустивъ повязку, Самсонъ уходилъ нивами, ждущими серпа, сверкавшими отяжелѣлыми колосьями. И такъ же, какъ тотъ разъ, послѣ первой встрѣчи съ Далилой, бѣжалъ отъ всѣхъ. Теперь — словно раненый звѣрь, уносящій глубоко вонзенное остріе. Солнце незримыми молотами ковало землю, сухую, отвердѣлую. Извилистыя трещины обнажили въ лонѣ ея бурые корни. Неподвижной полосой, надъ садами тяжелѣлъ запахъ перезрѣлыхъ плодовъ. Пятнами запекшейся крови темнѣла на склонахъ обожженная листва виноградниковъ.

Во взглядѣ всякаго прохожаго Самсонъ читалъ злой умыселъ... ему казалось — каждый узнаетъ его, что именно онъ — Самсонъ. Страхъ насиловалъ, издѣвался надъ нимъ: за однимъ изъ поворотовъ дороги Самсонъ не выдержалъ и ринулся впередъ съ быстротой, на какую лишь былъ способенъ. И страхъ гналъ и давилъ его, словно онъ бѣжалъ въ гору, подъ тѣснымъ сводомъ, нависавшимъ все ниже и ниже. Въ изнеможеньи, задыхаясь, онъ оборвалъ бѣгъ, пошелъ медленно, шагомъ... и шелъ, все шелъ, безъ устали, какъ мечется въ стѣнахъ клѣтки дикій звѣрь.

И думалъ... искалъ разобраться въ случившемся: убить Далилу — виновницу, тогда Іагвэ быть можетъ не отступится отъ него... Открыться Гадару, уничтожить ложь все растущую... просить у него совѣта. Но онъ самъ виновенъ, открывъ Далилѣ тайну; развѣ до сихъ поръ онъ испыталъ отъ Далилы что-нибудь плохое? Онъ вѣритъ ей, любитъ!

Мысли его то бѣшенно и тщетно бились, пытаясь превозмочь препятствія, какъ змѣи, брошенные въ глубокій, гладкій колодецъ, то замирали въ изнеможеніи передъ будущимъ, словно кроты на солнцѣ.

Въ безысходности онъ начиналъ слѣдить за окружающимъ: за какой-нибудь былинкой, жукомъ, за людьми, погруженными въ мирный привычный трудъ, — въ странной надеждѣ, что оттуда придетъ помощь, покой...

А потомъ вспомнилъ: что теперь съ Далилой, чего ждетъ она?..

Неужели онъ станетъ ея убійцей?! И мучила тоска, хотѣлось забвенія, нѣжнаго участія.

Когда къ закату онъ возвращался въ Газу, откуда-то изъ глуби сада донеслись призывы пѣсни: ‚Въ голубыхъ глазахъ ея столько сіянія, словно на дневномъ небѣ зажглись миріады звѣздъ‘...

‚Дыханіе устъ ея пахучее и нѣжное — подобно ласкѣ падающихъ лепестковъ цвѣтущей яблони‘...

И легче показалось Самсону бремя его горести; онъ пошелъ быстрѣе, какъ вѣстникъ милости, прощенія, любви.

...Взгляните: вотъ верхній вѣтеръ несетъ облака въ одну сторону, а деревья здѣсь внизу, упрямо гнутся въ обратную, и два незримыхъ потока уже бушуютъ, сшибаясь гдѣ-то въ высяхъ. И уже осилили верхнія дальнія волны, намъ невидимыя, неощутимыя... И свершается перемѣна судьбы человѣка, брошенъ ему черный жребій и рушится жизнь его, а онъ все еще коснѣетъ въ довѣрчивомъ невѣдѣньи.

V

Едва Самсонъ ступилъ подъ знакомую кровлю, какъ былъ оглушенъ ударами, сбитъ съ ногъ и связанъ. Затѣмъ тутъ же, по раньше данному приказу пециба, плѣннику выжгли глаза.

Помутнѣвшее сознаніе Самсона всколыхнула нестерпимая боль, мгновенной полосой обнаженнаго дна — мелькнуло: ‚тяжекъ гнѣвъ Іагвэ карающаго'... и все опять смѣшалось въ хаосѣ.

Потомъ ему освободили ноги и тупыми концами копій погнали въ путь. Самсонъ покорно слѣдовалъ съ отрядомъ. Бичуемый болью, стиснутый ярмомъ позора, онъ тщетно пытался вернуться къ недавнему; разгадать, какъ все случилось. Безсильны и спутаны были мысли, словно полегшія на днѣ русла водоросли, никла воля, какъ полногрудый парусъ въ безвѣтріе. Облитое неровнымъ заревомъ лицо его, рябое отъ грязи и густѣвшей крови, казалось въ жуткой плохо сложенной маскѣ: у чела чужое, мертвое; почти прежнее внизу, гдѣ неукротимо живы остались губы и упрямыя ноздри.

Вели его медленно. Собиралась толпа. Воины разсказывали, какъ поймали Самсона. Длительно и трудно было ему разбираться въ говорѣ, кликахъ. Лишь имя Далилы, вновь и вновь повторяемое, заставило мучительно вслушаться... постичь вѣроломство. Сдѣлавъ еще шагъ, Самсонъ грузно пошатнувшись остановился, свѣсилъ ниже голову и выплюнувъ темную слюну, заскрипѣлъ зубами. А когда его понудили идти, яростно прянулъ и, порвавъ узы, долго сопротивлялся бѣшенно и безцѣльно, пока, истекая кровью, полумертвый отъ ударовъ, не свалился на пыльную дорогу.

Позже, когда Самсонъ, заключенный въ темницу, мало-по-малу сталъ поправляться, онъ равнодушно подчинился власти его окружавшихъ. Тѣло оставалось жить, какъ зеленѣетъ дерево съ гніющей сердцевиной, глубокимъ тайнымъ дупломъ.

Въ его больномъ мозгу, словно въ Генисарскихъ пещерахъ, гдѣ хоронили трупы и жили безумные, было только мертвое ушедшее, да порой проносились безсвязныя видѣнія.

И когда замѣтили перемѣну и повѣрили его кротости, Самсона перестали держать въ темничной ямѣ и, заковавъ въ тѣсныя цѣпи, приставили къ общественной мельницѣ. Сюда иногда, съ осторожнымъ любопытствомъ, приходили соплеменники Самсона и бывшіе друзья. Почти всѣ его осуждали: одни громко, другіе про себя нѣкоторые совѣтовали: ‚что ждешь — убей себя!'

Самсонъ не слушалъ ихъ, не отвѣчалъ на брань. Самъ онъ, едва вернулось къ нему сознаніе, рѣшилъ умереть отъ голода, или разбить голову о камни. Но тутъ же медленно родились другія мысли — о всемогуществѣ Іагвэ. ‚Пока онъ длитъ твою жизнь, ты его неоплатный должникъ, вѣдь и пойманный ястребъ не принимаетъ въ неволѣ пищи, предпочитаетъ смерть тяжкой неволѣ... Теперь хозяинъ Самсона — только Іагвэ и его рука укажетъ смертный часъ слѣпцу'. Самсонъ пробовалъ

молиться, но не зналъ, не умѣлъ это дѣлать...Глухой, тайной молитвой стала вся его жизнь.

Черезъ полъ-года Самсона взяли на работы по постройкѣ храма Дагона. Сначала онъ отказался, ему пригрозили смертью... онъ уступилъ. Но ни разу не довелось ему повстрѣчать на улицахъ Далилу или людей ея. Когда зданіе было кончено, на празднество перваго служенія правитель Газы пригласилъ сарновъ и нецибовъ дружественныхъ городовъ и много филистимской знати. Привели къ пристройкамъ капища и Самсона. Собирались, развлеченія ради, послѣ богослуженія показать его почетнымъ гостямъ. Сопровождавшей стражѣ захотѣлось тоже посмотрѣть торжество, послушать моленія жрецовъ.

Самсона повели на хоры и спрятали за колонной, усадивъ на длинную кедровую скамью. Онъ равнодушно, какъ всегда, повиновался. Здѣсь впервые онъ услыхалъ голосъ Далилы, негромкій, лукавый. Внезапно Самсона свела бѣшенная судорга, хрипя онъ растянулъ мѣдныя цѣпи и порвалъ ихъ какъ гнилую сѣть. Схватилъ длинное сѣдалище, опрокинулъ сосѣдей и, ударяя имъ какъ цѣпомъ, ринулся въ сторону откуда донесся голосъ.

Толпа отхлынула, поломала перила хоръ, повергла нѣсколько статуй. Камни и люди срывались, убивая, убиваясь и дробя собранныхъ внизу. Самсонъ упалъ однимъ изъ послѣднихъ.

Замѣтивъ, что онъ еще дышитъ, послѣ его прикончили копьемъ.

Такъ умеръ Самсонъ изъ Цараа.

Сергѣй Ауслендеръ

СТАВКА КНЯЗЯ МАТВѢЯ

Разсказъ

Это вы, князь, напрасно изволили ко мнѣ обращаться. Потворщикомъ шалостей вашихъ никогда не состоялъ, и впредь, прошу точно запомнить, состоять не намѣренъ. Нареканія и замѣчанія выслушивать за недостойное и неприличное — да, милостивый государь Ваше Сіятельство, — неприличное поведеніе ваше не согласенъ. Первый буду ходатайствовать о примѣненіи строжайшихъ мѣръ къ обузданію вашему. Только этимъ могу оказать вамъ родственную услугу и исполнить свой долгъ передъ покойной вашей матушкой, поручившей мнѣ тяжелыя заботы о васъ. Въ остальномъ же не извольте питать никакихъ надеждъ. Достаточно было снисходительности.

Князь Евтихій Александровичъ, уже одѣтый къ выѣзду, въ придворномъ мундирѣ, язвительно расшаркивался передъ своимъ племянникомъ, княземъ Матвѣемъ, брызгалъ слюною, захлебывался, стучалъ маленькимъ кулачкомъ по столу и былъ доволенъ собою, думая, что похожъ на безжалостнаго героя трагедіи.

— Въ каторгу когда васъ будутъ посылать, — чему не удивлюсь, — пальцемъ не пошевельну, милостивый государь, — задыхаясь, взвизгивалъ князь Евтихій.

Съ тупымъ равнодушіемъ выслушивалъ князь Матвѣй гнѣвныя дядины рѣчи.

Все было знакомо до тоски ему, — и этотъ большой, съ холодной роскошью убранный кабинетъ, и визгливый голосъ князя Евтихія, и его коричневый, сбившійся немного на бокъ парикъ, и купидонъ на бронзовыхъ часахъ, посылающій стрѣлу, и замысловатый бой курантовъ, и широкая площадь, видная въ окно, затуманенное тоскливымъ осеннимъ дождемъ.

Послѣ вчерашней попойки болѣла голова, было непереносимо скучно стоять у дверей и ждать, пока пройдетъ припадокъ ярости у князя Евтихія, и онъ, въ тысячный разъ повторивъ опостылѣвшіе упреки, успокоится, подойдетъ къ конторкѣ, достанетъ деньги, кинетъ ихъ на столъ и скажетъ брезгливо:

— Ступай. Въ послѣдній разъ это дѣлаю. Не для тебя, а для спасенія чести рода Поварнихъ, среди которыхъ не числилось до сей поры безчестныхъ мотовъ и безобразниковъ.

Долѣе обычнаго продолжалъ сегодня злобствовать князь Евтихій.

Уже куранты проиграли и четверть, и половину одиннадцатаго, и княжій камердинеръ нѣсколько разъ выглядывалъ изъ-за двери, чтобы доложить, что карета подана, а Евтихій Александровичъ бѣгалъ по кабинету, дѣлалъ выразительныя паузы, и опять принимался стучать кулачкомъ по столу и выкрикивать язвительныя слова.

Казалось князю Матвѣю, что конца этому не будетъ, и нѣсколько разъ нетерпѣливо крутилъ онъ черный усъ и подергивалъ плечами, совсѣмъ уже готовый какой-нибудь безобразной дерзостью окончить эту становившуюся нестерпимо скучной сцену.

Но вдругъ тяжело бухнула пушка съ крѣпости, и Евтихій Александровичъ, оборвавъ свою рѣчь на полусловѣ, испуганно забезпокоился.
— Ужели ужъ полдень? Во дворецъ опоздалъ...
Сторожившій у дверей камердинеръ рѣшилъ вмѣшаться.
— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство. Должно, по причинѣ наводненія стрѣляютъ; съ вечера еще вода прибывала; сказываютъ, въ гавани изрядно подмокли. А время, ваше сіятельство, безъ четверти одиннадцать будетъ скоро.
— Пора, пора! — заторопился князь Евтихій: — скорѣй шинель да шляпу, и бумаги въ карету снеси. Завтракаю сегодня во дворцѣ, — горделиво закинувъ голову, добавилъ онъ, и уже въ дверяхъ бросилъ племяннику:
— Къ теткѣ ступай. Она дастъ. Но, честью клянусь, въ послѣдній это разъ.
Камердинеръ накинулъ на плечо князя бархатную шинель, подалъ красный шелковый шарфъ окутать горло и, схвативъ тяжелый княжескій портфель, побѣжалъ за княземъ Евтихіемъ, который не бѣжалъ, а несся къ выходу.
Князь Матвѣй, тупымъ взглядомъ проводивъ дядю, подошелъ для чего-то къ окну и долго безъ мыслей смотрѣлъ на унылую въ огромныхъ лужахъ площадь, сѣрое безнадежное небо, едва выступавшій въ туманѣ памятникъ, на канцеляриста въ раздуваемой вѣтромъ шинели, осторожно пробирающагося по камешкамъ черезъ непролазную грязь. Скука и безпричинная тоска давили князя Матвѣя; онъ даже не вспоминалъ ни унизительной воркотни дяди, ни грозящаго большими сложностями скандала, героемъ котораго вчера онъ сдѣлался, ни огромнаго проигрыша, ни предстоящаго разговора съ теткой, ни всѣхъ прочихъ неудачъ и непріятностей.
Онъ не думалъ ни о чемъ, и туманная, безпросвѣтная слякоть, царившая за окномъ, окутывала его чѣмъ-то склизкимъ, противнымъ до тошноты и тоскливымъ.
— Вотъ вы гдѣ, а я васъ жду, — раздался за спиной князя Матвѣя жеманный голосъ.
Онъ обернулся.
Кокетливо улыбаясь, въ прелестномъ утреннемъ туалетѣ, но уже тщательно причесанная, съ мушкой на правой щекѣ, стояла передъ нимъ тетушка его, княгиня Анна Семеновна.
Будучи лѣтъ на сорокъ моложе своего мужа, считалась Анна Семеновна одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ, но сейчасъ князю Матвѣю показались противными и приторно-сладкая улыбка ея тонкихъ злыхъ губъ, и ея жеманный голосъ, и подозрительная бѣлизна полныхъ, намѣренно едва прикрытыхъ тонкимъ шарфомъ грудей, и вся она, сдѣланная будто изъ марципана и обсыпанная сахаромъ.
Онъ едва коснулся кончиками усовъ ея холеной, въ дорогихъ кольцахъ, ручки и на нѣжное пожатіе отвѣтилъ тѣмъ, что грубо вырвалъ свою руку.
Княгиня улыбнулась только на эту грубость, чуть-чуть приподнявъ крашеныя брови, и промолвила по-французски ласково, но не безъ насмѣшки:

— Вы въ очень плохомъ настроенiи, мой другъ. Но пройдемте ко мнѣ, тамъ мы поговоримъ, и, я надѣюсь, вы успокоитесь, бѣдный мой мальчикъ.

Она повелительно взяла подъ руку князя Матвѣя и они молча прошли по ряду гостиныхъ и угрюмому двухсвѣтному залу на княгинину половину, гдѣ комнаты были меньше, обставленныя причудливой мягкой мебелью, гдѣ топились печки и зеленый попугай въ золоченой клѣткѣ, картавя, кричалъ:

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй!

Анна Семеновна усадила князя Матвѣя на низкую, обитую зеленымъ атласомъ съ разводами оттоманку, сѣла сама рядомъ съ нимъ и, задержавъ ручку на рукавѣ его мундира, спросила уже гораздо болѣе искреннимъ и заботливымъ голосомъ:

— Что случилось съ вами? Опять проказы, шалости? Не бойтесь искренности со мной. Вы знаете, я всегда готова помочь вамъ, и не упреки услышите вы отъ меня, а слова, продиктованныя преданной нѣжностью.

Она томно взглянула на князя, помолчала минуту и со словами:

— Ахъ, ты не знаешь, не хочешь знать, что ты для меня, — ловкимъ, кошачьимъ движенiемъ обняла его за шею, нагнула голову и жадно стала цѣловать.

Князь угрюмо отстранилъ ее и всталъ.

— Не надо! — почти крикнулъ онъ грубо.

— Вотъ какъ! — притворно засмѣялась Анна Семеновна и тоже встала, бѣгло взглянула въ зеркало, поправила прическу и съ холоднымъ пренебреженiемъ промолвила:

— Князь просилъ меня передать вамъ тысячу. Можете получить.

— Какъ, тысячу! — воскликнулъ, съ вдругъ прорвавшимся бѣшенствомъ, князь Матвѣй. — Какъ тысячу, когда я долженъ уплатить сегодня одиннадцать!

— Я не знаю вашихъ расчетовъ, дорогой племянникъ, — язвительно, любуясь его бѣшенствомъ, отвѣтила Анна Семеновна.

Узкiе калмыцкiе глаза князя Матвѣя Поварина стали круглыми. Онъ рѣзко повернулся и прошелся по комнатѣ, уронивъ на ходу маленькое креслецо.

Княгиня не выдержала; протянувъ руки къ нему, она заговорила горячо:

— Какъ ты меня мучаешь. Столько оскорбленiй, — за что? За то ли, что люблю тебя безразсудно, ставя на карту честь свою, положенiе, репутацiю...

— Очень мнѣ нужно! — закричалъ князь Матвѣй: — Ты мерзѣе мнѣ послѣдней трактирной дѣвки. И нѣтъ такихъ денегъ, которыя заставили бы меня еще хоть одинъ разъ...

— Тише, князь, — прервала его Анна Семеновна, поблѣднѣвъ до синевы, чего не могли скрыть и румяна. — Помните, что вы въ моей власти. Только открыть мнѣ этотъ ящичекъ и вынуть ваши бумажки, и завтра же князя Поварина не существуетъ!

При этихъ ея словахъ ярость князя Матвѣя дошла до послѣдняго предѣла.

— Молчи! — крикнулъ онъ и прибавилъ словечко, врядъ-ли когда-либо произноси-

мое въ этихъ надушенныхъ сладкой вербеной комнатахъ. — Молчи! — и, сдѣлавъ шагъ въ ея сторону, онъ грубо толкнулъ княгиню въ нѣжное, на половину кокетливо обнаженное, плечико.
Княгиня ахнула болѣе отъ неожиданности, чѣмъ отъ боли, и повалилась на оттоманку.
Впрочемъ, почти сейчасъ же она пришла въ себя, и, когда князь Матвѣй крупными шагами удалялся, успѣла крикнуть какимъ-то не своимъ голосомъ:
— Если черезъ три дня...
Дальше князь Матвѣй не разслышалъ, хорошо однако понявъ значеніе словъ ея. Только попавъ на улицу, подъ пронизывающій холодный дождь, пришелъ въ себя князь Матвѣй.
Закутавшись плотнѣе въ плащъ, онъ зашагалъ по Невскому, не разбирая лужъ и грязи.

II

Въ задней комнатѣ ресторацiи Френделя нѣсколько офицеровъ, поснимавъ мундиры, играли на билліардѣ.
Весело щелкали шары. Задорнымъ голосомъ выкрикивалъ счетъ молодцоватый маркеръ. На сосѣднемъ столикѣ синій огонь лизалъ края пуншевой чаши. Наблюдающіе за игрой курили трубки и громко спорили о достоинствахъ удара.
Не обращая вниманія на весь этотъ шумъ, молоденькій поручикъ Неводовъ, бѣлокурый, съ розовыми щеками и едва пробивающимися усиками, сидя на подоконникѣ спиной къ свѣту, внимательно читалъ книгу, держа ее почти у самыхъ глазъ. Изрѣдка онъ досадливо морщился, когда разговоръ игроковъ становился слишкомъ шуменъ, оглядывалъ ихъ недовольнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, перелистывалъ страницу и опять погружался въ чтеніе.
— Ну, и погода чертовская, — ворчалъ князь Матвѣй, входя въ комнату и сбрасывая на руки лакея промокшій плащъ.
— А, Поваринъ! Что ты вчера натворилъ? Весь городъ говоритъ! — послышались восклицанія, и на минуту игра прекратилась, такъ какъ всѣ съ любопытствомъ окружили князя Матвѣя, разспрашивая и тормоша его.
— Глупости! — угрюмо промолвилъ Поваринъ, — охота вамъ, какъ бабамъ, языки трепать. Глупая сплетня, ничего болѣе. Выпить бы лучше дали, чтобъ согрѣться.
— Оставьте князеньку. Не выспался онъ, букой смотритъ, — засмѣялся красивый гвардеецъ Сашка Пухтояровъ и пригласилъ игроковъ къ билліарду.
Мало по малу всѣ оставили князя Матвѣя, и со стаканомъ горячаго пунша онъ мрачно усѣлся въ сторонѣ.
Неводовъ, оторвавшись отъ своей книги, увидѣлъ Поварина и, соскочивъ съ подоконника, подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, князь, — робко покраснѣвъ, произнесъ онъ и сталъ почти въ упоръ разглядывать Поварина своими близорукими, пристальными глазами.
Юному застѣнчивому поручику казался князь Матвѣй мрачнымъ и таинственнымъ героемъ излюбленныхъ его романтическихъ поэмъ въ духѣ Лорда Байрона. Поймавъ на себѣ удивленный, почти восхищенный, взглядъ поручика, Поваринъ криво усмѣхнулся своей тяжелой, похожей на гримасу, улыбкой и указалъ Неводову сѣсть рядомъ.
— А вы все за книгами, мой молодой другъ, — произнесъ онъ съ покровительственной насмѣшливостью. — Что изволите изучать нынѣ?
Сдѣлавшись совсѣмъ алымъ отъ радостнаго смущенія, Неводовъ молча показалъ заглавный листъ запрещеннаго строгостями цензуры въ Россіи томика Шиллера на нѣмецкомъ языкѣ.
Разсѣянно перелиставъ книгу, князь Матвѣй вернулъ ее съ видомъ разочарованнымъ.
— Много сочинители пишутъ, да толку мало. Отъ писанія ихъ никому лучше не станется, — промолвилъ онъ тономъ знатока.
Волнуясь и запинаясь, заговорилъ Неводовъ:
— Не совсѣмъ могу согласиться съ вами, князь. Многія любопытныя мысли не пришли бы намъ въ голову безъ чтенія, а мысли переходятъ въ дѣйствіе, такимъ образомъ, врядъ-ли нельзя не признавать вліянія литературы на жизненные поступки наши.
— Какія же мысли вычитали вы у этого нѣмца? — усмѣхаясь, спросилъ Поваринъ.
— Занимаетъ меня, къ примѣру сказать, сегодня, — заговорилъ Неводовъ горячо, — дозволено ли злодѣйство? И когда является оно героическимъ подвигомъ, когда безчестіемъ? Гдѣ здѣсь поставить границы? Есть ли воля человѣческая и желаніе — достаточное оправданіе поступковъ?
Онъ остановился, какъ бы ожидая отвѣта, но Поваринъ только проворчалъ:
— Да вы большой философъ, до чего я не слишкомъ большой охотникъ.
Князя Матвѣя больше не забавляло восхищеніе юнаго поручика, чѣмъ-то раздражалъ онъ его — и румянымъ своимъ, дѣтскимъ почти, лицомъ, и восторженной рѣчью, и чистенькимъ, аккуратненькимъ мундиромъ. Хотѣлось князю Матвѣю оборвать разболтавшагося мальчишку, и онъ мрачно прихлебывалъ пуншъ.
Неводовъ смутился его видомъ, сконфуженно пробормоталъ что-то о погодѣ и наводненіи, и, отойдя къ своему подоконнику, опять принялся за книгу.
— Побѣсить-бы мальчишку, исполосовать ему рожу. Вишь, ровно херувимъ сидитъ, — тяжело думалъ князь Матвѣй, осушая не то третій, не то четвертый стаканъ, и уже буйно хмѣлѣя. Безпричинная злоба поднималась въ немъ, злоба, понуждавшая его къ столькимъ безсмысленнымъ, безобразнымъ скандаламъ.
Но въ ту минуту, какъ намѣревался онъ уже встать и подойти къ Неводову, придумывая предлогъ для ссоры, въ комнату быстро вбѣжалъ офицеръ.

Вода лилась ручьями съ плаща и шляпы его; еще въ дверяхъ громко закричалъ онъ:

— Братики, театральное тонетъ. Ѣдемте спасать. Можетъ, кому что и достанется!

При этихъ словахъ первымъ вскочилъ Неводовъ и безпокойно сталъ разыскивать фуражку и шинель.

Игроки побросали игру и стали разспрашивать о случившемся. Нѣсколько человѣкъ приняло предложеніе ѣхать спасать театральное училище.

Весело начали одѣваться.

Неводовъ выскочилъ первымъ.

— Экъ его, будто муха укусила, когда о дѣвченкахъ услышалъ, — громко засмѣялся Поваринъ и, выпивъ послѣдній стаканъ, обжегшій горло, тоже сталъ собираться.

Холодный дождь шелъ, не давая надежды на скорое прекращеніе. Вѣтеръ съ моря рвалъ шляпы. Огромныя лужи посерединѣ Невскаго грозили въ скоромъ времени превратиться въ бурный потокъ.

Громко разговаривая, шлепали офицеры по колѣно въ водѣ.

Поваринъ съ тайнымъ злорадствомъ наблюдалъ за тревожнымъ волненіемъ Неводова.

— Нагадить бы ему хорошенько, чтобы помнилъ, дозволено ли злодѣйство. Тоже, филозофъ! — съ упрямой злобой думалъ князь Матвѣй.

Мойка вышла изъ береговъ. Фельдъ-егерь съ большой казенной сумкой плылъ на шестивесельной лодкѣ по направленію къ Зимнему дворцу.

Не малаго труда стоило нашимъ путникамъ раздобыть свободнаго лодочника. Наконецъ, шаля и смѣясь, они усѣлись, и угрюмый чухонецъ, не вынимая изо рта давно потухшую подъ дождемъ трубку, лѣниво загребъ къ Офицерской улицѣ. Во многихъ мѣстахъ вода достигала уже второго этажа, въ окнахъ мелькали испуганныя лица, по водѣ плавали принадлежности обихода; изъ крѣпости все чаще и чаще доносился тревожный гулъ пушекъ.

Проѣхавъ по Вознесенскому, офицеры свернули на Офицерскую, и черезъ открытыя настежъ ворота попали на обширный дворъ Театральнаго училища.

На половину дворъ былъ заваленъ дровами, которыя плавали на поверхности воды и мѣшали пробраться къ небольшой стеклянной галдарейкѣ, гдѣ прибытіе офицеровъ уже было замѣчено. Офицеры старались растолкать дрова руками, но все же скоро лодка остановилась, и чухонецъ, флегматично сложивъ весла, объявилъ: ‚нѣтъ'.

Съ галдарейки глядѣло, прижавшись къ мутнымъ стекламъ, нѣсколько воспитанницъ, пользуясь смятеніемъ начальства.

— Вотъ Танюша, а это, кажется, Лизанька Бобикъ, — вглядываясь въ окна, называлъ Сашка Пухтояровъ.

— Да, это Лизанька,— промолвилъ вдругъ всю дорогу молчавшій Неводовъ и страшно смутился.

Всѣ со смѣхомъ обернулись къ нему.

— Ай-да, Неводовъ! Съ самой хорошенькой изъ всего училища шуры-муры завелъ, а еще тихоня! — смѣялись товарищи.

Неводовъ чуть не плакалъ.

Въ эту минуту распахнулось одно окно, и раздался звонкій, почти плачущій голосъ:

— Господи, котеночекъ-то утопнетъ!

— Это Бобикъ! Ай-эта дѣвченка — пальчики оближешь! — толковали въ лодкѣ, разглядывая Лизаньку Бобикову.

Князю Матвѣю даже въ голову ударило, такой нѣжненькой показалась она ему въ рамѣ окна, съ золотистыми, немного сбившимися волосами, большими темными глазами, тонкимъ, будто вырѣзаннымъ, профилемъ, стройная и хрупкая, жалобно протягивающая руки къ рыжему котенку, вцѣпившемуся въ полѣно и, дѣйствительно, каждую минуту близкому къ гибели.

Неводовъ сдѣлалъ порывистое движеніе къ ней, но Поваринъ силой усадилъ его на мѣсто.

— Куда тебѣ, мальчишка! — крикнулъ онъ и, едва не перевернувъ лодку, выскочилъ на колеблемыя отъ его шаговъ дрова.

— Потонешь, сумасшедшій! — кричали съ лодки.

Обрываясь и ловко карабкаясь, перепрыгивалъ Поваринъ по шаткому плоту. Въ секунду добрался онъ до котенка, отъ ужаса обезумѣвшаго и уже потерявшаго голосъ. Не безъ труда оторвалъ князь Матвѣй ощетинившагося котенка отъ бревна, самъ каждую минуту подвергаясь опасности провалиться, и быстро побѣжалъ къ галдарейкѣ.

Ухватившись рукой за окно, Поваринъ подалъ, какъ трофей побѣдный, рыженькаго котенка Лизанькѣ.

Та прижала его со слезами къ лицу и нѣсколько минутъ не находила словъ благодарности, потомъ, будто опомнившись, она нагнулась къ Поварину и, покраснѣвъ, произнесла:

— Я вамъ такъ благодарна! — и прибавила быстрымъ шопотомъ: — я вижу вы благородный человѣкъ. Ради Бога, окажите мнѣ еще одну услугу и передайте эту записку. Молю васъ, никому ни слова!

И она ловко сунула за обшлагъ его рукава маленькій розовый конвертикъ.

Ошеломленный нѣжной ея красотой, князь Матвѣй не нашелъ словъ. Онъ прошепталъ:

— Клянусь! — и, задержавъ ручку, запихивающую записку, поцѣловалъ тоненькіе, со слѣдами чернилъ, дрожащіе пальчики.

Въ нѣсколько прыжковъ добрался Поваринъ обратно въ лодку.

— Да ты въ крови! — воскликнулъ Пухтояровъ.
Дѣйствительно, вся рука князя Матвѣя была въ царапинахъ.
— Это котенокъ. Чуть было не потопъ онъ, — блаженно улыбаясь, говорилъ Поваринъ, обвязывая пораненную руку платкомъ.
— Вотъ чудной! А дѣвченка чертовски хороша, — смѣялись товарищи.
Въ окнѣ, вмѣсто Лизаньки, торчала лысая голова нѣмца инспектора, извѣстнаго подъ кличкой ‚барабанъ'.
Онъ стучалъ палкой и готовъ былъ вывалиться изъ окна отъ ярости.
— Я буду писать жалоба господину его превосходительству полицеймейстеру на такіе безобразные поступки, — кричалъ онъ.
— Барабанъ, барабанъ, барабанъ! — веселымъ хоромъ отвѣчали ему съ отплывающей лодки.
А за спиной инспектора, откуда-то издалека, Лизанька, прижимая къ щекѣ желтаго котенка, улыбалась и дѣлала ручкой.
Поваринъ быстро обернулся на сидѣвшаго сзади Неводова. Тотъ сіялъ и отвѣчалъ на знаки, очевидно, назначенные ему.
— Вотъ какъ! Это мы еще посмотримъ! — подумалъ князь Матвѣй, прищурившись разглядывая смутившагося подъ его взоромъ Неводова.

III

Пріѣхавъ домой, князь Матвѣй скинулъ промокшее насквозь платье и, надѣвъ бархатныя туфли и персидскій халатъ, велѣлъ денщику принести обѣдъ изъ сосѣдняго трактира и вина.
Пообѣдавъ въ сумеркахъ, онъ долго лежалъ на диванѣ, какъ бы обдумывая что-то, потомъ рѣшительно вскочилъ, зажегъ свѣчи и, внимательно осмотрѣвъ маленькій розовый конвертъ съ тщательно выведенной надписью — ‚Якову Степановичу Неводову, Его Благородію поручику', тонкимъ ножемъ осторожно подрѣзалъ печать съ голубкомъ.
На тоненькомъ листочкѣ неувѣренными, кривыми буквами было написано:
— ‚Ненаглядный Яшенька мой! Извѣщаю Васъ, что рѣшеніе, принятое мною, держу твердо, и ежели въ первый же разъ, когда будетъ итти ‚Калифъ Багдадскій', Вы передъ послѣднимъ актомъ подъѣдете къ нашему подъѣзду въ каретѣ съ зелеными шторами (дабы я не ошиблась), то легко можно будетъ мнѣ незамѣтно выбѣжать изъ театра и по уговору нашему исполнить. Цѣлую золотого, ненагляднаго Яшеньку моего. Любящая по гробъ жизни, Ваша Lise'.
Перечитавъ эту записку нѣсколько разъ, князь Матвѣй зашагалъ по комнатѣ. Онъ хмурился, усмѣхался, останавливался у стола, прочитывалъ записку снова, выпивалъ залпомъ стаканъ вина и опять быстро кружилъ по комнатѣ, размахивая руками, а иногда даже самъ съ собою разговаривая.

Если бъ кто-нибудь украдкой заглянулъ въ эту минуту въ окно небольшого, убраннаго въ восточномъ вкусѣ кабинета Поварина, страшнымъ бы показалось ему лицо князя.

— Нѣтъ, не бывать тому. Я ему покажу, мальчишкѣ. Я его угощу!—бормоталъ Поваринъ, угрожающе сжимая кулаки и до боли закусывая губы въ безполезной ярости.

Долго метался такъ по своей комнатѣ князь Матвѣй, не приходя еще ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Когда часы пробили восемь, онъ перечелъ еще разъ записку, тщательно припряталъ ее въ затѣйливый ларчикъ слоновой кости съ инкрустаціями и тайнымъ замкомъ (подарокъ княгини Анны Семеновны) и, крикнувъ деньщика, пошелъ одѣваться.

Сидя передъ зеркаломъ, онъ внимательно разглядывалъ свое лицо. Нельзя было бы назвать князя Матвѣя красавцемъ, съ его узкими, чуть-чуть раскосыми глазами, выдвинутыми скулами, толстыми губами, изъ-подъ которыхъ сверкали, какъ хищные клыки, бѣлые зубы. Но было въ его смугломъ цвѣтѣ лица, въ блестящихъ черныхъ волосахъ, въ самихъ неправильностяхъ чертъ что-то привлекательное, такъ что недаромъ городская молва называла его героемъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ любовныхъ приключеній.

Оставшись видимо доволенъ собой, Поваринъ воскликнулъ:

— Не мытьемъ, такъ катаньемъ,—и сдѣлалъ такое рѣшительное движеніе рукой, что деньщикъ, натягивавшій ботфорту, испуганно шарахнулся въ сторону.

Въ этотъ вечеръ собирались у Сашки Пухтоярова, но на улицѣ досадливо вспомнилъ князь Матвѣй объ утренней сценѣ съ теткой и рѣшилъ зайти къ Карапеткѣ посовѣтоваться о возможныхъ послѣдствіяхъ, если княгиня приведетъ въ исполненіе свои угрозы.

Дождь пересталъ, но въ темнотѣ едва можно было пробраться въ иныхъ мѣстахъ черезъ лужи и грязь. Фонари не горѣли, извозчиковъ не было.

Чертыхаясь, плелся Поваринъ по Литейному, гдѣ въ одномъ изъ переулковъ проживалъ извѣстный всему Петербургу Карапетъ—предсказатель будущаго, безжалостный процентщикъ, поставщикъ мыла и восточныхъ куреній, при случаѣ—ловкій сводникъ, и имѣющій еще много другихъ, темныхъ, но прибыльныхъ, профессій.

Въ домишкѣ Карапета крѣпко-накрѣпко заперты были и двери, и ставни на окнахъ. Долгаго труда стоило Поварину достучаться. Наконецъ, за дверью закашляла старуха-стряпуха.

— Открывай же, черти, это я, князь Поваринъ!—кричалъ Поваринъ.

Еще помедливъ нѣсколько, видимо, сходивъ сказать Карапету о посѣтителѣ, старуха открыла дверь и, ворча, провела князя по темному коридору въ кухню.

Круглый фитиль плавалъ въ большой чашкѣ съ масломъ, шипя и коптя, едва освѣщая просторную кухню съ лежанкой и большой печкой. Карапетъ, тучный,

въ красной ермолкѣ и засаленномъ халатѣ, сидѣлъ у стола и, беря пальцами изъ блюда какую-то снѣдь, ѣлъ, жадно чавкая и вытирая пальцы о длинную крашеную бороду.

Увидя князя, онъ весело подмигнулъ ему.

— А, князь! Хорошъ князь! Весь день ждалъ тебя, зналъ, что придешь. Плохи дѣла. Ой-ай, какъ плохи! — Карапетъ чмокалъ сожалительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весело подмигивалъ однимъ глазомъ, какъ бы насмѣхаясь.

— Ужели тетка ужъ снюхалась съ нимъ, — гнѣвно подумалъ Поваринъ и закричалъ, наступая на Карапета.

— Ты чего каркаешь, собачій сынъ? Я вотъ тебя стукну по башкѣ, будутъ плохи дѣла!

На громкій голосъ князя изъ темнаго угла съ лавки поднялся рослый, рѣдкой красоты юноша въ бѣломъ чекменѣ, весь съ ногъ до головы увѣшанный кинжалами, пистолетами и какимъ-то другимъ мелкимъ оружіемъ.

— Ишь, завелъ себѣ какого, пакостникъ старый! — пробормоталъ князь Матвѣй, невольно отступая передъ грознымъ видомъ дюжаго оруженосца.

Карапетъ же пришелъ въ большую радость.

— Хорошъ Абдулка! Хорошъ! Красивый-то какой, посмотри! — восклицалъ онъ, чмокая отъ удовольствія. — А ты, князь, не сердись. Кушай шептала, изюмъ кушай, Абдулка пѣсни споетъ и спляшетъ, а сердиться не надо!

— Пошелъ ты къ чорту со своей шепталой, — раздраженно, садясь на лавку, сказалъ Поваринъ: — а этому чумазому вели выйти, мнѣ нужно тайно поговорить съ тобой!

— Абдулка русскій не понимаетъ, ни одно словечко не понимаетъ. Вчера и пріѣхалъ только. Абдулъ спать будетъ, а мѣшать намъ не будетъ, — съ хитрой улыбочкой промолвилъ Карапетъ и, потрепавъ нѣжно по щекѣ Абдулку, сунулъ ему въ ротъ цѣлую горсть сладостей и залопоталъ что-то на своемъ басурманскомъ языкѣ. Тотъ пронзительно засмѣялся, блеснувъ зубами, и ушелъ опять въ свой уголъ.

— Ну, что же разскажешь, князь милый? — началъ Карапетъ.

— Да ты тетку-то видѣлъ сегодня? — нетерпѣливо перебилъ его Поваринъ.

— Мыло, духи, изюмъ, шелковый шаль носилъ княгинѣ. Хорошая покупательница, не торгуется и деньги платитъ. Кофеемъ угощаетъ; на картахъ ей гадалъ — всю правду сказалъ. Красавица она тароватая, — напѣвнымъ голосомъ разсказывалъ Карапетъ.

— А про меня разговоръ былъ? — скрывая раздраженіе при мысли о спящемъ въ углу Абдулкѣ, опять перебилъ Поваринъ.

— А про тебя, какой же разговоръ про тебя! ‚Денегъ, говоритъ, ему не давай, — все равно, я платить не буду', вотъ и весь разговоръ.

— Чертовка старая, — бурчалъ князь Матвѣй.

— А еще, — продолжалъ Карапетъ: — пакетъ мнѣ дала. Своей ручкой запечатала, и сказала: ‚Сдѣлай мнѣ, Карапетъ, одолженіе, возьми этотъ пакетъ и храни. Если за

нимъ пришлю — назадъ мнѣ принесешь, если же скажу — распечатай! — возьми изъ него бумаги и пойди въ судъ, требуй платежа. Хоть денегъ не получишь, а одного человѣка упечемъ. Я тебя вознагражу‘.

— Да вѣдь это мои бумаги. Подай ихъ! Вѣдь ты продалъ меня, чортъ поганый, подай! — не сдержавшись, заоралъ Поваринъ такъ громко, что Абдулъ въ углу зашевелился.

— Какъ можно, князь, отдать. Ой-ай! — спокойно и даже издѣваясь какъ-то отвѣчалъ Карапетъ. — Какъ можно! Я тебѣ по дружбѣ разсказалъ, а княгинѣ я вѣрный рабъ, и нѣтъ такихъ денегъ, чтобы милость ея Карапетка промѣнялъ. Видишь, какой ты сердитый, а я тебя любилъ и сказалъ — плохо, князь, дѣло, плохо! Помирись съ тетенькой, а то плохо, ой-ай, какъ плохо будетъ!

— Такъ не отдашь, морда проклятая? Не отдашь? — привставъ, хрипѣлъ Поваринъ и, раньше чѣмъ Абдулка успѣлъ подскочить, схватилъ чашку съ фитилемъ и запустилъ ее въ голову Карапета. Масло, шипя, разлилось по комнатѣ.

Карапетъ ловко залѣзъ подъ столъ и визжалъ оттуда, какъ свинья:

— Держи его, Абдулъ, вяжи его, убилъ меня! Хватай его на мою голову!

Не успѣлъ еще князь опомниться, какъ оказался уже въ цѣпкихъ объятьяхъ Абдула, который на достаточно чистомъ русскомъ языкѣ сказалъ:

— Не хорошо драться, князь, да и не совладать со мной.

— Пусти, не то убью! — отбивался Поваринъ, безсильный въ его рукахъ, какъ ребенокъ.

Старуха внесла свѣчу. Карапетъ лѣзъ изъ подъ стола, путаясь въ халатѣ, и хныкалъ:

— Разбойникъ, а не князь, надо бы его въ кварталъ доставить, да, все равно, скоро заберутъ. Выведи его, Абдулка, на свѣжій воздухъ, авось, опомнится.

Абдулка ловко подхватилъ князя, выволокъ его въ сѣни и потомъ на крыльцо и, вытолкнувъ на улицу, заперъ двери за нимъ.

Въ ярости долго ломился Поваринъ въ крѣпкія дубовыя двери Карапетова дома.

— А, значитъ, правда плохо, если Карапетъ посмѣлъ такъ говорить. Я ему, мерзавцу... — подумалъ князь Матвѣй и, постоявъ въ тяжеломъ раздумьѣ посереди улицы въ огромной лужѣ по колѣно, кликнулъ дребезжащаго по мостовой Ваньку и велѣлъ везти себя къ Пухтоярову.

IV

— Что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ! — спрашивалъ заботливо Сашка Пухтояровъ, встрѣчая князя. — И видъ растерзанный: подрался съ кѣмъ, или авантюра была?

— Оставь, сдѣлай милость! — досадливо прервалъ вопросы Поваринъ.

— Да вѣдь я изъ участія, какъ товарищъ, — оправдывался Сашка, обнимая Поварина за талію. — Сердитый ты послѣдніе дни сталъ, голубчикъ, а я тебя вотъ какъ люблю!

— Шубы изъ вашей любви не сошьешь. Мнѣ въ пору пулю въ лобъ, а ты съ разспросами и участіемъ... Дай-ка выпить! — морщась, промолвилъ князь Матвѣй.

— Пойдемъ, пойдемъ, наши всѣ собрались. Тебя только ждали. Тугушевъ забаву новую придумалъ, картины изъ дворовыхъ дѣвокъ показывать будетъ. Цѣлый возъ ихъ навезъ. — И Пухтояровъ повелъ гостя въ гостиную, откуда доносился гнусавый голосъ Тугушева и взрывы веселаго смѣха.

Довольно большая комната была раздѣлена на двѣ половины пестрой занавѣсью. Мебели почти не было, и человѣкъ двадцать гостей расположилось на низкихъ табуретахъ и мягкихъ коврахъ, которыми былъ покрытъ полъ.

Постоявъ въ дверяхъ, князь Матвѣй замѣтилъ въ углу одиноко сидящаго Неводова и, не здороваясь ни съ кѣмъ, прямо подошелъ къ нему.

— Весьма радъ опять встрѣтиться съ вами! — съ любезностью промолвилъ князь смутившемуся почему-то поручику. — Позволите сѣсть?

Опустившись на коверъ, онъ взялъ у подбѣжавшаго лакея стаканъ съ виномъ и, усмѣхаясь, смотрѣлъ на Неводова.

— Начинаемъ. Прошу вниманія! — суетливо закричалъ въ эту минуту Пухтояровъ и захлопалъ въ ладоши.

Занавѣсъ раздвинулся.

У небольшого деревца стояли мальчикъ, обстриженный въ скобку, съ пунцовымъ отъ смущенія лицомъ, и толстая, грудастая дѣвка, нагло усмѣхающаяся. Оба они были обнажены до крайности.

— Адамъ и Ева у древа познанія, — гнусаво объяснялъ Тугушевъ подъ одобрительный смѣхъ зрителей.

За сей слѣдовали картины ужъ содержанія вовсе непристойнаго, отъ описанія которыхъ сочинитель воздерживается.

— А Лизанька хороша. Вотъ бы ее такъ посмотрѣть, — нагибаясь къ Неводову, шепнулъ Поваринъ.

— Что вы говорите сударь! — воскликнулъ тотъ чуть не со слезами въ голосѣ, и, вставъ, быстро оставилъ князя Матвѣя.

— Я тебя еще допеку, — думалъ Поваринъ, хмѣлѣя не столько отъ вина, сколько отъ злобы и распалявшихъ его мыслей о Лизѣ.

Было много уже показано картинъ на библейскіе и античные сюжеты; было много выпито вина; разговоръ становился все оживленнѣе; лица покраснѣли. Полуголыя дѣвки ужъ плясали въ залѣ и потомъ пищали на колѣняхъ гостей.

Неводовъ, впервые попавшій въ подобную компанію, былъ какъ въ чаду. Болѣла голова отъ излишне выпитаго вина, смущалъ пристальный взглядъ князя Матвѣя, изъ своего угла неустанно наблюдавшаго за нимъ; слова его о Лизанькѣ непонятнымъ стыдомъ наполняли. Нѣсколько разъ порывался Неводовъ уйти, но что-то удерживало его.

— А не метнуть-ли банчокъ намъ? — предложилъ Пухтояровъ.

Нѣсколько человѣкъ съ одушевленіемъ приняло его предложеніе, и около быстро принесеннаго стола образовался кружокъ. Неводовъ, чтобы не видѣть возни съ дѣвками, все болѣе и болѣе нескромный видъ принимавшей, и скрыться отъ преслѣдующаго взгляда князя Матвѣя, тоже подошелъ къ игрокамъ.

— Ты что же, князь? — спросилъ Поварина Сашка: — если дѣвочки тебя не занимаютъ, попыталъ бы счастье?

Поваринъ вытащилъ послѣднюю смятую сторублевку и, подойдя къ столу, небрежно бросилъ ее подъ карту. Черезъ минуту она взяла.

Съ тѣмъ же небрежнымъ видомъ Поваринъ удвоилъ ставку, — и выигралъ снова. Такъ, удваивая каждый разъ, онъ въ нѣсколько минутъ выигралъ цѣлую пачку ассигнацій.

— Сегодня самъ чортъ съ нимъ! — досадливо бросая карты, промолвилъ банкометъ. Нѣсколько человѣкъ попробовали было играть противъ Поварина, но счастье упорно не покидало его.

— Тысячъ пятнадцать, поди, наигралъ! — завистливо сказалъ кто-то.

Князь Матвѣй тупымъ взглядомъ обвелъ игроковъ и вдругъ замѣтилъ Неводова, слѣдившаго за странной игрой съ искреннимъ волненіемъ. Цѣлый планъ мгновенно явился въ отуманенной головѣ Поварина при видѣ счастливаго соперника; глаза его заблестѣли.

Стараясь не выдать волненія, сказалъ онъ:

— Господинъ Неводовъ, не хотите ли попытать счастье? А кондиціи мои таковы: я ставлю весь выигрышъ мой, а вы ставкой своей даете мнѣ одинъ день вашей жизни. Въ этотъ день обязаны вы вполнѣ подчиниться моей волѣ, но съ оговоркой, что ничего безчестнаго исполнить я васъ не заставлю. Въ этомъ будутъ свидѣтелями всѣ присутствующіе, и притомъ достаточно будетъ одного вашего слова, что требованіе мое противорѣчитъ чести, какъ условіе наше будетъ считаться расторженнымъ. Согласны?

Усмѣхаясь, пристально смотрѣлъ онъ въ глаза поручика; тотъ поблѣднѣлъ, чувствовалъ, что въ словахъ князя заключается какая-то западня, и не находилъ словъ отклонить вызовъ.

— Соглашайтесь! — подталкивали его игроки, заинтересованные неслыханной ставкой.

— Только одинъ день и пятнадцать тысячъ. Другой такой случай едва ли представится, — промолвилъ князь Матвѣй.

Не помня себя, протянулъ Неводовъ дрожащую руку и взялъ карту.

Князь Матвѣй металъ. Всѣ затихли кругомъ.

— Бита! — сказалъ, наконецъ, кто-то, и всѣ горячо заговорили.

Неводовъ уже не слышалъ и не понималъ ничего. Возвысивъ голосъ, сказалъ Поваринъ:

— Требованіе же мое отъ господина Неводова заключается лишь въ томъ, чтобы въ назначенный мною день явился онъ утромъ ко мнѣ на квартиру и пробылъ въ

полномъ одиночествѣ до ночи. Вотъ и все. Вѣдь вы, господинъ Неводовъ, не найдете такое требованіе чрезмѣрнымъ или безчестящимъ васъ? — и онъ ласково пожалъ руку поручика. Въ комнатѣ синій стоялъ туманъ отъ дыма трубокъ; дѣвки визгливо орали срамную пѣсню; въ окна сквозь шторы тусклый, холодный пробивался разсвѣтъ.

Неводовъ пилъ, когда ему предлагали, отвѣчалъ на вопросы, смотрѣлъ на безстыжіе танцы дѣвокъ, — но было все для него, какъ въ тяжеломъ туманѣ.

Только выйдя, наконецъ, на улицу, вспомнилъ онъ о странномъ проигрышѣ.

Ужасное безпокойство охватило его.

— Что ему нужно, проклятому? Что ему нужно! — безпомощно ломая руки, бормоталъ онъ.

Проходя по Невскому, вдругъ увидѣлъ Неводовъ на дверяхъ знакомаго трактира вывѣску гробовщика. Остановившись, замѣтилъ онъ, что вся знакомая улица пришла въ страшный безпорядокъ: свиное рыло колбасника переѣхало къ модному магазину. Ужасъ охватилъ Неводова, и, сначала ускоривъ только шагъ, скоро бѣжалъ онъ со всѣхъ ногъ, и казалось ему, что кто-то гонится за нимъ съ громкимъ смѣхомъ, догоняетъ, и не кто это иной, какъ князь Матвѣй, требующій страшную свою ставку.

Будочникъ у Аничкова моста остановилъ офицера и, видя его безпомощное состояніе, усадилъ въ пролетку и повезъ домой.

V

Весь городъ говорилъ о небываломъ кутежѣ у Сашки Пухтоярова, закончившемся скандальной дракой, о странномъ проигрышѣ поручика Неводова князю Матвѣю одного дня жизни, о продѣлкѣ нѣкіихъ безобразниковъ, перевѣсившихъ на Невскомъ всѣ вывѣски, чѣмъ не малое было вызвано недоумѣніе на другое утро. О послѣднемъ дошло даже до Государя, и онъ очень гнѣвался. Полиція тщетно разыскивала шалуновъ, взявъ на подозрѣніе всѣхъ гостей Пухтоярова.

Княгиня Анна Семеновна слышала о громкихъ подвигахъ племянника и, злясь, все еще не рѣшала привести свою угрозу въ исполненіе.

Неводовъ слегъ въ постель. Какъ тяжкій бредъ, преслѣдовало его воспоминаніе о страшномъ вечерѣ и пугающемъ проигрышѣ. Каждую минуту ожидалъ онъ посланнаго отъ князя Матвѣя съ приказомъ явиться и трепеталъ въ неясномъ предчувствіи чего-то ужаснаго.

Неизвѣстность относительно Лизаньки безпокоила его, но слабость и какой то темный страхъ не позволяли ему двинуться съ мѣста. Онъ лежалъ небритый, съ воспаленными глазами, прислушиваясь, не стукнетъ ли входная дверь, не придетъ ли страшный вѣстникъ невѣдомой бѣды.

Деньщикъ Мартьянычъ боязливо дѣлился съ сосѣдями сомнѣніемъ: ,въ своемъ ли умѣ баринъ? — больно ужъ чудной сталъ'.
Князь же Матвѣй усердно прокучивалъ выигранныя тысячи, три дня уже не возвращаясь домой.
Каждое утро подъѣзжалъ онъ къ театру спросить, что идетъ, и, узнавъ, что не ,Калифъ Багдадскій', опять возвращался къ прерванному кутежу. Наконецъ, на четвертый день швейцаръ объявилъ, что назначенъ на сегодня ,Калифъ'. Сразу какъ бы отрезвѣвъ, Поваринъ сурово распрощался съ сопровождавшими его собутыльниками и поѣхалъ домой.
Дома онъ тщательно умылся, выбрился, переодѣлся во все чистое и написалъ записку:
,Милостивый государь, Яковъ Степановичъ, не соблаговолите ли Вы по условію нашему исполнить и немедля явиться на мою квартиру. Свидѣтельствуя глубочайшее уваженіе, покорнымъ слугой остаюсь Вашимъ князь Матвѣй Поваринъ'.
Менѣе чѣмъ черезъ полчаса Неводовъ явился.
Видъ его былъ ужасенъ. Краска сошла съ лица поручика; щеки ввалились; глаза блестѣли лихорадочно, смятеніе и страхъ можно было прочесть въ нихъ.
— Вы плохо чувствуете себя, другъ мой, — привѣтствовалъ Поваринъ гостя, протягивая ему обѣ руки. — Жаль, что потревожилъ васъ сегодня. Впрочемъ, вамъ будетъ совершенно удобно у меня. Однако, кажется, вы все еще не вполнѣ увѣрены въ полномъ моемъ расположеніи и чего то опасаетесь, — со смѣшкомъ добавилъ князь.
Гость промямлилъ въ отвѣтъ что-то не вразумительное. Поваринъ провелъ его въ маленькую комнатку за спальней, служившую уборной и будуаромъ.
Въ ней стояла мягкая оттоманка, столъ, нѣсколько стульевъ.
— Видите, это совсѣмъ не похоже на темницу, — говорилъ Поваринъ съ любезной улыбкой, — надѣюсь вамъ будетъ въ скромномъ пріютѣ моемъ не очень плохо. Жаль, что вы не взяли съ собой книгъ — это не противорѣчило условію. Деньщикъ мой принесетъ вамъ обѣдъ. Вотъ здѣсь карты — отъ скуки можете разложить пасьянсъ, а лучше бы всего соснули; мѣшать вамъ никто не будетъ, такъ какъ я долженъ отлучиться.
Онъ вѣжливо откланялся и вышелъ.
Горькой обидой и неяснымъ страхомъ защемило сердце Неводова, когда услышалъ онъ, какъ прозвенѣлъ замокъ запираемой двери.
Поваринъ отдалъ деньщику приказъ принести днемъ обѣдъ заключенному въ комнатѣ поручику, къ вечеру приготовить закуску, вина и фруктовъ и позволилъ вечеромъ итти со двора. Смышленный деньщикъ сразу понялъ, что придется ему на эту ночь переселиться къ кумѣ — просвирнѣ у Покрова.
Затѣмъ князь Матвѣй торопливо одѣлся и вышелъ изъ дому. Товарищи и знакомые вспоминали потомъ, что видѣли князя, кто у Френделя, кто ѣдущимъ по Морской, но въ точности неизвѣстно, какъ провелъ этотъ день князь Матвѣй;

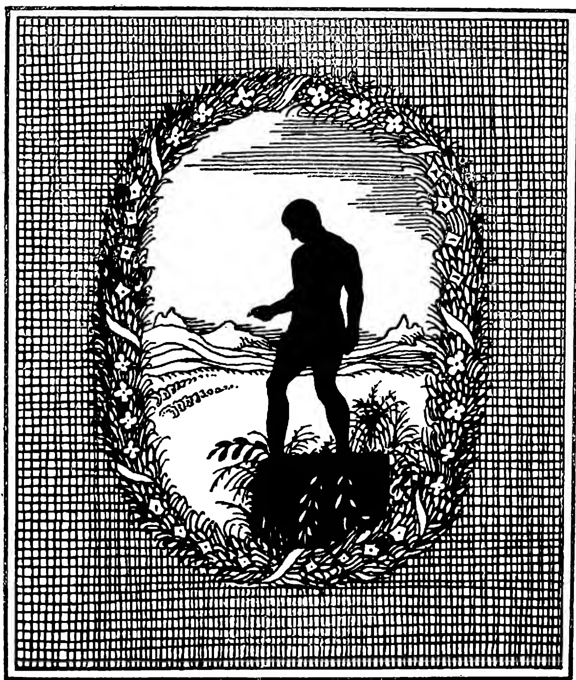
разсказывают, что имѣлъ онъ видъ человѣка торопящагося по важнымъ дѣламъ, пьянъ не былъ и ни съ кѣмъ, противъ обыкновенія, ссоръ не заводилъ.
Во время второго антракта всѣ завсегдатаи театральные отмѣтили князя Поварина въ третьемъ ряду креселъ.
Замѣтила его и княгиня Анна Семеновна и тотчасъ же приказала своей приживалкѣ и наперсницѣ Варварѣ Максимовнѣ ни за что не прозѣвать князя Матвѣя, когда тотъ выйдетъ въ коридоръ, гдѣ толкались всѣ модники и франтихи.
Варвара Максимовна ловко перехватила Поварина при самомъ выходѣ его изъ зала.
— Княгиня просила по неотложной важности дѣлу зайти къ ней въ ложу, — заговорила Варвара Максимовна, крѣпко держа князя за рукавъ, какъ-бы желая удержать его силой, если онъ вздумаетъ вырываться, но къ удивленію ея Поваринъ не возразилъ ни слова и покорно пошелъ за своей похитительницей.
Очаровательной улыбкой встрѣтила княгиня Анна Семеновна входящаго въ ложу племянника. Варвара Максимовна поспѣшила скрыться.
Сидя у самаго барьера, открытые всей залѣ, съ лицами весело-непринужденными, разговаривали княгиня и Поваринъ. Никто бы по выраженію ихъ лицъ не догадался о содержаніи бесѣды.
— Итакъ, — говорила княгиня, кокетливо ударяя вѣеромъ по рукаву Поварина, — итакъ, вы сегодня поѣдете со мной. Князя Евтихія нѣтъ дома, вы развлечете меня.
— Итакъ, княгиня, — отвѣчалъ ей въ тонъ Поваринъ, улыбаясь, — ни сегодня, ни завтра, ни послѣ-завтра, никогда въ жизни я не поѣду къ вамъ.
— Хорошо! — только совсѣмъ легкимъ румянцемъ выдавая волненіе, говорила княгиня: — въ такомъ случаѣ завтра же нашъ добрый другъ Карапетъ исполнитъ то, что ему приказано.
— Вы забываете, — вставая, высокомѣрно сказалъ князь Матвѣй, — что, если вы меня можете погубить, то и я со своей стороны...
— Ужели, — съ громкимъ смѣхомъ перебила его княгиня, — кто-нибудь обратитъ вниманіе на клевету человѣка столь подлаго, что осмѣливается порочить честь женщины, всѣми уважаемой?
Поклонившись, князь пошелъ къ выходу.
Не выдержавъ, Анна Семеновна быстро встала и, задержавъ его въ глубинѣ ложи, прошептала:
— Пожалѣй меня, пожалѣй! Я такъ люблю тебя. Обдумай всѣ послѣдствія; легко ли мнѣ губить тебя, но уступить... нѣтъ, нѣтъ!
Въ это время оркестръ заигралъ, и въ дверь заглянула Варвара Максимовна.
— Жду тебя послѣ окончанія, — успѣла еще тихо промолвить княгиня.
Ничего не отвѣтивъ, только пожавъ плечами, Поваринъ вышелъ изъ ложи.
Можетъ быть, въ ту минуту онъ и самъ еще не зналъ, какъ поступитъ. Но начавшійся актъ окончательно рѣшилъ судьбу Поварина.

Когда, въ толпѣ другихъ воспитанницъ, выпорхнула на сцену Лизанька, въ голубенькомъ изъ тонкаго вуаля платьицѣ, будто туманъ застлалъ глаза князя.
Едва досидѣвъ до конца акта, быстро выбѣжалъ онъ изъ театра, сѣлъ въ ожидавшую его за угломъ наемную карету съ зелеными занавѣсками и, объѣхавъ кругомъ театра, велѣлъ ожидать у задняго подъѣзда.
Отогнувъ уголокъ занавѣски, зорко слѣдилъ Поваринъ за всѣми проходящими подъ яркимъ фонаремъ, висящимъ надъ подъѣздомъ.
Лизанька выбѣжала изъ подъѣзда, накинувъ на тоненькое платьице, въ которомъ только что танцовала, бѣленькій платочекъ.
— Подавай!—крикнулъ кучеру Поваринъ не своимъ голосомъ и распахнулъ дверцу.
Лизанька, какъ мотылекъ, не касаясь подножки, впорхнула въ карету.
— Это вы, Яшенька?—зашептала она въ темнотѣ и, вдругъ узнавъ не того, кого ждала, испуганное сдѣлала движеніе назадъ.
— Не пугайтесь!—едва сдерживая волненіе, шепталъ князь Матвѣй, хватая ее за руку.—Не пугайтесь. Я — другъ Якова Степановича. Ужели вы не признали меня? — Тотъ самый, что спасъ вамъ котеночка.
Лизанька, вся дрожа отъ страха, едва вымолвила:
— А онъ? съ нимъ ничего не приключилось?
— Вы узнаете все. Нѣкоторыя обстоятельства не позволили Якову Степановичу самому пріѣхать за вами, и онъ послалъ меня, какъ вѣрнаго и преданнаго друга своего и, надѣюсь, въ будущемъ и вашего.
Взявъ холодную, трепетную ручку Лизанькину, онъ прижалъ ее къ своимъ губамъ и такъ долго не могъ оторваться въ жадномъ поцѣлуѣ, что Лизанька опять испугалась и зашептала:
— Пустите, пустите! Мнѣ страшно... Ахъ, зачѣмъ Яковъ Степановичъ!...
Но князь совладалъ съ собой и, откинувшись глубоко въ уголъ, началъ веселой болтовней успокаивать дѣвушку. Карета, наконецъ, остановилась.
Поваринъ осторожно помогъ Лизанькѣ сойти и, открывъ дверь ключемъ, ввелъ ее въ свои комнаты. Онъ зажегъ свѣчи въ кабинетѣ, гдѣ на кругломъ столѣ стояли приготовленными тарелочки съ закуской, фрукты и вино.
— Здѣсь придется обождать вамъ, и, можетъ, вы откушаете чего-нибудь? — вѣжливо промолвилъ князь Матвѣй, а самъ не могъ ужъ больше оторвать глазъ отъ Лизаньки.
Она стояла передъ нимъ смущенная, кутаясь въ бѣлый платочекъ и стараясь скрыть обнаженныя плечи и руки, съ любопытствомъ, хотя не безъ страха оглядывая причудливый кабинетъ князя.
Лицо ея со слѣдами грима и пудры, съ подведенными глазами, казалось князю еще нѣжнѣе и прекраснѣе.
— Какая вы хорошенькая, Лизанька, даже жаль... — тихо промолвилъ князь Матвѣй.
Поймавъ на себѣ блестящій, тяжелый взглядъ его глазъ, Лизанька вздрогнула.

— Что вы, что вы! — испуганно забормотала она, еще старательнѣе кутаясь въ платокъ.
— Даже жаль, что выбрали вы такого мальчишку... Что онъ понимаетъ въ красотѣ вашей, — продолжалъ князь, уже не въ силахъ болѣе сдерживаться.
— Гдѣ онъ, Яковъ Степановичъ, гдѣ онъ? — въ тоскѣ заметалась Лизанька, предчувствуя что-то недоброе.
— Близко онъ, совсѣмъ близко, — заговорилъ князь, почти вплотную придвигаясь къ дѣвушкѣ. — Совсѣмъ близко, вонъ въ той комнатѣ, — и, засмѣявшись, онъ почти силой ввелъ Лизаньку въ спальню, смежную съ комнатой, въ которой былъ заключенъ Неводовъ.
Поручикъ провелъ весь день въ страшной тревогѣ; не прикоснувшись къ ѣдѣ, разхаживалъ онъ по комнатѣ, все къ чему-то прислушиваясь, и, только изрѣдка останавливаясь у стола, вынималъ карту, чтобы по ней узнать, что ожидаетъ его.
Заслышавъ шаги въ кабинетѣ, онъ притаился у дверей, но ни услышать, ни тѣмъ болѣе распознать голосовъ, онъ не могъ.
Поваринъ заговорилъ хриплымъ голосомъ:
— Тамъ твой дружокъ, тамъ, но прежде должна ты меня поцѣловать, тогда, можетъ быть, и выпущу его.
И, нагнувшись, онъ припалъ къ губамъ дѣвушки.
— Спасите, спасите! — отбиваясь, закричала она, и въ ту же минуту ужасный крикъ Якова Степановича, вдругъ понявшаго все, что происходитъ, отвѣтилъ ей.
Онъ ломился въ запертую дверь, ударяя въ нее кулаками, ногами и головой. Будто озвѣрѣвъ, кинулся князь Матвѣй на вырвавшуюся было на секунду дѣвушку и, цѣлуя жадно, рвалъ ея легкое голубенькое платье.
Долго ломился Неводовъ въ дверь и вдругъ въ странномъ вскрикѣ замолкъ.
Князь Матвѣй поднялъ на руки обезсилѣвшую, почти потерявшую сознаніе, уже покорную Лизаньку и, какъ жертву, понесъ ее на широкую съ шелковыми занавѣсями кровать.
Громкій стукъ уже въ другія, входныя, двери привелъ черезъ нѣкоторое время въ себя князя Поварина. Сѣвъ на кровать, онъ долго прислушивался; такъ какъ упорный стукъ не прекращался, всталъ и, выйдя въ переднюю, досадливо окликнулъ:
— Кого тамъ носятъ дьяволы по ночамъ?
— Полицейскій офицеръ съ приказомъ, — раздался отвѣтъ изъ за двери.
— Ужели уже успѣла? — мелькнула у князя страшная мысль: — такъ скоро, проклятая! Ну, погоди... — И, отвѣтивъ: — сейчасъ, ключъ найду, — онъ подошелъ къ письменному столу, пошаривъ въ темнотѣ, нашелъ давно приготовленный на всякій случай пистолетъ. Приложивъ дуло къ виску, князь Поваринъ спустилъ курокъ.

Когда полицейскій офицеръ, которому было приказано арестовать всѣхъ гостей

Сашки Пухтоярова, заподозрѣнныхъ въ шалости съ вывѣсками, открылъ дверь при помощи слесаря, то въ кабинетѣ нашелъ онъ князя Поварина не дышащимъ. Въ спальнѣ, въ глубокомъ обморокѣ, лежала Лизанька, а въ послѣдней комнатѣ, при догорающемъ огаркѣ, сидѣлъ у стола поручикъ Неводовъ. Не обративъ вниманія на вошедшихъ, онъ продолжалъ метать карты, повторяя: ‚Ваша бита, да, бита!‘— и тихо, радостно смѣялся...

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ДѢЙСТВО О ГЕОРГІИ ХРАБРОМЪ

Въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и апоѳеозомъ

Бабеонъ — гласъ старцевъ.

Месій, Маргоній, Куменій, Афроній, Сандрій, Асинахъ — старцы вавилонскіе.

Градъ.

Фарносій — комедійный старецъ изъ народа.

Глашатай.

Епархъ.

Царь Дадіанъ — безбожный идоложрецъ.

Царевна.

Царевичъ Георгій, плѣнный изъ русской земли.

Волхвъ.

Четыре караульныхъ отвѣтчика у башенныхъ оконъ.

Змѣй водный.

Демонъ Самаилъ.

Палачъ.

Мастеръ.

Плѣнные цари.

Воины.

Вѣстникъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Ликъ праведныхъ женъ.

Кононархъ.

Юноши и дѣвы вавилонскіе.

Мѣсто дѣйствія — невѣрная земля городъ Вавилонъ.
Время дѣйствія — въ восьмомъ году девятой тысячи.

ПРОЛОГЪ

КОНОНАРХЪ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Кононархъ

Пріидите, послушайте про чудное чудо, — сказуетъ про Георгія храбраго! Не три года, тридцать лѣтъ подымался царь Дадіанъ, копилъ свою черную силу, накопилъ ея множество и пошелъ на Русь. Шелъ онъ черезъ быстрыя рѣки, черезъ грязи смоленскія, черезъ лѣса брынскіе. Рыкучимъ волкомъ лютый, гнѣвный, ярый насквозь прошелъ большую землю — Русь. Летѣли стрѣлы, какъ часты дожди, исщербились острыя сабли, свернулись копья. Божьи церкви онъ подъ дымъ спустилъ, святыя иконы онъ копьемъ сколоӏъ, золото-серебро телѣгами повыкатилъ. Распустошилъ, все развѣялъ, разметалъ въ пóло-нá-поло. Города развоеваны, русская сила повибыта: ‚Добромъ дашь, такъ добромъ возьму, добромъ не дашь, лихомъ возьму!‘ ‚Сѣките со стараго до малаго, не оставляйте на сѣмена!‘ Пересѣкъ, перерубилъ всю породу, не оставилъ на плодъ людей. Вырублена, выжжена, развоевана, какъ пустынь пуста, стоитъ святая Русь, — одинъ звонитъ плакунъ-колоколъ. Ведетъ царь въ Вавилонъ царевича Георгія. Царевичъ не послушаетъ вавилонскаго царя, царевичъ не поклонится вавилонскому идолу. Предастъ его царь лютой казни: будетъ мучить огнемъ, воздушною мукою, водой и землей. Всю муку вытерпитъ храбрый царевичъ, всѣ страсти вынесетъ Георгій непобѣдимой.

Ликъ праведныхъ мужей

Возстаните, братіе, чудо увидите Георгія храбраго, — чудо его чудно.

Ликъ праведныхъ женъ

Возстаните, братіе, муки увидите Георгія храбраго, — муки его люты.

Кононархъ

Зарытый въ землю, изъ земли возстанетъ Георгій на зарѣ солнца, выйдетъ на землю, побѣдитъ Змѣя, избавитъ царевну отъ Змѣя, побѣдитъ искусителя духа Самаила, насадитъ крещеную вѣру въ невѣрномъ Вавилонѣ и пойдетъ въ свою землю — на святую Русь. Тамъ, на святой Руси, погибаютъ въ вавилонскомъ плѣнѣ его братья и сестры. Родимая земля-мать, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, держи честно и грозно имя побѣдоносца Георгія!

Ликъ праведныхъ мужей

Онъ спасетъ тебя отъ твоихъ враговъ, Христовъ угодникъ непобѣдимый Георгій!

Ликъ праведныхъ женъ

Онъ возвеличитъ тебя на страхъ врагамъ, Христовъ угодникъ непобѣдимый Георгій!

Кононархъ

Аминь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ, СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ

Ликъ праведныхъ мужей

Вотъ невѣрный градъ Вавилонъ. Великъ градъ и всѣ люди вѣруютъ въ идоловъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Тутъ не требуютъ ни середы, ни пятницы, ни Свѣтло-Христова воскресенія.

Ликъ праведныхъ мужей

Трубитъ золотая труба, собираются вавилонскіе старцы.

Ликъ праведныхъ женъ

Заря занялась. Ужъ вышелъ градъ и ждетъ старцевъ.

Ликъ праведныхъ мужей

Вотъ жертвенникъ ихъ грознаго идола, вотъ капище. Завтра ихъ праздникъ идольскій, бога невѣрнаго воскресеніе.

Старцы сошлись къ жертвеннику.

Бабеонъ

Грядущая ночь откроетъ праздникъ во славу нашего бога. Онъ — нашъ богъ великій и всемогущій, онъ разжигаетъ горы и долы, землю и воды, кости и жилы. Сотворимъ молитву и принесемъ ему жертву.

Сандрій

Не забыли бы люди сдѣлать нужныя приготовленія къ празднику?

Афроній

Я оповѣщу градъ.

Градъ

Ждемъ вашихъ приказаній, старцы.

Бабеонъ

Месій, нынѣшняя Весна — твой чередъ, скажи имъ.

Месій

Завтра великій весенній праздникъ Баалила, — приходъ весны, первый выгонъ скота съ зимовища въ поле. Ягненку вымажи губы медомъ, зажги на рогахъ свѣчу и гони скотъ священною вербой. Свари овсяный кисель и яичницу, да испеки каравай-моленникъ для пастуха. Пастуха окатить не забудь: не будетъ пастухъ дремать лѣто. Сѣй яровое и росаду, да закопай въ полѣ яйцо и подъ порогомъ топоръ. Завтра, какъ ярые гоголи, выплывутъ въ море корабли.

Градъ

Пала бы кораблямъ по́вѣтрь удобная!

Месій

Полетятъ корабли, что соколы, выйдутъ въ море. Птицы на зарѣ, какъ заиграетъ солнце, запоютъ первыя пѣсни. Чтобы уберечь скотину отъ медвѣдя, ступай ночью на паству и кричи во всю глотку, а отъ волка — заклясть надо волка глухого, слѣпого и хромого. Подрѣжь у годовалыхъ жеребятъ хвостъ да гриву и пусти на волю до свѣту. Коня надо гладить по хребту отъ головы до хвоста яйцомъ гладкимъ и круглымъ, чтобы былъ конь круглый и гладкій, какъ яйцо. Хорошо собирать росу: роса помогаетъ отъ сглаза и недуга.

Градъ

Далъ бы Богъ тихую да смирную росу!

Месій

Ночью не пей изъ колодца, — земля выпускаетъ ядъ. Не скачи на доскахъ, — припадутъ колосья къ землѣ. Ребятишкамъ хорошо въ лужахъ купаться и кататься по лугу.

Бабеонъ

По росѣ... По лугу — послѣ покоса.

Фарносій

И по росѣ и по лугу круглый годъ катаюсь, — очень помогаетъ.

Месій

Ночью вѣдьмы свободны. Чтобы не обобрали онѣ молоко, терномъ посыпь дворъ. Въ полночь добудь косточку зеленой лягушки, — приворожитъ, кого хочешь. Не забудь поставить ельникъ передъ воротами. А какъ заря съ зарею сойдется и запоютъ соловьи, зажигай костеръ и води хороводы! Съ полдня можно качаться на качеляхъ и купаться.

Фарносій

И другу и недругу закажу купаться, живо въ лапы къ Змѣю попадешь.

Градъ

Змѣй того и гляди заложитъ источники и колодцы, не будетъ, гдѣ и схорони́ться. Многихъ не досчитываемся, жретъ проклятый!

Бабеонъ

Гдѣ его видѣли?

Градъ

У Медвѣжьяго камня.

Бабеонъ

Его никто не видѣлъ, его только слышали.

Фарносій

Видомъ его не видали, слыхомъ слыхали!

Градъ

Жретъ, проклятый! Не оставьте нашей нужды, постойте за насъ!

Бабеонъ

Не бойся, все пройдетъ! Какъ заря съ зарею сойдется и запоютъ соловьи, зажигай костеръ и води хороводы. Подите по своимъ домамъ и приготовьтесь къ празднику: ночь надо встрѣтить веселымъ пиромъ.

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ЦАРЕВНА И ФАРНОСІЙ

Царевна

Здравствуйте, старцы!

Старцы

Здравствуй, царевна!

Царевна

Что въ городѣ у насъ, все ли по старому, по прежнему? Все ли готово къ празднику?

Бабеонъ

Все готово, царевна.

Сандрій

Всѣ будутъ довольны, царевна.

Месій

Еще съ вчерашняго вечера, будто дятлы въ дерево постукивали, строили балаганы. Открылся торговый рядъ, ларечники несутъ запасы.

Афроній

Ужъ такъ будутъ довольны и веселы.

Царевна

Какъ давно не всходило надъ городомъ солнце!

Бабеонъ

Купавая наша царевна!

Царевна

Высоко солнце взошло, обогрѣло и освѣтило. Завтра первый весенній праздникъ. Слетятся птицы, сбѣгутся звѣри.

Афроній

Бѣлая, бѣляная, нѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Царевна

Подымется темная темь, наплыветъ грозная туча. Мѣсяцъ заблекнетъ, призатухнетъ солнце.

Сандрій

Вѣтры не вихнутъ на тебя, солнце не печетъ лица.

Царевна

(Смѣется). — Я не боюсь грозы.

Маргоній

Лучше тебя нѣтъ въ Вавилонѣ.

Царевна

Сердце у меня неспокойно, ровно бѣда крыломъ намахнула.

Бабеонъ

Успокойся, царевна.

Царевна

Сонъ мнѣ нынче приснился. И такъ мнѣ чего-то страшно, стало мнѣ больно.

Бабеонъ

Не всякую ночь пророческій сонъ: иную ночь исполнительный, а иную пустой.

Асинахъ

Всякій сонъ исполнится, хоть бы и три года пришлось ждать исполненія его.

Царевна

Стало мнѣ больно. Слышу невзгоду надъ Вавилономъ.

Бабеонъ

Успокойся, царевна, твой отецъ-царь вернется.

Маргоній

Протрубитъ золотая труба: счастье твое на дворъ къ тебѣ придетъ.

Царевна

Гдѣ же царь?

Бабеонъ

Ушелъ царь воевать большую русскую землю бѣлаго царя. А лежитъ большая земля черезъ семь рѣкъ. Тамъ пламя, великая тьма, дикіе звѣри, тамъ змѣи живутъ — на головахъ у змѣй самоцвѣтные камни.

Фарносій

Много туда ѣздило, никто назадъ не пріѣзжалъ!

Царевна

Царь привезетъ мнѣ самоцвѣтныхъ камней, — змѣи дадутъ ему! Поясъ себѣ сдѣлаю изъ змѣиныхъ камней... Куда это идутъ веселые люди?

Бабеонъ

Къ намъ, царевна.

Маргоній

Завтра играть будутъ скоморохи.

Фарносій

Царя Собаку, сына его Перегуда, дочь его Пересвѣту.

Царевна

Люблю веселыхъ людей. А у бѣлаго царя есть сынъ-царевичъ?

Бабеонъ

Непобѣдимый царевичъ Георгій.

Царевна

Непобѣдимый царевичъ!

Бабеонъ

Никто его одолѣть не могъ. Нашъ царь справится. Что ты такъ запечалилась?

Царевна

Хотѣла бы я быть бѣлой царевной... А что на морѣ? Отчего на морѣ Змѣй появился?

Бабеонъ

Кто его знаетъ, откуда напасть... Такая прекрасная ты, купавая...

Афроній

Бѣлая, бѣляная, нѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Маргоній

Лучше тебя нѣтъ въ Вавилонѣ.

Царевна

Змѣй поѣлъ много народа?

Бабеонъ

Змѣй никого не тронетъ.

Царевна

Есть у меня золото и серебро, раздайте народу. А я пойду, меня ждутъ мои подруги. Я сложу новую пѣсню-веснянку.

Бабеонъ

Ты за насъ и за народъ — наша заступница.

Царевна

Спасибо, старцы. Богъ дастъ вамъ помощи, Богъ нынче милостивъ.

СЦЕНА 3

СТАРЦЫ

Аспнахъ

Не добро, что царя нѣтъ.

Сандрій

Безъ царя пиръ не пойдетъ, безъ царя праздникъ не въ праздникъ. Кому первому яйцо катать? Кто откроетъ шествіе на пастбище?

Бабеонъ

Епархъ.

Сандрій

Молодъ онъ умомъ.

Афроній

Силою онъ не силенъ, только напускомъ смѣлъ.

Сандрій

Съ Змѣемъ надо управиться. Безъ царя кто его осилитъ?

Куменій

Не стало въ городѣ управителя, всѣ въ раздоръ пошли. Поскорѣе бы вернулся царь: съ царемъ думу думать и мысли мыслить.

Месій

А что если на пиръ встанетъ Змѣй?

Афроній

Незваный Змѣй.

Маргоній

Кто еще знаетъ, что можетъ сдѣлать этотъ Змѣй!

Асинахъ

Змѣй подымется, градъ потрясется.

Сандрій

Змѣй съѣлъ антистратига.

Афроній

Змѣй съѣлъ Эпимаха.

Бабеонъ

Самъ виноватъ, самъ въ пасть полѣзъ. Змѣй отдыхалъ, положивъ голову на берегъ, подошелъ Эпимахъ и копьемъ пощекоталъ ему въ носу, Змѣй и съѣлъ его. Я такъ слышалъ.

Афроній

И вовсе не такъ. Эпимахъ задумалъ купаться, пошелъ къ морю. Первая волна заманчивая, — заманила его отъ берега, вторая волна относливая, — заносила по морю надъ волнами. Поднялась волна, валомъ захватываетъ. Тутъ-то и завидѣлъ его Змѣй, налетѣлъ, забралъ въ хоботы, и попалъ несчастный въ самую середку, сжало его и одна пѣна осталась.

Сандрій

Какая пѣна! Онъ просто сидѣлъ на берегу, какъ пень край дороги. Вышелъ Змѣй и готово.

Месій

Какъ пень край дороги! Да онъ еще шевелемъ шевелится. Это неправда.

Асинахъ

Змѣй подымется, градъ потрясется.

СЦЕНА 4

СТАРЦЫ, ЕПАРХЪ И ФАРНОСІЙ

Епархъ

Что случилось? О чемъ спорите?

Бабеонъ

Все идетъ не по доброму, не по хорошему. Въ городѣ несчастье есть. Народъ жалуется.

Епархъ

Народъ всегда жалуется.

Бабеонъ

Появился пронырливый Змѣй.

Епархъ

Кто его видѣлъ?

Бабеонъ

Есть на морѣ пучина безконечная, тамъ сидитъ Змѣй. Изъ ноздрей его дымъ идетъ, въ пасти шибаетъ огонь. Дрожатъ берега, со дна камни поворачиваетъ. Великъ, страшенъ, губителенъ.

Фарносій

Нѣтъ тамъ пѣшему проходу, конному проѣзду, ворону пропарху, соколу пролету, волку прорыску, зайцу пропуску.

Епархъ

Не бѣда, гибнетъ простой народъ, его и такъ много. Стѣны города крѣпки, колодцы глубоки. Если выбрасывать въ день по мужику, Змѣй будетъ доволенъ и можно быть покойнымъ.

Бабеонъ

Антистратига Эпимаха съѣлъ Змѣй.

Епархъ

Антистратига Эпимаха съѣлъ Змѣй?

Бабеонъ

Задумалъ антистратигъ купаться, пошелъ къ морю...

Епархъ

Пустая молва! Эпимахъ отъ дряхлости едва ноги волочитъ.

Бабеонъ

Это не тотъ Эпимахъ, это другой.

Месій

Не Эпимахъ, а Эпизодикъ.

Епархъ

А, Эпизодикъ! Ходитъ слухъ, задумалъ онъ наложить на себя руки. Мы народъ успокоимъ.

Бабеонъ

Змѣй ухватчивъ.

Месій

Кто къ морю выйдетъ, живу не быть, прочь не уйти. Завтра праздникъ, соберется много народа, наступаетъ на насъ бѣда.

Бабеонъ

Когда царь вернется?

Епархъ

О побѣдахъ царя пошли вѣсти по всѣмъ странамъ. Вонъ караульные отвѣтчики у башенныхъ оконъ: они смотрятъ кругомъ на четыре стороны.

Бабеонъ

И звать его не дозваться, и ждать не дождаться.

СЦЕНА 5

СТАРЦЫ, ГЛАШАТАЙ И ФАРИСІЙ

Глашатай

Царь вавилонскій Дадіанъ возвращается въ свой городъ Вавилонъ и съ нимъ все его персидское войско. Царь ведетъ въ плѣнъ трижды и три царя и съ ними плѣннаго царевича Георгія.

Старцы

Непобѣдимый царевичъ на покорность идетъ!

Глашатай

Тьма силы съ царемъ. Золото катятъ телѣгами. Съ большой радостью возвращается царь.

Бабеонъ

Славенъ Вавилонъ непобѣдимый, бѣлокаменный.

Сандрій

Стоитъ Вавилонъ и Змѣй не подымется.

Афроній

Гдѣ ужъ тутъ подняться, царь возвращается.

Бабеонъ

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

Месій

И всему персидскому войску.

Куменій

И всѣмъ живущимъ во градѣ.

Фарносій

Былъ я старикъ да девяноста лѣтъ, сталъ молодецъ да двадцати годовъ. Будетъ нынче пиръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Праведные мужи и праведныя жены въ сокрушеніи плачутъ.

ЗАНАВѢСЪ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ГЛАШАТАЙ, ПЛѢННЫЕ ЦАРИ, ГЕОРГІЙ

Бабеонъ

Великъ побѣдитель нашъ царь Дадіанъ! Черезъ три моря прошелъ царь: первое море — черное, другое море — песчаное, третье — океанъ-море. Разступались дубы, преклонялись къ землѣ вершинами. Шелъ царь черезъ лютыя горы, черезъ темные частые лѣса, свистѣлъ соловьемъ, ревѣлъ звѣремъ, рычалъ туромъ, шипѣлъ змѣей.

Градъ

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ! Вотъ какой царь у насъ! Да здравствуетъ царь Дадіанъ!

Куменій

Когда приведутъ плѣнныхъ царей?

Сандрій

Солнце высоко, пора.

Бабеонъ

Узкими переходами зашелъ царь въ отдаленное царство Малобруново. Тамъ лѣса стоятъ отъ земли до неба. А изъ царства Малобрунова прямой путь въ большую русскую землю къ бѣлому царю.

Башенные отвѣтчики

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Глашатай

Трижды и три плѣнныхъ царя изъ разныхъ земель и съ ними непобѣдимый Георгій.

Епархъ

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Вводятъ плѣнныхъ царей. Останавливаясь передъ жертвенникомъ, цари называютъ имена свои. Старцы повторяютъ имена ихъ Граду. Градъ повторяетъ за старцами.

Плѣнные цари

— Я царь Абатуй Полуношный изъ земли Златыгорской.
— Я царь Тороканъ Молокита изъ земли Копейщатой.
— Я царь Салтанъ Леденецкій изъ Глухоморья.
— Я царь Гремитъ Горыловичъ изъ Лямской земли.
— Я царь Лазуръ Черногрудный изъ Мурменской земли.
— Я царь Скурла Скурлатовичъ изъ Пещерной земли.
— Я царь Фурлатъ Котобрульевичъ изъ Ножовской земли.
— Я царь Хотей Перепетовичъ Полубѣлый изъ Холщевской земли.
— Я царица Оруда Бородуковна, мать отъ Моря Холоднаго.

Приводятъ Георгія.

Градъ

Царевичъ Георгій! — Храбрый Георгій! — Непобѣдимый Георгій изъ большой русской земли! — Русскій царевичъ! — Какъ свѣтится его лицо, какъ блестятъ его волосы!

Епархъ

Ты царевичъ Георгій?

Старцы

Говорить не хочетъ.

Епархъ

Надо переломить упорство.

Фарносій

На поганомъ болотѣ развяжутъ языкъ, заговоритъ!

Епархъ

Васъ безоружныхъ и слабыхъ привелъ царь Дадіанъ въ свой славный городъ Вавилонъ. Крѣпокъ, какъ синій камень въ Синемъ морѣ, какъ черный камень въ Черномъ морѣ, какъ арапъ-камень въ Арапскомъ морѣ, какъ алатырь камень въ Океанъ-морѣ, крѣпокъ Вавилонъ городъ.

Старцы

Красенъ Вавилонъ городъ!

Епархъ

Красенъ, крѣпокъ Вавилонъ городъ со стѣною бѣлокаменной изъ золота, серебра, мѣди и кристала, съ земляными раскатами, съ караульными башнями. Славенъ и непобѣдимъ сильный и могучій царь Дадіанъ.

Старцы

Царь богу подобенъ! — Устами его глаголетъ самъ богъ! — Въ немъ вселился духъ Самаила! — Славенъ и непобѣдимъ сильный и могучій царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

Епархъ

Велика сила царя. Не скаркать въ ночь этой силы черному ворону, не обрыскать въ ночь этой силы сѣрому волку, не объѣхать въ день лихому наѣзднику. Непокорныхъ онъ ввергаетъ въ огонь, непослушныхъ потопляетъ въ водахъ. Когда увидите царя, воздайте ему честь. Поклонитесь нашему грозному богу, творцу земли и неба, и земному богу — царю Дадіану.

Старцы

Повѣруйте нашему богу, поклонитесь царю. Великъ нашъ богъ Самаилъ, славенъ царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ПЛѢННЫЕ ЦАРИ, ГЕОРГІЙ, ЦАРЬ И ВОЛХВЪ

Царь

Я вавилонскій великій царь, царь царямъ, царь Дадіанъ.

Епархъ

Цари пали ницъ.

Фарносій

Георгій не преклонился.

Старцы

Смирись, пади ницъ, безумецъ.

Царь

Я оставилъ твоего отца и мать черпымъ воронамъ на пограянье, сѣрымъ волкамъ на потерзанье, станешь ли въ мою вѣру вѣровать, будешь ли моему идолу молиться?

Фарносій

Георгій не преклонился.

Старцы

Не гнѣви царя, — не тебѣ чета, и тѣ покорились.

Градъ

Онъ въ темняхъ.

Царь

Уймешься, будемъ хлѣба-соли ѣсть да вина съ медомъ пить, не уймешься, мы сами уймемъ.

Старцы

Послужи царю вѣрою-правдою.

Градъ

Богъ помилуетъ, царь пожалуетъ.

Фарносій

Георгій не преклонился.

Епархъ

Волхвъ идетъ. Онъ старецъ твердой воли и крѣпкой любви къ богу. Пусть разсудитъ волхвъ.

Старцы

Вотъ человѣкъ, не чтущій Самаила и не преклонившійся передъ царемъ.

Георгій

Я стоялъ за вѣру крещеную, благословенную, я стоялъ за церкви Божіи, я стоялъ за честные монастыри, я молился Спасу Пречистому, я стерегъ мою родину — святую Русь. Я изъ русской большой земли, я отъ бѣлаго царя Геронтія, отъ царицы Софіи Премудрой, я сынъ ея. Я непобѣдимый царевичъ Георгій.

Волхвъ

Не поклонишься, потеряешь голову.

Георгій

Вѣрую въ Господа Распятаго, а богу твоему не кланяюсь.

Царь

Что хочу, то сдѣлаю! захочу — огнемъ сожгу, захочу — потоплю въ водѣ. Не уйти тебѣ будетъ ни сухимъ путемъ, ни водою.

Волхвъ

Повиненъ смерти. Огонь, воздухъ, вода и земля пусть истребятъ его.

Царь

Да будетъ казнь.

Старцы

Смерть ему!

Градъ

Смерть ему!

Фарносій

Теперь ты у насъ въ рукахъ, никуда не уйдешь, у насъ шутить не любятъ.

Старцы

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

Градъ

Праведенъ царь и великъ! — О премудрый и прехрабрый царь! — Тутъ стоять не за что и спору чинить не о чемъ! — Онъ не здравствуетъ царскому чёху! — Не честь, не хвала ему, не выслуга! — Смерть ему! Смерть ему!

Фарносій

Будетъ нынче пиръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Георгія ведутъ въ темницу.

СЦЕНА 3

ГЕОРГІЙ, ЦАРЕВНА, ПАЛАЧЪ, ЕПАРХЪ

Царевна

Гордый царевичъ, ты прогнѣвалъ царя.

Георгій

Прекрасная царевна, какъ могу я его слушать?

Царевна

Гордый царевичъ, тебя царь казнитъ.

Георгій

Приму и тысячу казней за вѣру Христову.

Царевна

Ты гордый, ты безстрашный, я такихъ не видала.

Георгій

Вѣрую въ Господа Распятаго, въ Немъ моя сила.

Царевна

Научи царевичъ, я спасу тебя.

Георгій

Буду страдать, — мой Богъ на крестѢ страдалъ.

Царевна

И я хочу пострадать.

Георгій

ВѢруй въ Господа Распятаго. — *(Молится).* — Безначальне, живоначальне Боже всего міра, почивающій на херувимахъ, сѢдящій на вышнихъ и позирающій на всякую тварь, Боже, сотворивый небо и землю и пославый Духа святаго своего, въ руки Твои предаю духъ мой.

Палачъ

Ну, иди, выходи, что ли! Ишь, какой.

Царевна

Пощади его, палачъ!

Палачъ

ДѢло не наше, царевна. Наше дѢло подначальное, что намъ велятъ, то и дѢлаемъ.

Епархъ

Нечего съ нимъ разговаривать. Куйте ноги, связывайте руки крѢпко, ведите скорѢе.

СЦЕНА 4

СТАРЦЫ, ПАЛАЧЪ, МАСТЕРЪ, ФАРНОСІЙ, ГРАДЪ, ЦАРЕВНА

Старцы

Кто можетъ бороться, кто можетъ тягаться съ царемъ! Ему славу поютъ.

Градъ

Не было еще человѢка, кто бы не преклонился передъ царемъ.

Фарносій

Палачъ идетъ и съ нимъ его мастера съ подмастерьями, ведутъ Георгія къ смертной казни, къ кровавой плахѢ. Что, господа палачи, будетъ нынче работа?

Палачъ

Нашли время. Не успѢешь и по хозяйству справиться. Тоже не какіе-нибудь, все надо честь-честью, такой большой праздникъ.

Фарносій

Что это у васъ за колесо?

Мастеръ

На колесѣ вертѣть будемъ.

Фарносій

А это пила что ли?

Мастеръ

Тысячезубецъ.

Фарносій

Да ты мнѣ палецъ не прищеми.

Мастеръ

А вы куда суетесь, не трогайте руками.

Мальчикъ-факельщикъ, котораго Фарносій дернулъ за ухо, подпалилъ ему бороду.

Фарносій

Караулъ! Гдѣ моя борода.

Мастеръ

Не кричите! Голова цѣла и то слава Богу.

Фарносій

Бездѣльникъ, живодеръ.

Градъ

Какія тащутъ страшныя пытки, посмотришь, — съ мѣста не сойдешь.

Царевна

Не пособите ли моему горю?

Старцы

Что тебѣ надобно, царевна?

Царевна

Остановите ихъ, спасите его!

Бабеонъ

Полно тебѣ, сама потеряешь голову.

Афроній

Идешь или не идешь, поведутъ.

Сандрій

Тутъ не выскочишь, тутъ не выпрянешь.

Царевна

Неужто нельзя спасти?

Бабеонъ

Силой возьмутъ, грозой царской заставятъ.

Царевна

Отъ его лица солнечные лучи. Спасите его!

СЦЕНА 5

ВОЛХВЪ, СТАРЦЫ, ГЛАШАТАЙ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ЦАРЕВНА, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ И ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Глашатай

Казнь идетъ.

Старцы

Волхвъ беретъ книгу волховную. Положилъ въ чашу лютаго зелья — змѣинаго сала. По краямъ у чаши ровно ключъ кипитъ, посередкѣ огонь.

Глашатай

Мука огненная.

Волхвъ

Камень отъ огня разгорается, булатъ отъ жара растопляется, такъ и Георгію сгорѣть въ огнѣ.

Отвѣтчикъ I

Привязываютъ къ дереву. Раскляли огня. Жгутъ его на огнѣ. Еле живъ стоитъ. Бьютъ молотомъ по головѣ. Истерзали все тѣло, палятъ до кости.

Ликъ праведныхъ мужей

Пресвятая Мать Богородица, онъ стоялъ за Спаса Вседержителя, за Пресвятую Мать Божью, за честные монастыри, за церкви, за вѣру православную.

Отвѣтчикъ I

Мастера ничего не придумаютъ, руки у мастеровъ опускаются. Поетъ стихи херувимскіе. Не беретъ огонь.

Старцы

Не побѣдитъ онъ огня.

Отвѣтчикъ I

Ведутъ къ раскаленной сковородѣ. Положили на сковороду, налагаютъ на голову раскаленный обручъ. Едва духъ въ немъ полуднуетъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Помилуй раба Твоего Георгія, яко благъ и человѣколюбецъ!

Отвѣтчикъ I

Золотой вѣнецъ сіяетъ на его головѣ. Живъ и невредимъ. Не беретъ огонь.

Старцы

Не побѣдитъ онъ огня.

Отвѣтчикъ I

Бросили въ кипящій котелъ, въ олово. Варятъ на огнѣ.

Ликъ праведныхъ мужей

Господи Боже нашъ, пославшій росу небесную надъ три отроки и угасивый пламень, заступи и спаси Георгія!

Отвѣтчикъ I

Кипитъ олово, гремитъ, какъ громъ, Георгій поверхъ плаваетъ, поминаетъ Даніила и трехъ отроковъ въ пещи вавилонской, поминаетъ Даніила во рву львовомъ. Не беретъ огонь.

Фарносій

Сапогомъ его самое настоящее дѣло, набрался змѣинаго духа!

Царевна

Остановите казнь!

Старцы

Волхвъ беретъ стрѣлу.

Глашатай

Мука воздушная.

Волхвъ

Полети стрѣла по поднебесью, пади не на воду, не на людей, не рой землю до пояса, а пади въ грудь Георгія, разрѣжь ему сердце.

Старцы

Запѣла тетива шелковая, зашипѣла стрѣла.

Царевна

Зашипѣла стрѣла, разлетѣлась въ грудь, расколола мнѣ сердце!

Волхвъ

Какъ вольна птица-стрѣла въ воздухѣ, такъ неволенъ онъ.

Отвѣтчикъ II

Ведутъ на каменную гору, привязали къ колесу, вертятъ колесо.

Ликъ праведныхъ мужей

Не попусти, Пресвятая Богородица, сохрани его, Пречистый Спасъ!

Отвѣтчикъ II

Колесо извертѣлось, въ щепы ломается, подъ колесомъ зазеленѣла трава. Цѣлъ и невредимъ.

Старцы

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II

Повели на Окатъ-гору. Схватили за волосы, бросаютъ съ крутокатой горы стремглавъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Господь Отецъ, Сынъ, Святой Духъ, услышьте молитву Георгія, не отдайте его на великое мученіе къ царю невѣрному!

Отвѣтчикъ II

Пробуждается, какъ отъ сна, отъ лютой смерти — силы вдвое прибыло.

Старцы

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II

Петлю накинули, вѣшаютъ.

Царь

Дави его!

Отвѣтчикъ II

Захлеснулась петля.

Ликъ праведныхъ мужей

Услышь, Господи Боже, его терпѣніе, сошли съ небесъ ангела, подыми его!

Ликъ праведныхъ женъ

Господи, Господи, помилуй его!

Отвѣтчикъ II

Вскочилъ на ноги. Цѣлъ и невредимъ.

Фарносій

Какъ это можно?

Царевна

Остановите казнь!

Старцы

Волхвъ сдѣлалъ изъ воска подобіе Георгія. Капаетъ оловомъ прямо на сердце, топитъ въ водѣ.

Глашатай

Мука водная.

Волхвъ

Какъ тонетъ воскъ въ водѣ, такъ и Георгій потонетъ.

Отвѣтчикъ III

Наставили воронку въ ротъ, воду льютъ.

Старцы

Захлебнется.

Ликъ праведныхъ мужей

Господи, помоги ему и исцѣли его. Царь погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову!

Отвѣтчикъ III

Отдышался. Живъ. Не беретъ вода.

Старцы

Захлебнется.

Отвѣтчикъ III

Льютъ воду на него по каплѣ.

Ликъ праведныхъ женъ

Спасъ Вседержитель, Пресвятая Мати Божія, Богородица, Никола Можайскій, помилуйте Георгія!

Отвѣтчикъ III

Не беретъ вода.

Старцы

Захлебнется.

Отвѣтчикъ III

Выводятъ на мостъ. Кладутъ въ сѣть. Подымаютъ огромный камень, кладутъ къ нему въ сѣть. Топятъ.

Ликъ праведныхъ мужей

Ненавидящіе вѣру христіанскую, будьте посрамлены отъ Господа!

Ликъ праведныхъ женъ

Будьте сожжены огнемъ, какъ трава.

Отвѣтчикъ III

Бѣжитъ вода, камень поверхъ воды плаваетъ. Живъ, не беретъ вода.

Градъ

Какъ царь разгнѣвался! Что это царь закричалъ по звѣриному?

Старцы

Царь склоняетъ его лаской и обѣщаніями.

Градъ

Не послушался царя?

Фарносій

Царь предаетъ его скорой смерти.

Старцы

Волхвъ ѣстъ землю.

Глашатай

Мука землею.

Волхвъ

Будь земля тверда и крѣпка, будь ему темною тьмою и послѣднимъ концомъ.

Старцы

(Крѣпко сомкнувъ цѣпь). — Аминь. — *(И вытягиваютъ руки).*

Отвѣтчикъ IV

Пилятъ острыми пилами, разрываютъ тѣло его, въ куски тѣло изрѣзано, подломилась хребетная кость, раздроблены кости. Солью посыпаютъ раны.

Ликъ праведныхъ мужей

Георгій, Угодникъ Божій, услышана молитва твоя, не бойся, мы съ тобою.

Ликъ праведныхъ женъ

Мы съ тобою!

Отвѣтчикъ IV

Иступилась пила, изнемогли пильщики. Лицо его не помрачилось. Отъ лица лучи идутъ.

Старцы

Онъ мучается отъ своего безсмертія.

Царевна

Остановите казнь!

Старцы

Задавитъ земля.

Отвѣтчикъ IV

Вырыли погребъ. Самъ царь кидаетъ его въ погребъ.

Старцы

Задавитъ земля.

Отвѣтчикъ IV

Покрыли желѣзными досками, прибиваютъ гвоздями, завалили камнемъ, засыпаютъ пескомъ.

Градъ

И земля не беретъ?

Старцы

Задавитъ земля.

Отвѣтчикъ IV

Не слышно голосу, исчезъ съ лица земли.

Старцы

Не слышно голосу.

Волхвъ

Не бывать Георгію на святой землѣ, не видать Георгію бѣлаго свѣта, не слыхать колокольнаго Божьяго гласа.

Старцы

Не бывать ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать свѣта бѣлаго.

Царевна

Не слышно голоса?

Старцы

Умири сердце.

Царевна

Закрыли его пескомъ, сравняли могилу съ землею. Приняла его мать-земля. — Ты какой? Откуда? Чей? Незнамый, невѣдомый, мой женихъ, мой названный братъ!

Царь

Гдѣ же веселые люди, гдѣ скоморохи! Заиграй въ гудочекъ, въ звончатый переладецъ! Зовите на пиръ. Наливайте чашу до пьяна, пейте до суха, чтобы всѣ были сыты — веселы.

Старцы

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь

Пейте вина, сколько мочь беретъ. Всѣхъ кормить до сыта, поить до пьяна!

Фарносій

Первая чара для здоровья — окатить сердце, вторая чара для веселья — сердце взвеселить, третья — для безумія.

Ликъ праведныхъ мужей

Ты Боже, Спасъ Милостивый, къ чему рано надъ нами прогнѣвался?

Царь

Будемъ гулять по его смерти до ранняго утра, до бѣлой зари!

Старцы

Славенъ царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь

Не бывать тебѣ въ бѣлокаменной Москвѣ, не видать бѣлокаменныхъ церквей, не видать свѣта бѣлаго, зари утренней, поздняго вечера.

Ликъ праведныхъ женъ

Его страданія такъ велики: ихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, ихъ больше, чѣмъ песку на морѣ.

ЗАНАВѢСЪ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 1

ВОИНЫ, ГРАДЪ, СТАРЦЫ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ФАРНОСІЙ

Воинъ I

Задалъ царь пиръ на весь міръ.

Воинъ II

Солнце катится къ западу, день идетъ къ вечеру, пиръ на веселье. Пляшутъ на ногахъ, пляшутъ на спинѣ, пляшутъ на животѣ и даже на головѣ.

Воинъ I

Къ ночи всѣ влёжку полягутъ. Кому будетъ праздникъ встрѣчать?

Воинъ II

Много я ѣздилъ-гулялъ по чужимъ странамъ, а про такое не слыхивалъ.

Воинъ I

А страшно было въ походѣ?

Воинъ II

Привычка. Человѣкъ ко всему привыкаетъ. Ѣдемъ мы разъ по полю и подняло поле голову. Думаемъ себѣ: ‚А много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла!‘. А голова вдругъ и говоритъ: ‚И еще много поѣмъ!‘. Не обратили вниманія, а потомъ, какъ пересчитались, полку какъ не бывало.

Воинъ I

Цѣлый полкъ!

Воинъ II

Цѣлый полкъ схряпала, проклятая! Да то ли еще бывало! — Ишь какъ кричатъ!

Воинъ I

Пьянымъ пьяно.

Воинъ II

Что вы за люди и что вамъ надобно?

Градъ

Бѣда, намъ надо видѣть старцевъ.

Воинъ II

Прошу, проходите мимо, здѣсь священное мѣсто.

Градъ

Воины, позовите старцевъ. Намъ надо говорить со старцами.

Воинъ II

Дозовешься! Приходите завтра.

Воинъ I

Да вонъ они спѣшатъ изъ дворца.

Старцы

Что за шумъ, что за гамъ? — О чемъ ты вопишь и кричишь, Вавилонъ? О чемъ деретесь, чего дѣлите?

Градъ

Научите насъ, мы погибаемъ. Змѣй заложилъ всѣ колодцы и источники.

Старцы

Царь собралъ войско и послалъ укротить Змѣя.

Градъ

Войско не могло встрѣтить Змѣя, вода въ морѣ возмутилась. — Войско ничего не сдѣлало: одни разбѣжались по сараямъ, другіе бросились въ темные лѣса. — Погибло много народа и скота, и слоновъ. — Заляжетъ, заглохнетъ дорога въ Вавилонъ. — Не будетъ ухода, не будетъ ухорона. — Змѣй не оставитъ и курицы на улицѣ, убьетъ съ перваго до послѣдняго. Постойте за насъ, поговорите съ царемъ!

Старцы

Мы поговоримъ съ царемъ. Идите по своимъ домамъ.

Фарносій

Поговоришь! Попробуй, поговори. Радуйтесь и веселитесь!

Отвѣтчикъ I

Змѣй поднялся.

Отвѣтчикъ II

Подходитъ къ граду.

Отвѣтчикъ III

Змѣй приближается.

Отвѣтчикъ IV

Змѣинымъ дыханіемъ отравляетъ воздухъ.

Отвѣтчикъ I

Змѣй движется съ шумомъ, какъ буря.

Отвѣтчикъ II

Изъ пасти его валитъ дымъ.

Отвѣтчикъ III

Изъ очей сыплетъ искры.

Отвѣтчикъ IV

Змѣй оглушаетъ своимъ свистомъ.

Градъ

Покажите намъ свою силу, избавьте городъ отъ злого Змѣя!

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ЦАРЬ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ВОЛХВЪ, ЗМѢЙ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ГЛАШАТАЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Царь

Что это крикъ стоитъ? что это стонетъ стонъ?

Старцы

Позволь слово сказать! Разсуди насъ, развѣдай! Подумай думу! Дай намъ слово!

Царь

Что вамъ надобно?

Старцы

Царь, ты благъ и добръ, а мы погибаемъ. Не оставь насъ. Змѣй поднялся. Змѣй заложилъ колодцы и источники. Змѣй залегъ воду. Змѣй пріѣстъ до единаго, никого не оставитъ. Змѣй погубитъ весь народъ. Змѣй изъѣстъ насъ. Люди не могутъ больше терпѣть отъ грозы его и отъ страшной ярости. Люди на побѣгъ бѣгутъ. Вотъ отчего среди пира великая скорбь и печаль, и вопль, и плачъ неутѣшенъ, и туга. Прикажи его выслать вонъ или мы оставимъ городъ.

Царь

Я многія земли острастилъ. Я кснемъ истопчу его, срублю ему голову.

Старцы

Уйми Змѣя или насъ удали.

Царь

Я спалю его и развѣю пепелъ по чистому полю.

Старцы

Не выйдетъ Змѣй, такъ мы сами выйдемъ.

Царь

Кто мою силу пересмѣтитъ!

Змѣй

Хощу азъ пожрать жертвы!

Крикъ и смятеніе.

Волхвъ

Что случилось? Какое несчастье постигло городъ? Разбой ли тутъ или злодѣяніе?

Старцы

Погибаемъ отъ Змѣя. Скажи намъ средство умилостивить разгнѣваннаго Змѣя!

Градъ

Богъ отступилъ отъ насъ!

Ликъ праведныхъ мужей

Такъ наказанъ былъ Содомъ и Гоморра.

Ликъ праведныхъ женъ

Такъ погибнетъ Вавилонъ въ своихъ путяхъ погибельныхъ.

Волхвъ

Надо кормить Змѣя звѣрями и слонами.

Старцы

Онъ хочетъ людей.

Царь

Отдать ему всѣхъ преступниковъ.

Градъ

Волхвъ склонилъ голову! Волхвъ заснулъ.

Старцы

Богъ откроетъ ему волю свою. Онъ скажетъ намъ. Не погубитъ отъ Змѣя.

Градъ

Спаси, не погуби отъ Змѣя!

Волхвъ

Киньте жребій. Кому вынется, тому и итти на съѣденіе.

Градъ

Дадимъ дѣтей нашихъ, избавь отъ Змѣя!

Волхвъ

Киньте жребій. Кому вынется, тому и итти на съѣденіе.

Царь

Кладу заповѣдь тяжелую, даю царское слово: я отдамъ чудовищу единственную дочь мою царевну.

Старцы

Да будетъ воля твоя. Эти рѣчи намъ любы.

Градъ

Граду угодны слова царя. Да здравствуетъ царь Дадіанъ.

Волхвъ

Дѣлайте жеребья: кому итти къ Змѣю. Я кину жребій.

Глашатай

Волхвъ удалился въ капище, тамъ онъ кинетъ жребій. Волхвъ мечетъ жеребья.

Куменій

Не мнѣ ль итти?

Месій

Выйти къ Змѣю — живу не быть.

Бабеонъ

А что если самаго мудраго и надо Змѣю.

Асинахъ

А что если самаго древняго и надо Змѣю?

Амфроній

Не мнѣ ль итти?

Сандрій

И никогда не вернуться.

Маргоній

Не я ли?

Фарносій

Видно, мнѣ итти. Гдѣ мои золотыя пѣсни, гдѣ мои прежніе дни?

Ликъ праведныхъ мужей

Эта напасть ниспослана за ваши преступленія.

Ликъ праведныхъ женъ

По грѣхамъ вашимъ такъ сдѣлалось.

Змѣй

Хощу азъ пожрать жертвы.

Крикъ и смятеніе.

Волхвъ

Какъ изреку столь страшную тайну. Нашъ богъ явилъ мнѣ, что намъ на пользу. Я металъ три жеребья: первое калиновое, другое малиновое, третье ветляное. Выпалъ жребій царевнѣ.

Старцы

Благодареніе богу нашему, открывшему тебѣ тайну. — *(Граду).* — Жеребій палъ на царевну.

Градъ

Царевнѣ итти на съѣденіе! Царевна пойдетъ къ Змѣю! Змѣю надобна царевна!

Фарносій

У кого языкъ чистъ, голова того будетъ цѣла. Еще поживемъ на бѣломъ свѣтѣ!

Отвѣтчикъ I

Змѣй усмирился.

Отвѣтчикъ II

Змѣй отходитъ отъ города.

Отвѣтчикъ III

Змѣй доволенъ.

Отвѣтчикъ IV

Змѣй киваетъ на теремъ царевны.

Градъ

Какъ царь запечалился!

Старцы

Подите, извѣстите царевну.

Царь

Казна моя несчетна, возьмите у меня золота и серебра, оставьте мнѣ дочь!

Старцы

Невозможно отступиться отъ слова.

Фарносій

Ты живешь на подножномъ корму, тебѣ это ничего.

Царь

Я многими дарами одарю васъ. Я дамъ вамъ жемчугъ, яхонты, изумруды. Кто пойдетъ ей защитникомъ!

Старцы

Не честь, не похвала тебѣ. Ты долженъ исполнить свое слово ради крѣпости, ради опоры царской власти. Лучше погибнуть одному человѣку. Сдайся царь, покорися. Божественное установленіе.

Фарносій

Да идите же, извѣстите царевну.

Царь

Друзья-братья, золотая казна не заперта для васъ, берите, что надобно. Есть у меня красное золото, насыплемъ золота, скатнаго жемчуга.

Старцы

Мы оберегаемъ вѣковые устои. Такъ отцы наши жили и намъ приказали. Стоять Вавилону или не стоять?

Фарносій

Слышишь царь: по Божьему судить — живому быть, по кривдѣ судить — быть убитому.

Царь

Дайте срока до заката солнца.

Отвѣтчики

Солнце опустилось.

Старцы

Солнце опустилось.

Градъ

Солнце опустилось.

Царь

Пощадите ее!

Старцы

Вели убрать царевну въ драгоцѣнный нарядъ и выдай Змѣю. Надѣнь на нее смертное платье. Укрась ее какъ невѣсту жениху.

Царь

Дѣлайте, что хотите.

СЦЕНА 3

СТАРЦЫ, ЦАРЬ, ЦАРЕВНА, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ГЛАШАТАЙ, ВѢСТНИКЪ

Глашатай

Вѣстникъ объявилъ царевнѣ.

Вѣстникъ

Она поцѣловала край печи.

Старцы

Она благодаритъ печь за то, что кормила ее.

Фарносій

Всѣ умираютъ, нѣтъ никого, кто бы вѣчно оставался въ живыхъ.

Градъ

Царь смѣется отъ горя.

Фарносій

Куда дѣвался, откуда явился, этого знать нельзя.

Вѣстникъ

Она ходитъ вокругъ очага, какъ небесная звѣзда.

Фарносій

И никогда не вернется. Уйдетъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата.

Царевна

О горе, горе мнѣ!

Старцы

Упала силами.

Царевна

Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной. И ты, мой темный лѣсъ — мой вѣрный другъ. Поле мое, чистое поле, дашь, не дашь мнѣ отвѣтъ... За что погибать буду? Прости вольный, бѣлый свѣтъ! О горькое горе — коса моя! А вчера я тебя расчесывала, перевивала золотомъ, изнасадила жемчугомъ. Знаю, сама знаю, расплетать тебя будетъ лютому Змѣю. Стану я со Змѣемъ дѣлить темную ночь. Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной.

Старцы

Разумъ ея твердый, какъ желѣзо, слова ея мягки, какъ вода.

Градъ

Она въ слезахъ не видитъ пути. — Слезы обжигаютъ лицо ей. Верба — красная вѣтвь. — Сердце земли.

Фарносій

Ахъ, смерть, ты смерть, всегда людей разволнуешь.

Царевна

Мать моя, мать, ты останешься. Зачѣмъ родила ты меня? Родила бы меня сѣрымъ камнемъ, отнесла бы на море: мелкимъ судамъ не было бы ходу, разбивались бы большіе корабли. Или лучше бы ты родила дикихъ гусей...

Старцы

Удержи свои горести! Укроти свое сердце!

Фарносій

Ничего не подѣлаешь: судьба.

Царевна

Веселыя поля и луга, и вы останетесь. Ты, дорога, по которой хаживала я, и вы мои ровестники, мои друзья, мои подруги, съ кѣмъ я видѣлась, съ кѣмъ разговаривала, и вы останетесь.

Градъ

Некуда ей дѣваться.

Царевна

Гдѣ потухла нынче заря утренняя, тамъ потухнетъ вечерняя. Мой бракъ — смерть, лютый Змѣй — мой женихъ.

Царь

Вѣнчаю тебя царскимъ вѣнцомъ, иди. Тяжко мнѣ будетъ одному коротать мой вѣкъ.

Царевна

Вѣрно, мнѣ такъ Богъ судья.

Ликъ праведныхъ мужей

Надѣйся на Спаса Вседержителя, на Господа Распятаго.

Ликъ праведныхъ женъ

Молись Угоднику Георгію, проси его помощи!

Градъ

Земля подъ ней не разступится, а вверхъ не взлетитъ.

Царевна

Не всѣмъ вамъ въ городѣ погибнуть, хоть погибну я, да только одна. Всему народу скажите низкій поклонъ, ниже того — до самой земли. Куйте, кузнецы, на мою шею и руки и ноги желѣза!

Старцы

Иди, двухъ смертей не будетъ, одной не миновать.

Градъ

Будь покорна, будь послoвна.

Праведные мужья и праведныя жены

Иди, Господь съ тобою.

Фарносій

И какъ зѣницы не упадутъ со слезами, какъ сердце не урвется отъ горести!

Старцы

Кто у насъ будетъ защитникомъ, кто покровителемъ, кто сохранитъ насъ и наше житье!

Градъ

Не обидитъ она ни стараго, ни малаго, не придастъ сердцу раны.

Старцы

Скрылась изъ глазъ, только мы ее и видѣли.

Царь

Запирайте ворота на крюки, двери на крѣпко. Теперь я съ вами управлюсь, не дамъ вамъ пощады, своимъ судомъ судить буду. Я билъ васъ шаровыми палками, буду бить скорпіонами. Я повырублю вамъ головы!

Старцы

Въ томъ твоя воля.

СЦЕНА 4

КОНОНАРХЪ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ, СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ЦАРЬ

Кононархъ

Чудная Царица Богородица —

Лицы праведныхъ

Чудная Царица Богородица.

Кононархъ

Услыши молитву родъ своихъ —

Лицы праведныхъ

Услыши молитву родъ своихъ.

Кононархъ

Пріими наши слезы горючія —

Лицы праведныхъ

Пріими наши слезы горючія.

Кононархъ

Не лиши насъ царства небеснаго —

Лицы праведныхъ

Не лиши насъ царства небеснаго.

Кононархъ

Избави насъ отъ муки вѣчныя —

Лицы праведныхъ

Избави насъ отъ муки вѣчныя.

Старцы

Опустили долгія лѣстницы. Заложили ворота. Задвинули засовы. Закинули чугунные запоры. Всѣ люди града сошлись видѣть погибель царевны.

Кононархъ

Мученикъ Христовъ, вѣнценосецъ Георгій, весь въ сіяніи предстоящій предъ престоломъ Владыки всѣхъ, сохрани твоими молитвами и заступленіями призывающихъ тебя съ горячею вѣрою и любовію.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Кононархъ

Твердо и съ терпѣніемъ устремился ты по собственному хотѣнію къ подвигамъ, преблаженный Георгій. Низложивъ вражеское ополченіе мучителей, ты сталъ молитвенникомъ о всѣхъ, притекающихъ къ тебѣ.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы

Посмурѣло небо. Всколебалось море. Заходила сильная пóвальня. Змѣй поднялся.

Градъ

Змѣй поднялся.

Старцы

Змѣй выходитъ изъ моря на берегъ къ царевнѣ. Змѣй прыщетъ ядомъ, свиститъ и рыкаетъ грозно. Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Градъ

Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Старцы

Посыпались берега. Помутилось море. Заметались морскія волны.

Градъ

Какой шипъ, какой ревъ!

Старцы

Змѣй поднялъ голову, разинулъ пасть. Змѣй высунулъ языкъ, наполнилъ ядомъ, готовъ прыснуть ядомъ!

Градъ

Челюсти, какъ пропасти, языкъ, какъ стрѣла.

Старцы

Царевна стала на колѣни. Царевна кличетъ Георгія.

Градъ

Непобѣдимаго Георгія.

Кононархъ

Ты пришелъ, Господи, и процвѣла, какъ лилія, пустыня — безплодная церковь язычниковъ. Въ ней же и утвердилось мое сердце.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Кононархъ

Прославленный, сіяющій вѣнцомъ страданій, моли, блаженный, Избавителя и Бога избавить отъ всякой нужды благочестно призывающихъ тебя.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы

Сильный вѣтеръ подулъ. Вѣтра полоса перепа́хнула. Разсыпались пески. Гвозди вынимаются. Доски раскатываются. Мечетъ вѣтеръ, разрываетъ, разбрасываетъ. Откатились камни, отомкнулись замки, отпираются двери. Царевичъ Георгій идетъ на выручку!

Градъ

Непобѣдимый царевичъ, спаси царевну!

Старцы

Царевичъ Георгій выходитъ изъ темнаго погреба. Онъ на бѣломъ конѣ. Взлетаетъ на воздухъ, устремляется прямо на Змѣя.

Градъ

Непобѣдимый царевичъ, спаси царевну!

Старцы

Змѣй въ ярости сыплетъ искрами, Змѣй пышетъ огнемъ.

Ликъ праведныхъ мужей

О Боже, дай заборону отъ вышняго неба, смилуйся, смилосердуйся, покажи милость Твою, дай ему силы на помощь.

Ликъ праведныхъ женъ

Положивый времена и лѣта, покажи на насъ твои милости!

Старцы

Змѣй въ страхѣ отступаетъ. Георгій поражаетъ Змѣя. Змѣй нагорбился, свился, упалъ передъ царевичемъ, лижетъ ноги ему. Царевичъ побѣдилъ Змѣя!

Градъ

Непобѣдимый царевичъ Георгій побѣдилъ Змѣя!

Ликъ праведныхъ мужей

Кто слышалъ отъ вѣка, кто видѣлъ такія чудеса? Это истинный Богъ хочетъ показать знаменіе черезъ мученика своего Георгія.

Ликъ праведныхъ женъ

Такъ Богъ прославляетъ преславными чудесами.

Градъ

Что съ нашей царевной? — Жива ли царевна?

Старцы

Георгій избавилъ царевну отъ смерти. Царевна развязываетъ свой шелковый поясъ. Царевна вяжетъ Змѣя за шею. Царевна ведетъ Змѣя въ городъ.

Градъ

Кроткая, слабая царевна ведетъ на своемъ поясѣ страшнаго Змѣя.

Старцы

Бѣгите, бѣгите! Георгій отмститъ намъ. Онъ пуститъ Змѣя на городъ. Онъ идетъ сюда. Онъ разрушитъ жертвенникъ. Бѣгите, бѣгите!

Царь

Берите желѣзныя рогатины, колите его! — *(И въ безуміи закалываетъ себя, а на царскомъ мѣстѣ подымается демонъ Самаилъ).*

Всѣ съ испуга попадали.

СЦЕНА 5

ГЕОРГІЙ, ДЕМОНЪ САМАИЛЪ, СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ.

Самаилъ

Стой!

Ликъ праведныхъ мужей

Мать Пресвятая Богородица, услыши молитвы!

Ликъ праведныхъ женъ

Не выдавай его, Господи, на поруганіе!

Георгій

Во имя Іисуса Христа, скажи, кто ты?

Самаилъ

Насъ много, но среди насъ есть одинъ — онъ имѣетъ величайшую силу. Онъ владычествуетъ надъ всѣмъ сонмомъ демоновъ надземныхъ и подземныхъ. Лучше человѣку не видѣть его.

Георгій

Что ты отъ меня хочешь?

Самаилъ

Я былъ тамъ, когда Онъ творилъ небо и отдѣлялъ землю и утверждалъ столпъ земли. Я былъ тамъ, когда Онъ запечатывалъ бездну. Я взялъ страшные громы и молніи, все грозное отъ всѣхъ стихій. И всѣ онѣ — огонь, воздухъ, вода и земля покорились мнѣ. Ты побѣдилъ ихъ, и я вышелъ для тебя.

Георгій

Пустымъ хвастаешь. Ты былъ свергнутъ съ неба, чтобы скитаться подъ землею. Тебя попираетъ земля, топчутъ тебя человѣческія ноги.

Самаилъ

Я буду служить тебѣ.

Георгій

Ты соблазнилъ Адама и Еву, ты научилъ Каина убить Авеля, ты довелъ родъ человѣческій до потопа, ты научилъ строить столпъ до небесъ. Ты соблазнялъ человѣка и Богъ истреблялъ его, пока не пришелъ Сынъ Божій — Солнце праведное.

Самаилъ

Ты побѣдилъ огонь, воздухъ, воду и землю. Что тебѣ Праведное Солнце? Иди за мной и станешь самъ Праведнымъ Солнцемъ, больше Солнца Праведнаго, покоришь всю вселенную — надземный міръ и подземный. Я буду служить тебѣ.

Георгій

Запрещаю тебѣ именемъ Господа Бога Нашего Іисуса Христа, ступай прочь на дно преисподнее. Сиди тамъ и мучься въ огнѣ. И проклятъ всякій, кто послѣдуетъ за тобой! — *(Ударяетъ копьемъ въ жертвенникъ, Самаилъ исчезаетъ, а изъ разсѣченнаго камня бьетъ источникъ).*

Ликъ праведныхъ мужей

Живоносный источникъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Богъ сердцевѣдый явилъ славная и изрядная знаменія своя.

Георгій

Станьте, не бойтесь. Прошла ночь, Богъ день даетъ. Солнце пронзаетъ лучами землю. Если вѣруете во Христа, въ Него же азъ вѣрую, покажу вамъ иное чудо и знаменіе и силу Господа Бога моего.

Старцы

Рады мы съ тобой и за тебя. Разрушимъ капище суетнаго идола. Отнынѣ вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Георгій

Господи Боже мой, они увидятъ силу и славу Твою и прославятъ Тебя и будутъ имѣть вѣру всѣ, яко Ты еси единъ Богъ и развѣ Тебѣ иного не вѣмъ.

Градъ

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Старцы

Свѣтлое облако осѣняетъ городъ. Облако остановилось надъ городомъ. Онъ креститъ росою небесной.

Градъ

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Входитъ Царевна со Змѣемъ.

Георгій

Царевнѣ. — Вѣнчаю тебя на царство. — Даю вамъ мой щитъ.

Въ воздухѣ надъ городомъ появляется щитъ.

Лицы праведныхъ

Велика наша вѣра крещеная, Мать Божья Богородица, Троица нераздѣльная. Ей великую славу до вѣка поютъ.

ЗАНАВѢСЪ

АПОѲЕОЗЪ

На жертвенникѣ водружаютъ столпъ. У столпа Царевна съ крестомъ.

Вокругъ жертвенника идутъ хороводомъ юноши и дѣвы вавилонскіе.

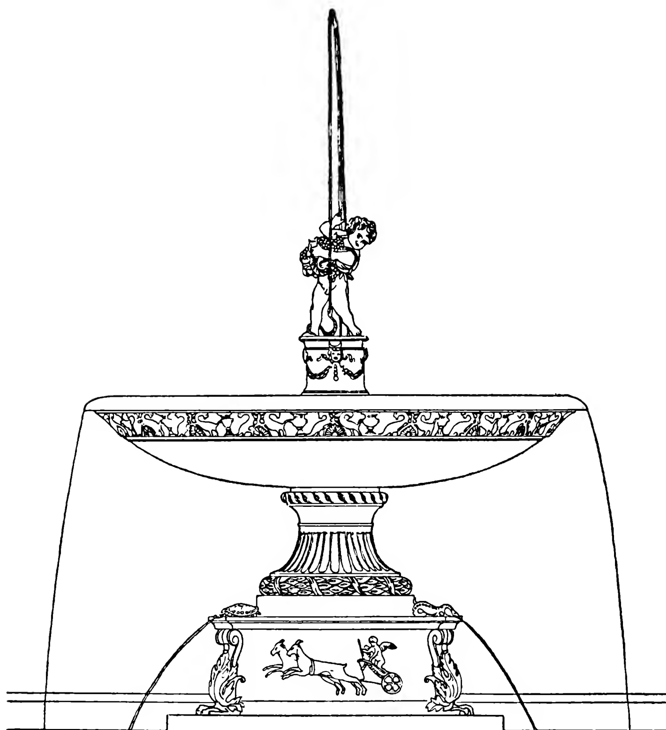
Голоса изъ хоровода

— Полною мѣрою пролилась радость въ свѣтъ!
— Миновалось горе.
— Мягкій вѣтеръ повѣялъ, расточаетъ веселье.
— Сходятся звѣри, склоняютъ головы.
— Съ неба пала роса, льетъ сладость на весь міръ.
— Всѣ деревья одѣлись листьями.
— Звенитъ берегъ, шумятъ луга, зеленѣетъ трава по дорогѣ, расцвѣтаетъ поляна.
— Зеленый въ зеленомъ вѣнкѣ!
— Ключи въ твоихъ рукахъ, ты отмыкаешь небо и выпускаешь росу!
— Ты прочищаешь источники.
— Змѣиный пастырь!
— Солнцевласый!
— Всеоживляющій свѣтъ!
— Колебатель оковъ!
— Непобѣдимый и храбрый Георгій!

Юноши и дѣвы вавилонскіе поютъ стихъ о Георгіи храбромъ.

Пріѣзжалъ Георгій къ первой заставѣ.
Первая застава — высокая гора.
Говоритъ Георгій высокой горѣ:
— Разойдись гора, гора высокая,
— По всей землѣ, по всей Руси
— Ты на маленькія на горушки.
Разошлась гора на маленькія,
На маленькія горушки.
Пріѣзжалъ Георгій ко второй заставѣ.
Вторая застава — огненная рѣка.
Говоритъ Георгій огненной рѣкѣ:
— Разойдись рѣка по всей Руси
— Да на маленькіе на ручейки,
— Да на маленькія на озерушки.
Разошлась рѣка на маленькія,
На маленькія озерушки.
Пріѣзжалъ Георгій къ третьей заставѣ.

Третья застава — змѣй лютый.
Говорилъ Георгій лютому змѣю:
— Ты стань, змѣя, тиха, кротка,
— Тиха, кротка, что скотинушка,
— Пропусти меня къ татарину,
— Пропусти меня къ поганому,
— Отлить мнѣ надо кровь родительскую,
— Отрѣзать голову поганому.
Стала змѣя тиха, кротка,
Пропустила Георгія къ татарину.
И отрѣзалъ Георгій голову
У поганаго у татарина.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Виньетки на стр. 21, 22, 36, 160, 162 — А. Б.; на стр. 15, 32, 130 — Н. Кузьмина; на стр. 17 — Г. К. Лукомскаго; на стр. 4, 27, 38, 44, 50, 77, 115 — Д. И. Митрохина; на стр. 64, 93 — Г. Нарбута.

Обложка и фронтиспись — М. В. Добужинскаго.

Типографія - Сиріусъ - Спб. Рыночная, 10.